

В. И. ЛЕБЕДЕВ

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА
ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ
СТЕПАНА РАЗИНА

УЧПЕДГИЗ 1954

Степан Тимофеевич Разин.
Деталь гравюры XVII в. (увеличено).

В. И. ЛЕБЕДЕВ

**КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА
ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ
СТЕПАНА РАЗИНА**

1667~1671гг.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

Москва * 1955

ВВЕДЕНИЕ

Ни одно из народных движений XVII—XVIII вв. не привлекало такого усиленного внимания историков, как крестьянская война 1667—1671 гг. под предводительством Степана Тимофеевича Разина. Оно нашло широкое отражение и в устном народном творчестве. О славных повстанцах и их предводителе Разине сложено много народных песен, легенд и сказаний. С большим вниманием изучали народное движение 1667—1671 гг. передовые писатели и поэты, в частности Алексей Максимович Горький. Многие из них отразили в своих произведениях героическую борьбу угнетённого народа, поднявшегося на своих вековых врагов.

Глубокий интерес к этому восстанию не случаен. Оно было ярчайшим проявлением самоотверженной борьбы трудящихся, в первую очередь трудового крестьянства, против растущего феодального гнёта.

Именно поэтому, с одной стороны, оно вызывало постоянный интерес у передовых людей нашей страны и, с другой стороны, стремление или замолчать, или сознательно фальсифицировать его представителями господствовавших классов, что наиболее ярко можно проследить на примере буржуазно-помещичьей историографии по этому вопросу. В течение большого промежутка времени, если не принимать во внимание повествования мемуарного характера находившихся в России во время восстания иностранцев, освещение его не находило места в исторической литературе.

Лишь во второй половине XVIII в., когда растущая классовая борьба крепостного крестьянства вылилась в 1773—1775 гг. в мощное народное восстание под предводительством Емельяна Пугачёва, появляется ряд ра-

бот по народным движениям в России. Это можно объяснить главным образом тем, что усилившееся брожение крепостного крестьянства и особенно их открытое массовое выступление против угнетателей серьёзно встревожили дворянско-крепостнический лагерь. Представители господствующих классов вынуждены были отказать от замалчивания крестьянской войны 1667—1671 гг. Ещё в 1763 г. в одном из периодических изданий появляется небольшое сообщение о походе Разина к персидским берегам и о восстаниях примкнувших к нему крестьян¹. О крестьянской войне 1667—1671 гг. говорится также в «Дневных записках» Лепёхина, изданных за два года до народного движения 1773—1775 гг.². Причём Лепёхин стремится очернить героическую борьбу угнетённого народа, а его вождя именует «злодеем» и «грабителем».

Когда в России бушевала мощная крестьянская война под предводительством Пугачёва в 1774 г., в Петербурге на эти события откликнулся дворянский историк М. Щербатов «Краткой повестью о бывших в России самозванцах». Значительное место в ней было уделено крестьянской войне 1667—1671 гг., особенно её вождю Степану Разину. «Краткая повесть» Щербатова сводила причины восстаний лишь к «бунтарским» проявлениям человеческой природы.

Издание в начале XIX в. целого ряда тенденциозно подобранных документов по крестьянской войне 1667—1671 гг. также было одной из своеобразных форм идеологической борьбы господствующих классов с нарастающим революционным движением в стране. В 1826 г. в IV томе «Собрания государственных грамот и договоров» были опубликованы «расспросные речи» Наума Колесникова о пребывании Разина в Персии, о взятии повстанцами Астрахани, «отписка» воеводы Хрущёва с описанием осады отрядами повстанцев Симбирска и два документа об одном из предводителей восставших — Миусском. В 1830 г. в I томе «Полного собрания законов» были опубликованы 12 документов по восстанию 1667—1671 гг. Ряд документов по этому восстанию по-

¹ «Ежемесячные сочинения и известия об учёных делах», СПб, 1763, стр. 23, 321—324.

² «Дневные записки путешествия... Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году», СПб, 1771.

мещён также в «Актах», изданных Археографической комиссией.

В большей части опубликованных документов отражались лишь успехи борьбы правительственных войск с восставшими. Донесения царских воевод, естественно, были проникнуты классовой ненавистью к отважным повстанцам. В них подробно описываются «победы» над «ворами и изменниками», успехи же восставших замалчиваются. На основании этих документов, конечно, нельзя составить правильного представления ни о социальном характере движения, ни об идеологии восставших, ни об их военных действиях и т. д.

В период кризиса феодально-крепостнического строя поднимается новая волна народного возмущения, что способствовало развитию революционно-освободительной мысли, пересматривавшей с позиций интересов народных масс также и историческое прошлое России. Всё это вело к тому, что и помещичье-буржуазные историки не могли больше трактовать народные восстания, в частности крестьянскую войну под предводительством Степана Разина, только как «действия разбойников».

Именно в эти годы «славянофил» А. Н. Попов опубликовал «Материалы по истории возмущения Стеньки Разина» и исследование «История возмущения Стеньки Разина». Основное внимание в своих работах Попов уделяет расправе правительственных войск с повстанцами. Мощное народное восстание характеризуется им как «казацкий разбой», который якобы случайно получил столь широкое распространение. Фальсифицируя восстание 1667—1671 гг., Попов объявляет его делом «казацкой вольницы».

Современник Попова буржуазный историк С. М. Соловьёв в своём многотомном труде «История России с древнейших времён», хотя в значительно меньшей степени, чем первый, но всё же уделил внимание восстанию под предводительством Степана Разина. Появляется известная работа Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Буржуазная историческая наука обогащается новыми источниками об этом народном движении.

С. М. Соловьёв и Н. И. Костомаров рассматривали антифеодальную крестьянскую войну 1667—1671 гг. с реакционных позиций. Верные принятым им концепциям «государственно-юридической школы», они считали

восстание под предводительством Степана Разина проявлением антигосударственной тенденции к «казакованию» со стороны народных масс, выражением борьбы «двух укладов русского быта: удельно-вечевого и единодержавного»¹.

Особенно чётко сказывается оценка народного движения 1667—1671 гг. с позиций «государственно-юридической школы» у С. М. Соловьёва. Восстание 1667—1671 гг. изображается этим историком как «бунт» против высшего начала государственности. Согласно его концепции, «Лишённая... надежды погулять по Каспийскому морю, огромная шайка опрокидывается внутрь государства, в надежде воспользоваться его неприготовленностью и поднять низшие слои населения на высшие. Таков смысл явления, известного в нашей истории под именем бунта Стеньки Разина»². Повстанцы, по утверждению С. М. Соловьёва, — враги прогресса, так как выступают против священных начал государственности и собственности. Он призывает к решительной борьбе с «бунтовщиками» за укрепление государственной власти.

Буржуазные историки типа Попова, Соловьёва, Костомарова допускали одну и ту же ошибку и в оценке движущих сил крестьянской войны под предводительством Степана Разина. Костомаров вслед за Поповым и Соловьёвым утверждал, что основной движущей силой восстания 1667—1671 гг. было казачество, крестьянство же было лишь вспомогательным средством в его руках. Оно, по мнению Костомарова, ожидало лишь «дальнейших успехов предводителя, обещавшего всем русским людям казацкую волю»³.

Буржуазные историки извращали также роль нерусских народов в движении 1667—1671 гг., принижали степень их активности и сознательности. Так, Костомаров писал: «Поднялись язычники, инородцы, мордва, чуваша, черемисы, сами не зная, кажется, за что бунтуют»⁴.

¹ Н. Костомаров, Бунт Стеньки Разина, Собрание сочинений Н. И. Костомарова, Исторические монографии и исследования, тт. 1—3, кн. 1, СПб, 1901, стр. 408—409.

² С. М. Соловьёв, История России с древнейших времён, т. 11, кн. 3, гл. V, изд. «Общественная польза», СПб, стр. 291.

³ Н. И. Костомаров, Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей, указ. изд., стр. 340.

⁴ Там же, стр. 339.

Причины поражения восстания 1667—1671 гг. они усматривали в факторах случайного порядка. Говоря об историческом значении выступления восставших под предводительством Степана Разина, буржуазные историки считали его явлением регрессивным. Оно и понятно. Признание прогрессивной роли антифеодальной крестьянской войны 1667—1671 гг. было бы чуждым и враждебным этим выразителям интересов господствующих классов России.

Значительного внимания заслуживают работы ряда историков народнического направления, затрагивающих вопрос о крестьянских восстаниях XVII—XVIII вв., и особенно те труды, которые проникнуты прогрессивными идеями революционеров-демократов. Из последних можно назвать ряд исследований историка А. П. Щапова, на которого большое влияние оказали Н. Г. Чернышевский и Д. И. Писарев. Он рассматривает восстание под предводительством Степана Разина не как антигосударственное и реакционное, а как протест страдавшего крестьянства против феодально-крепостнического гнёта. Однако Щапов не смог избежать ошибок, присущих народникам. Характеризуя крестьянские восстания, Щапов проводит порочную идею культа личности, не учитывает царистского характера народных движений и т. д.

В противовес помещичье-буржуазным историкам, которые искажали характер крестьянской войны 1667—1671 гг., русские революционеры, начиная с А. Н. Радищева, видели в этом восстании широкий протест народных масс против крепостнического гнёта. Представители лагеря революционеров-дворян, а позднее — русских революционных демократов в последовательной борьбе с буржуазно-помещичьими фальсификаторами истории воссоздали историческую правду о самоотверженной борьбе народа. Народные движения XVII—XVIII вв. в России вдохновляли русских революционеров в их героической борьбе за счастье народа. «Восстания Степана Разина, Емельяна Пугачёва, — говорил М. И. Калинин, — заставляли задумываться наиболее просвещённые умы дворянского класса, побуждали их к критической оценке положения крестьянства и произвола помещиков»¹.

¹ М. И. Калинин, О литературе, Лениздат, 1949, стр. 130.

А. Н. Радищев считал выступление народных масс под предводительством Степана Разина явлением закономерным, указывал на это восстание, как на пример «развержения великих дарований»¹. Высокую оценку даёт Радищев вождю восстания Степану Тимофеевичу Разину². При этом он подчёркивает, что Разин стал во главе восстания благодаря целому ряду объективно сложившихся для этого исторических закономерностей. Радищев тем самым высказывал правильное положение о роли личности в истории. Однако эта мысль была лишь догадкой, а не системой уже сложившихся взглядов.

Как указывал В. И. Ленин, горячая любовь к народу и ненависть к крепостному праву после Радищева была подхвачена лучшими людьми из дворян — декабристами. Поэтому не случайно, что они проявляли интерес к восстанию, возглавляемому Разиным, и к другим народным движениям XVII—XVIII вв. Декабрист В. Сухоруков, например, в книге «Историческое описание войска Донского» значительное место отводит восстанию под предводительством Степана Разина и народным движениям при Петре I.

«Записки» другого декабриста А. В. Поджио также свидетельствуют о глубоком интересе, который он проявлял к восстанию под предводительством Степана Разина, а также к народному движению, возглавляемому Емельяном Пугачёвым. Непосредственную причину возникновения этих восстаний А. В. Поджио видит в усилении крепостнического гнёта. Он указывает на великие освободительные цели, положенные в основу боевой программы восставших. При характеристике вождей народных восстаний А. В. Поджио подходит к правильной трактовке роли личности в истории. «...Пугачёвы, — пишет Поджио, — вызываются тем общественным строем, в котором вырабатываются все подобные личности»³.

Правильная оценка сильных сторон этих восстаний не мешала декабристам видеть их слабые стороны, стихийность и «царистский» характер, отсутствие чётко выработанной программы.

¹ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. II, М.—Л., 1941, стр. 128.

² Там же, стр. 178.

³ А. В. Поджио, Записки декабриста, Сб. «Воспоминания деятелей тайных обществ 20-х гг. XIX в.», ч. 1, стр. 81.

Прогрессивные взгляды декабристов на антифеодальные крестьянские войны разделялись великим русским поэтом А. С. Пушкиным. Крестьянская война 1667—1671 гг. и особенно предводитель поднявшегося на борьбу народа Степан Разин на протяжении многих лет приковывали внимание поэта. В 1826 г. он опубликовал записанные им и мастерски обработанные «Песни о Разине». В первой главе «Истории Пугачёва» Пушкин упоминает о Разине, подчёркивая при этом его мужество и отвагу.

Передовые взгляды декабристов на народные восстания нашли своё дальнейшее развитие в трудах революционеров-демократов.

Рост классовой борьбы угнетённого крестьянства в предреформенные десятилетия повлёк за собой, как указывал В. И. Ленин, образование двух лагерей в русском общественном движении: лагерь либерально-монархический и лагерь революционно-демократический, который возглавляли Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев.

Революционеры-демократы в своих произведениях отражали интересы революционного крестьянства, проводили «через препоны и рогатки цензуры—идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹.

Резкое размежевание между указанными реакционным и прогрессивным лагерями имело место также в исторической науке. Особенно наглядно оно протвилось в трактовке проблемы о роли массовых крестьянских выступлений, антифеодальных крестьянских войн. Революционеры-демократы в борьбе с реакционными представителями либерально-монархического лагеря сумели подойти к правильному освещению народных движений в России, в частности к крестьянской войне под предводительством Степана Разина.

В противовес помещичье-буржуазному лагерю, сводившему историю к действиям королей и полководцев, революционеры-демократы считали народ решающей силой истории. Революционеры-демократы правильно подчёркивали, что главным стремлением трудового народа является борьба с эксплуатацией, борьба за проведение «корен-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 97.

ных изменений в своём материальном быте»¹. Они первыми в России указали, что развитие условий материальной жизни обуславливает борьбу классов, чему они в своих произведениях уделяли большое внимание.

История крестьянской войны 1667—1671 гг. под руководством Степана Разина занимает в произведениях революционеров-демократов видное место. С большим уважением, несмотря на жесточайшие цензурные условия, писали они о повстанцах, о их вождях.

Русские революционеры-демократы расценивали народные движения XVII—XVIII вв. в России не как бессмысленный бунт, а как выражение глубокого протеста трудового крестьянства против своих угнетателей. С негодованием обрушивался А. И. Герцен на помещичье-буржуазных историков за то, что они «до сих пор изображают Стеньку Разина, Пугачёва разбойниками с большой дороги»².

Русские революционеры-демократы в гораздо большей степени, чем кто-либо из их современников, подошли к правильному пониманию действительных причин, порождающих антифеодальные крестьянские войны. Непосредственную причину крестьянской войны 1667—1671 гг. революционеры-демократы усматривали в усилении крепостнической эксплуатации. Н. А. Добролюбов, например, в этом смысле расценивал такой законодательный акт, как Соборное Уложение 1649 г., находящееся в резком противоречии с интересами трудового крестьянства и способствовавшее росту классовой борьбы. В результате усиления эксплуатации «мера терпения его (народа.— В. Л.) истощилась»³, и он поднялся с оружием в руках против своих эксплуататоров, недовольный «обычным ходом жизни и существующими порядками»⁴. Герцен, как и Добролюбов, также находит непосредственную причину народного движения 1667—1671 гг. в усилении закрепощения крестьянства в XVII в. «От Бориса (Годунова.— В. Л.) до Петра — уве-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. VI, 1949, стр. 374.

² А. И. Герцен, Полное собрание сочинений, т. IX, Петроград, 1914, стр. 154.

³ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. III, стр. 198.

⁴ Там же, т. VI, стр. 340.

личение помещичьей власти и возмущение крестьян,— Стенька Разин»¹.

Говоря о народном движении под предводительством Степана Разина, революционеры-демократы подчёркивали его размах. Герцен писал, что всё Поволжье было охвачено восстанием под предводительством Степана Разина². Он же указывал на огромное число повстанцев³.

Революционеры-демократы восхищались вождём восставших Степаном Разиным. Каким глубоким уважением к этому народному герою преисполнены слова А. И. Герцена: «Это какое-то безумное метание барса, какие-то опыты мощи, несознательной, но страшной, удаль, дерзость, отвага»⁴. Давая высокую оценку Степану Разину и другим вождям восставшего народа, революционеры-демократы вместе с тем выступали против культуры личности. Так, Добролюбов писал, что «вообще не может один или даже и несколько человек произвести в массах волнение, к которому они не приготовлены, которое не бродит уже в умах их, вследствие фактов прошедшей жизни»⁵.

Революционеры-демократы считали антифеодальные крестьянские войны XVII—XVIII вв. в России прогрессивными, революционными по своему характеру даже и тогда, когда повстанцы выступали против своих классовых врагов с «призывом царского имени»⁶. Герцен указывал, что целью движения народных масс под предводительством Степана Разина было — отвоевать землю и волю⁷. Не менее интересно для нас также другое высказывание А. И. Герцена о характере восстания 1667—1671 гг., возглавляемого Степаном Разиным, и восстания под предводительством Емельяна Пугачёва: «Ни Стенька Разин, ни Пугачёв не дуванили (т. е. не распределяли между собой.— В. Л.) земель; они... понимали, что земля заветная, что она народная»⁸.

¹ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 102.

² Там же, т. VII, стр. 374.

³ Там же.

⁴ Там же, т. IX, стр. 520.

⁵ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. III, стр. 166.

⁶ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений т. XIX, стр. 151.

⁷ Там же, т. XVI, стр. 123.

⁸ Там же, т. XX, стр. 297.

Борьбу за землю революционеры-демократы понимали как борьбу против всей феодально-крепостнической системы. Единственным путём к уничтожению крепостного права, по их мнению, должно быть повсеместное массовое крестьянское восстание.

Вместе с тем революционеры-демократы не могли не заметить слабых сторон антифеодальных восстаний (стихийность, локальность, неорганизованность, вера в «хорошего царя» и др.), что было главными причинами их поражения.

Чернышевский, Добролюбов, Герцен, Белинский, Писарев указывали на отсутствие чётко разработанной теоретической программы у восставшего народа. Вера в «хорошего народного царя» также была слабой стороной восстания. А Герцен в этой связи указывал, что крестьянин «даже новое понимает в старых одеждах»¹.

Подмечая слабые стороны антифеодального восстания под предводительством Степана Разина и других крестьянских движений, революционеры-демократы допускали и ряд неправильных положений. Некоторые из них, например Герцен, ошибочно объясняли в ряде случаев главную причину стихийности и локальности восстания 1667—1671 гг. и других антифеодальных восстаний в России географической средой.

* * *

Лишь классики марксизма-ленинизма правильно и достаточно полно вскрыли содержание и исторически прогрессивное значение антифеодальной крестьянской войны 1667—1671 гг. и других выступлений подобного типа. Положения классиков марксизма-ленинизма о народных восстаниях в период феодализма, в частности об антифеодальном движении 1667—1671 г., служат советским историкам прочной основой при разработке вопросов их методологии и их конкретно-исторического изучения.

К. Маркс и Ф. Энгельс всегда проявляли большой интерес к антифеодальным народным движениям. В 1850 г. вышел в свет труд Энгельса «Крестьянская война в Германии», в котором освещалось восстание крестьян и городских низов Германии в 1525 г. Работа Энгельса была горячо одобрена Марксом, который также высоко ценил

¹ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений, т. XXI, стр. 446.

это восстание и называл его самым радикальным фактом немецкой истории¹. Важные положения для изучающих восстание под предводительством Степана Разина и другие антифеодальные народные движения содержатся в работе К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта».

Маркс тщательно изучал историю крепостного права в России и борьбу с ним угнетённого крестьянства. С этой целью он прочитал большое число трудов русских историков по этому вопросу, в частности работы Беляева, Семеновского и др.

С особым вниманием ознакомился К. Маркс с материалами о восстании под предводительством Степана Разина, составив даже подробный конспект монографии Костомарова «Бунт Стеньки Разина». При его написании Маркс отбросил буржуазно-объективистские положения этого историка, творчески переосмыслил и отобрал излагаемые им факты.

Много ценных замечаний о восстании под предводительством Степана Разина даёт обширная переписка Маркса и Энгельса с русскими политическими деятелями. Великие основоположники научного коммунизма беспощадно клеймили тех, кто пытался фальсифицировать это народное движение. Резкую отповедь со стороны Маркса получила попытка анархиста Бакунина принизить роль этого восстания и других аналогичных выступлений народа, потрясших феодально-крепостнические устои царской России. Маркс в этой связи писал: «Чтобы одурaczyć своих читателей, Букунин смешивает в одну кучу вождей народных восстаний XVII и XVIII веков с современными русскими разбойниками и грабителями»².

Лишь Маркс и Энгельс впервые подвели под антифеодальные движения правильную научную основу, лишь они, применяя метод материалистической диалектики, смогли выявить действительные причины их возникновения и поражения, их место и значение в развитии общества.

Основоположники научного коммунизма рассматривали восстание под предводительством Степана Разина в тесной связи с особенностями экономического развития

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. I, стр. 393.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 600.

России, отводили значительное место социально-экономическим предпосылкам его возникновения.

Причины возникновения восстания, возглавляемого Степаном Разиным, Маркс ищет там, где существуют «отношения между землевладельцами и работниками»¹. На конкретном историческом материале Маркс вскрывает сущность этих отношений, построенных на эксплуатации человека человеком, и делает вывод, что восстанию Разина предшествовало строжайшее прикрепление крестьян к земле и возросший феодальный гнет². Особенно при перечислении этапов усиления феодального угнетения Маркс выделяет Соборное Уложение 1649 г., согласно которому уничтожался срок поимки беглых крестьян. Отсюда Маркс заключает, что «вся половина XVII века была подготовлением эпохи Стеньки Разина»³. Говоря о причинах восстания под предводительством Степана Разина, Маркс наряду с быстро растущим феодальным гнётом выделяет такие важные факторы, как произвол местных властей. Не мог не обратить внимание Маркс также на такое важное явление при рассмотрении предпосылок восстания, как резкое усиление классовой борьбы в деревне в годы, непосредственно ему предшествовавшие.

К. Маркс и Ф. Энгельс, изучая антифеодальные крестьянские войны, большое внимание обращали на причины поражения повстанцев: неорганизованность, стихийный характер, распылённость крестьянских выступлений, низкий уровень классового сознания восставших.

Антифеодальные народные движения тщательно изучали продолжатели дела К. Маркса и Ф. Энгельса В. И. Ленин и И. В. Сталин. «Мы, большевики, — писал И. В. Сталин, — всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачёв и др. ...Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства»⁴.

В. И. Ленин и И. В. Сталин указывали на большое значение в истории общества классовой борьбы угнетённого крестьянства против помещиков.

¹ Сб. «Молодая гвардия», 1926, № 1, стр. 109.

² Там же, стр. 107.

³ Там же, стр. 109.

⁴ И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 112.

В противовес антинаучным положениям помещичье-буржуазных историков, считавших восстание под предводительством Степана Разина казацким движением, В. И. Ленин определил его как крестьянское восстание. Эта оценка была дана Лениным в речи 1 мая 1919 г. при открытии памятника Степану Разину у Лобного места.

В. И. Ленин характеризовал Степана Разина, как одного из представителей мятежного крестьянства, отдавшего жизнь в борьбе за свободу¹. Вслед за В. И. Лениным И. В. Сталин также определяет восстание под предводительством Степана Разина и другие антифеодальные восстания как крестьянские выступления.

Большое значение для правильного понимания восстания под предводительством Степана Разина имеет для нас также положение В. И. Ленина об одинаковой классовой направленности всех восстаний крестьян против своих угнетателей в средние века. В этой связи В. И. Ленин сравнивает крестьянскую войну в Германии и антифеодальные крестьянские войны в России: «В Германии, например, в средние века достигла широких размеров и превратилась в гражданскую войну крестьян против помещиков борьба между двумя классами: помещиками и крепостными. Вы все знаете примеры подобных многократных восстаний крестьян против помещиков-крепостников и в России»².

Ленин и Сталин творчески развили сформулированные Марксом и Энгельсом положения о причинах поражения антифеодальных народных движений в применении к конкретно-историческим условиям, сложившимся в XVII—XVIII вв. в России, в частности к восстанию под предводительством Степана Разина. Ленин и Сталин выделили следующие из них: стихийность, наличие «царистских» лозунгов, неорганизованность, локальность.

Общую характеристику причин поражения народного движения под предводительством Степана Разина и других антифеодальных восстаний XVII—XVIII вв. в России мы находим в беседе И. В. Сталина с немецким писателем Эмилем Лuedвигом от 13 декабря 1931 г.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 304.

² Там же, стр. 444—445.

И. В. Сталин определил классовую природу всех подобных восстаний («восстания крестьянства против феодального гнёта», «возмущения угнетённых классов»). Далее И. В. Сталин указывает, что восстания под предводительством Болотникова, Разина, Пугачёва и других не могли привести к победе, так как были стихийны, «разбойны», неорганизованы. В этой беседе И. В. Сталин раскрывает сущность идеологии антифеодальных восстаний и в то же время указывает на одну из причин их неудачи, подчёркивая «царистский» характер лозунгов восставших крестьян, которые «выступали против помещиков, но за «хорошего царя»¹.

Главную причину неудачи восстания под предводительством Разина и других антифеодальных движений Ленин и Сталин усматривали в том, что у восставших не было и не могло быть тогда идейного руководителя и организованного ядра в лице рабочего класса. Так, в статье «К деревенской бедноте» Ленин писал, что «крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда (т. е. в дореформенный период.—*В. Л.*) совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись как умели и как могли»². Это ленинское положение было конкретизировано И. В. Сталиным в докладе «О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии» (1926 г.) и в беседе с Эмилем Людвигом. «Почему погубило восстание крестьян при Пугачёве или при Степане Разине? Почему тогда не сумели крестьяне добиться изгнания помещиков?» — задаёт в этом докладе вопрос Сталин и тут же отвечает: «Потому что у них не было, да и не могло быть тогда такого революционного руководителя, как рабочий класс»³. В беседе с Эмилем Людвигом И. В. Сталин развивает это положение, указывая, что к победе могут привести комбинированные рабочие и крестьянские восстания, т. е. при условии союза рабочего класса и крестьянства и руководства со стороны первого.

* * *

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 113.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 384.

³ И. В. Сталин, Сочинения, т. 8, стр. 143.

Подлинно научное и всестороннее исследование крестьянской войны под предводительством Степана Разина с привлечением большого конкретно-исторического материала стало возможным после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Вскоре появились много брошюр и небольших исследований по восстанию под предводительством Степана Разина и по другим народным движениям в России. Правда, эти работы ещё не являлись подлинно марксистскими, авторы их не отрешились от буржуазных традиций в трактовке антифеодальных крестьянских восстаний. Особенно в этом отношении можно выделить Н. Фирсова, написавшего в 20-х годах ряд брошюр о восстании 1667—1671 гг. В них Фирсов клеветает на повстанцев, называя главную движущую силу восстания поднявшихся на борьбу со своими угнетателями крестьян «воровской публикой», которая якобы думала лишь о том, чтобы «было чем поживиться». Фирсов не признавал крестьянский характер восстания, утверждал, что «крестьяне не принимали в массе своей участия в этом движении»¹. Участники восстания в изображении Фирсова предстают серой и пассивной массой. Действует не восставший народ, а лишь Степан Разин.

Впоследствии Н. Фирсов, Н. Рожков и ряд других историков вошли в «школу» М. Н. Покровского. Покровский и его последователи нанесли большой вред делу объективного марксистско-ленинского изучения крестьянской войны под предводительством Степана Разина и других народных движений.

Мощную крестьянскую войну 1667—1671 гг. М. Покровский рассматривал в основном как иллюстративный материал, подтверждающий его надуманную, антиисторическую схему, в основе которой лежало ложное учение о торговом капитализме, как особой общественной формации. Искусственно подбирая факты и зачастую фальсифицируя их, М. Покровский пытался представить восстание под предводительством Разина как одно из проявлений столкновения торгового капитала Русского государства с казачьей, разбойничьей торговлей. При рассмотрении движущих сил восстания М. Покровский и его последова-

¹ Н. Фирсов, Стенька Разин — вольный атаман, М., 1919, стр. 15, 44.

тели на первое место ставили казачество, почти полностью игнорируя при этом его главных участников — русское крестьянство и крестьянство угнетённых народностей Поволжья. Мощное народное движение 1667—1671 гг., значительно расшатавшее устои феодально-крепостнической системы, М. Покровский и его последователи считали бесплодным по своим последствиям.

Большой вред, который был нанесён советской исторической науке М. Покровским и его «школой», в деле основанного на марксистско-ленинской методологии изучения антифеодальной крестьянской войны под предводительством Степана Разина, сказался также в искусственном подборе документов. Они отбирались для публикации применительно к антинаучной исторической схеме М. Покровского и его «школы».

Положительно отличалась от составленных последователями М. Покровского сборников документов по восстанию под предводительством Разина публикация новых материалов, осуществлённая Б. Д. Грековым и вышедшая в 1927 г.

Замечания И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР (1934 г.) помогли историкам освободиться от буржуазно-дворянской терминологии, вроде «разиновщина», «пугачёвщина» и др. Серьёзную роль для советских историков сыграло также постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР для III и IV классов средней школы (1937 г.). В нём, в частности, указывалось, что «при освещении крестьянских восстаний до начала XX столетия преувеличивается их организованность и сознательность. Авторы учебников недостаточно, видимо, отдают себе отчёт в том, что крестьяне вне руководства рабочего класса были способны лишь на стихийные и неорганизованные движения. Авторы, видимо, недостаточно поняли десятки раз повторяющуюся Лениным мысль о том, что организованный характер крестьянскому революционному движению придали только рабочий класс и большевистская партия, когда они окрепли и выросли в многолетней борьбе против помещиков и капиталистов»¹.

¹ Сб. «К изучению истории», Партиздат, М., 1937, стр. 38.

Значительным вкладом в дело дальнейшего изучения многих важных вопросов исторической науки явился изданный в 1938 г. «Краткий курс истории ВКП(б)». Указания о том, что «историческая наука... должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»¹, способствовали мобилизации советских историков на дальнейшее изучение народных движений в России XVII—XVIII вв., в частности, на дальнейшее изучение крестьянской войны 1667—1671 гг.

Появился ряд статей, где в противовес отрицательному и ошибочному отношению М. Покровского к антифеодальному восстанию под предводительством Степана Разина советскими историками была восстановлена историческая правда об этом славном эпизоде героической борьбы угнетённого народа со своими классовыми врагами.

Выходит в свет ряд публикаций по восстанию под предводительством Степана Разина, научно-популярные книжки.

В появившихся в предвоенные годы вузовских учебниках по истории СССР содержится, в основном, правильное, основанное на марксистско-ленинской методологии освещение народного движения 1667—1671 гг. В них верно, с учётом соответствующих положений классиков марксизма-ленинизма излагаются характер, движущие силы, ход и причины поражения крестьянской войны 1667—1671 гг.

В годы Великой Отечественной войны советские историки не прерывали работу по изучению народных движений в феодально-крепостнической России. В 1943 г. появилось интересное исследование Е. Стецюк о связи народного движения на Украине с восстанием под предводительством Степана Разина. В послевоенные годы работа эта продолжается.

Большое значение для изучающих антифеодальные крестьянские войны имели поднятые в связи с ноябрьской экономической дискуссией 1951 г. вопросы о внеэкономическом принуждении при феодализме; о месте и роли товарного производства при феодализме; о законе обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 116.

Благодаря этому при освещении рассматриваемого восстания представляется возможным избежать ряд ошибок, допускаемых обычно при написании истории антифеодальных движений.

В основе этих ошибок лежало преувеличение роли внеэкономического принуждения и недооценка явлений базисного порядка при освещении причин происхождения и поражений народных восстаний.

Указания о месте и роли товарного производства при феодализме и капитализме дадут возможность не допустить ошибку при оценке социального характера восстания 1667—1671 гг., которое, как и ряд других антифеодальных выступлений, рассматривались ранее целым рядом историков как «мелкобуржуазные» по своему характеру.

В послевоенные годы количество статей и брошюр по восстанию 1667—1671 гг. возрастает. Многие из них носят местный, краеведческий характер. Так, в 1947 г. появляется научно-популярная работа Д. Каржавина, которая была написана к трёхсотлетию Ульяновска. В 1949 г. в 11-м издании «Записок» научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР помещены статьи И. Воронина и М. Зевакина, в которых говорилось об участии мордовского народа в восстании 1667—1671 гг. Появилась статья Е. В. Чистяковой «Крестьянское движение в Подмосковье и поход Василия Уса» (см. «Вопросы истории», 1953, № 8). В 1954 г. в Петрозаводске издана брошюра Н. Барсукова «Соловецкое восстание», в которой рассматривается соловецкое восстание как последний очаг крестьянской войны.

Е. Стецюк написала ряд статей по начатому ещё во время войны исследованию о влиянии восстания под предводительством Степана Разина на развитие народного движения на Украине.

Должное место уделено марксистско-ленинскому освещению народного движения под предводительством Степана Разина в вышедших в послевоенные годы школьных и вузовских учебниках, а также в «Хрестоматии по истории СССР».

Однако несмотря на большой интерес, постоянно проявляемый советскими историками к крестьянской войне в 1667—1671 гг., обобщающей работы по этому важ-

нейшему событию в истории нашей родины ещё не создано.

В этой связи вполне своевременным и нужным была предпринятая в 1954 г. Институтом истории АН СССР совместно с Центральным государственным архивом древних актов МВД СССР трёхтомная публикация документов по восстанию 1667—1671 гг., первый том которых уже вышел из печати.

Данная работа ставит своей целью на основе новых (частично архивных) материалов познакомить преподавателей средней школы с крупнейшим антифеодальным движением угнетённых масс России — крестьянской войной 1667—1671 гг.

Глава I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ 1667—1671 гг.

Шестидесяти лет, прошедших со времени подавления восстания под предводительством Ивана Болотникова, было достаточно, чтобы создались социально-экономические предпосылки для нового пожара крестьянской войны, бушевавшей в течение нескольких лет на территории Российского государства. Для того чтобы лучше понять причины, породившие народное движение 1667—1671 гг., необходимо познакомиться с положением в нашей стране к середине XVII в.

Разорение, которому подверглась в результате иностранной интервенции значительная часть Российского государства в начале XVII в., тяжело отразилось на экономике страны. Одним из главных последствий было запустение пахотных земель в центральных районах. Пашни порастали лесом, их некому было обрабатывать, так как значительная часть крестьян, страшась погромов, уходила в леса и оттуда вела партизанскую войну с интервентами. В вотчинах Троицкого монастыря, например, в 1614—1616 гг. было всего лишь 18% обрабатываемых земель. В более окраинных уездах — 22—49%.

Однако уже в 30—40-х годах благодаря упорному труду основного производителя материальных благ угнетённого крестьянства разорение — последствие хозяйничанья интервентов — начинает исчезать. Величина запаханых земель достигает максимального уровня XVI в., восстанавливаются разрушенные сёла и деревни. Всё шире используется удобрение пашни навозом, особенно на севере, где крепостничество было слабо распространено. Трёхполье вытесняет подсечную систему земледелия.

Плуг хотя и не приходит на смену сохи, но в ряде документов того времени уже упоминается. Развивается скотоводство, огородничество и садоводство.

Вовлечение феодального хозяйства в товарно-денежные отношения приводит к дальнейшему увеличению производства хлеба для продажи. Это достигалось главным образом не только при помощи внешнего расширения владений, но и путём увеличения барской запашки за счёт отбираемых у крестьян земель.

Рост пахотной земли наиболее заметен в центральных уездах. Если в 40-х годах XVII в. в 14 центральных уездах пахотная земля составляла 42,8%, то в 70—80-х годах — 62,2%¹.

Что касается барской запашки, то она начинает занимать с 50-х годов в центральных районах государства обычно половину, а в местностях с развитым пашенным хозяйством — до 90% всей пашни. Более конкретное представление о росте барской запашки дают сведения по сёлам Никольское и Черкизово, расположенными близ Коломны. Если в сёлах Никольском и Черкизове до 1663 г. барская пашня относилась к крестьянской соответственно, как 1:6 и 1:4, то после 1663 г., как 1:2. Барская запашка росла более быстрым темпом, чем крестьянская.

Наряду с быстрым ростом барской пашни наблюдалось сокращение, правда, не в такой мере, как в конце XVI в., крестьянской пашни. Последняя к концу века уменьшилась на 20—25%, против переписи 1646 г.² Особенно резкое сокращение крестьянской запашки происходило на землях служилых людей центральных уездов.

Восстановление феодальных хозяйств, дальнейший рост запашки в связи с большим производством хлеба и других продуктов сельского хозяйства на продажу — всё это способствовало развитию производительных сил. Однако перечисленные успехи были достигнуты за счёт увеличения числа закрепощённого крестьянства и ещё большей их эксплуатации, так как в обществе, построенном на эксплуатации, «всякий прогресс в производстве означает одновременно регресс в положении угнетенного класса, т. е. огромного большинства»³.

¹ П. Лященко, История народного хозяйства СССР, изд. 2, т. I, стр. 292.

² Там же, стр. 294.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 152;

Число крепостных крестьян к 80-м годам XVII в. достигло большой величины. Из 888 тыс. крестьянских дворов по переписи 1678 г. 595 тыс. дворов (67%) принадлежало дворянству, 118 тыс. дворов (13,3%) — церкви, 83 тыс. дворов (9,3%) — дворцу и лишь 92 тыс. дворов были посадскими и черносошными.

Наряду с поместьями росли и те крупные вотчины, которые сумели приспособиться к растущим товарно-денежным отношениям и которые глубоко были вовлечены в товарное производство. Ряд крупных феодалов одновременно с сельским хозяйством занимались промышленным предпринимательством. На примере хозяйства Б. И. Морозова можно видеть, что проникновение товарного производства в крупное, барское поместье в рассматриваемый период в большей или меньшей степени уживалось с натуральной системой вотчинного хозяйства. Сам Б. И. Морозов представляет тип такого феодала, который осознал выгоду ведения товарного производства в широких масштабах и стал организовывать в своих владениях разные предприятия, на которых изготовлялся товар для продажи. В его хозяйстве было развито виноделие, железоделание и более широко — производство поташа.

Большое применение в хозяйстве Морозова получила барщина. Крестьяне работали на пашне этого боярина по 3—4 дня в неделю. Однако это не исключало уплаты натурального оброка, величина которого также росла, так как всё бóльшая часть «столовых запасов» реализовалась на рынке.

В тех местностях, которые были теснее связаны с рынком, господствовал денежный оброк. Так, например, получив в своё владение торговое село Мурашкино, Морозов заменил денежным оброком десятинную пашню крестьян.

Подобно Морозову, вели своё хозяйство многие крупные бояре-землевладельцы. Из их числа можно назвать Н. И. Одоевского, И. Д. Милославского, Ю. И. Ромодановского, стольника Ф. Е. Плещеева и т. д. Наконец сам царь Алексей Михайлович являлся образцом крупного феодала, из владений которого значительная часть продукции шла на рынок.

Таким образом, в сельском хозяйстве наблюдаются определённые сдвиги, характерные для общего развития экономики России во второй половине XVII в.

С дальнейшим общественным разделением труда возросшее товарное производство и обращение в XVII в. способствовало ликвидации остатков удельных традиций, пережитков феодальной раздробленности. Это, по словам Ленина, знаменовало собой «новый период русской истории», который «характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это было вызвано... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»¹.

В этих условиях наблюдается быстрый рост ремёсел, развитие крупного товарного производства, городов, внутренней и внешней торговли.

Ремесло всё больше меняет свой характер. Если раньше ремесленное производство было преимущественно связано с заказом, то в XVII в. оно всё более ориентируется на рынок. Подобное изменение было обусловлено следующими причинами: 1) специализация определённых видов ремёсел в определённых центрах благодаря дальнейшему развитию производительных сил страны; 2) постепенное укрупнение ремесленных предприятий и большее применение на них наёмного труда.

Большинство ремесленников являлось «тяглыми людьми». Помимо изделий на заказ, они начинают производить разнообразную ремесленную продукцию на рынок. Кроме тяглых ремесленников, существовали в Москве «дворцовые» ремесленники, которые обслуживали потребности царского двора. Существовала также группа «казённых» ремесленников. Ими ведал ряд правительственных приказов. Две последние из трёх названных категорий ремесленников получали казённое жалованье. Рост количества этих ремесленников и уменьшение числа «частновладельческих» ремесленников, обслуживавших хозяйства отдельных феодалов, — всё это говорит за то, что последние в XVII в. во всё большей степени удовлетворяли свои потребности посредством применения наёмного труда.

О роли ремесла в экономической жизни Российского государства можно судить по числу городских ремесленников. В 1638 г. в Москве было 2367 лиц, занимающихся ремеслом, в Новгороде — около 2000.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. I, стр. 137.

Увеличивается добыча металла и совершенствуется его обработка. В XVII в. на территории нашей страны сложилось несколько металлургических центров. Наиболее значительным из них был Тульско-Серпуховский район, где сосредоточилось значительное количество кузнецов. Именно здесь возникли первые железодельные мануфактуры. Помимо него, можно назвать такие металлургические и металлообрабатывающие центры, как Устюжна Железопольская, Великий Устюг, Заонежье, село Павлово Нижегородского уезда создаются железодельные заводы в Малоярославском, Оболенском, Боровском и Звенигородском уездах.

Крупные для того времени центры кожевенной промышленности создаются в Ярославле и Казани. Больших успехов достигает обработка дерева. Лён и конопля всё больше идут на продажу. Развитие всех этих отраслей ведёт к дальнейшей специализации районов.

Происходившее в XVII в. укрупнение мелкого производства и применение в нём наёмного труда нашло отражение и в дальнейшем развитии мануфактурного производства.

В рассматриваемый период возникают крупные мануфактуры: железодельный завод Виниуса в 1632 г., ещё ранее Хамовный двор, которым ведало Дворцовое управление, стекольные заводы в селе Измайлово и др. В XVII в. действовало до 30 мануфактур.

Быстро растёт число русских городов и количество в них посадского населения. Примерно к середине XVII в. число посадских дворов равнялось 31,5 тыс. К концу XVII в. оно возрастает до 50 тыс. Однако всё же численность городских жителей в это время по отношению ко всему населению составляла всего 3%. В Москве численность населения к середине XVII в. составляла 200 тыс. В ней насчитывалось свыше 80 слобод с 8500 дворами, заселёнными посадскими людьми. Большое число дворов в это время насчитывалось также в Ярославле (2800), Костроме (1726), Вологде (1234), Нижнем Новгороде (1066) и др. Если с 1615 по 1630 г. в Российском государстве возникло 84 новых города, то соответственно за 15 лет, с 1647 по 1662 г., — уже 99. В числе последних насчитывается меньший процент беспосадных городов.

В условиях складывания всероссийского рынка растут хозяйственные связи между городами. Так, Тихвин вёл

торговлю с 45 городами, Псков — более чем с 50 городами. Через другие города Тихвин и Псков были связаны почти со всеми районами России.

Помимо этих городов значительные торговые связи имел и Смоленск. Однако главным центром торговли со всеми уголками обширного Российского государства являлась Москва. Огромное число ремесленников столицы изготовляли изделия из сырья и полуфабрикатов, привозимых иногда за многие тысячи километров. В Москве насчитывалось до 120 торговых рядов. В сложном процессе складывания всероссийского рынка ей принадлежало ведущее место.

Втягивание деревни в товарно-денежное обращение находит своё отражение в росте крестьянского домашнего производства и крестьянских кустарных промыслов, значительная часть изделий которых поступает на рынок.

Однако главным видом торговли была торговля хлебом и другими продуктами сельского хозяйства. Она в XVII в. значительно возрастает в связи с увеличением числа потребляющих центров, дальнейшей дифференциацией земледелия, освоением новых районов страны. Из числа потребляющих центров можно назвать северные уезды Поморья, район Нижнего Поволжья, казачьи городки на Дону и т. д. С каждым годом их потребность в хлебе увеличивается.

В течение XVII в. на территории нашей страны образовалось ряд мест, где продажа сельскохозяйственных продуктов получила значительное развитие. Из рынков сельскохозяйственных продуктов можно назвать, например, Вологду, которая была главным хлебным рынком на севере нашей страны. Позднее, со второй половины XVII в., хлебным рынком не только для Севера, но и для Сибири становятся Великий Устюг и Вятка, а ещё позднее — Кунгурский уезд (преимущественно для Сибири). Хлебные рынки существовали также в ряде южных уездов Российского государства. Главными рынками по торговле пенькой и льном были Псков, Новгород, Смоленск и Тихвин. Существовали также соляные рынки в Астрахани и в Вологде, в Соликамской и в Чусовых городках. Из числа рынков железных изделий в XVII в. можно назвать Тулу, Тихвин и Устюжну Железопольскую.

В XVII в. наблюдается также рост внешней торговли. В 1653 г., по словам одного иностранца-современника, из

главного русского порта Архангельска было вывезено разных товаров на 1 млн. 32 тыс. руб., из них кожи на 371 тыс. руб.; хлеба и льняного семени — на 264 тыс. руб., мехов — на 98 тыс. руб.¹.

В связи с увеличением спроса на пушнину за границей большое значение приобретает Соль-Вычегодская ярмарка преимущественно сибирской пушнины, а также Ирбитская ярмарка.

Значительно увеличился по сравнению с XVI в. вывоз хлеба в другие страны. Об этом можно судить хотя бы по царским закупкам (в основном для продажи за границу) хлеба в стране, которые ежегодно в период с 1649 по 1653 г. исчислялись в 200 000 четвертей².

Однако вывоз в другие страны хлеба был нерегулярным и занимал в итоге всё ещё незначительное место в общей массе экспортируемых товаров.

Помимо Архангельска, большую роль во внешней торговле играли Новгород, Смоленск, Псков и Тихвин. Через них поставлялись за границу в основном пенька, лён, кожи, а ввозились преимущественно металлоизделия. В торговле с восточными государствами на первом месте стояла Астрахань. Через неё велась торговля с Ираном, с государствами Средней Азии (Хивой, Бухарой). Русское государство было главным посредником при торговле этих восточных государств с западноевропейскими, и наоборот. Кроме того, через находившуюся в Астрахани колонию индийских купцов поддерживались торговые связи с Империей Великих Моголов. Ближе к концу XVII в. стала налаживаться караванная торговля с Китаем.

Таким образом, успешно преодолевая тяжёлые последствия вражеской интервенции начала XVII в., русский народ восстанавливал разрушенное хозяйство.

* * *

Наряду с указанными изменениями в состоянии производительных сил страны за период между восстаниями под предводительством Болотникова и Разина известные пере-

¹ Де Родес, Размышления о русской торговле в 1653 г. Магазин земледелия и путешествий. «Географический сборник», т. 5, М., 1858, стр. 241—243.

² Там же, стр. 239.

мены произошли и в социальном строе Российского государства. Большие изменения наблюдались в положении господствовавшего класса феодалов.

В начале XVII в. большая часть их принадлежала к сословию «служилых людей», которые делились на две главные категории. К первой принадлежали служилые люди «по отечеству», т. е. по происхождению, ко второй — служилые люди «по прибору», т. е. набираемые на службу вне зависимости от их происхождения. К первой категории относились бояре, окольные, думные дворяне, думные дьяки, стольники, стряпчие, дворяне московские, дворяне выборные, дети боярские, дворовые и городовые. Ко второй категории принадлежали стрельцы, пушкари, городовые казаки, а впоследствии солдаты, рейтары, драгуны и др. На протяжении рассматриваемого периода происходит обособление служилых людей «по отечеству» в привилегированную дворянскую касту.

По Соборному Уложению 1649 г. было постановлено, что никто из служилых людей «по отечеству» не мог стать холопом. Перевод в число служилых людей «по отечеству» из числа служилых людей «по прибору» всё время ограничивался, пока наконец вскоре после подавления крестьянской войны под предводительством Степана Разина был в 1675 г. запрещён окончательно. Служилые люди «по прибору», в свою очередь, по своему юридическому и экономическому положению всё теснее сближались с тяглыми сословиями. На них стали распространяться государственные налоги и большинство тех государственных повинностей, которые обычно выполняли крестьяне, городская беднота и др.

Однако самое тяжёлое бремя налогов падало на основной класс феодального общества — крепостное крестьянство. Помимо многочисленных государственных налогов и повинностей, оно испытывало растущий гнёт со стороны феодалов. Из форм феодальной ренты, выплачиваемой крепостными помещикам и вотчинникам, преобладала смешанная рента, т. е. наряду с отдачей феодалу натурального и денежного оброка крепостной должен был одновременно выполнять на него различные барщинные повинности. Обычно предметами натурального оброка являлись продукты сельского хозяйства (мясо-молочные изделия, птица, яйца), а также домашнего ремесла (преимущественно разные ткани). Интересно отметить, что ха-

рактёр местных промыслов во многом определял специфику натурального оброка. Так, где было развито деревообрабатывающее производство, главными предметами натурального налога являлись тележные колёса, канаты, корыта, бочки, рогожи и др.

Что касается барщинных повинностей, то они сводились к изнурительному труду на барской пашне, перевозке разных грузов (например, подводная повинность), к возведению хозяйственных и других построек для феодала, к починке дорог и др. Размер барщины колебался от 2 до 4 дней и имел тенденцию на протяжении XVII в. к возрастанию.

По мере вовлечения феодального хозяйства в товарно-денежные отношения всё большее значение приобретает денежный оброк. В особенности это явление характерно для уездов Замосковского края. И, в свою очередь, с увеличением производства хлеба на продажу возрастает барщина в южных уездах.

Для XVII в. характерно быстрое увеличение государственных налогов и повинностей с населения, что объяснялось дальнейшим ростом и укреплением государства — надстройки, обслуживающей интересы класса феодалов. Наряду с увеличением старых податей возникают новые. Таким новым государственным налогом явилась стрелецкая подать, первые известия о которой относятся к 1615 г. Приблизительно с этого же времени периодически начинают производиться сборы чрезвычайных налогов. Лишь за первые два года царствования Михаила Фёдоровича (1613—1615 гг.) было произведено семь экстренных сборов. Особенно тяжёлыми из новых налогов были «большие ямские деньги» и «стрелецкий хлеб». Каждый из них превышал платимый прежде налог — «данные и оброчные деньги». К 40-м годам первый из названных новых налогов достиг очень большой суммы. Он выплачивался трудовым крестьянством поместий и вотчин. Черносотные же крестьяне выплачивали этот налог натурой. Второй из указанных новых налогов в те же годы был увеличен примерно в 7 раз.

Начавшиеся с 1654 г. длительные войны с Польшей, Швецией, затем с Турцией и Крымом снова ведут к резкому увеличению чрезвычайных государственных налогов. С 1654 по 1668 г. они собираются почти ежегодно. Чрезвычайные поборы взымались неравномерно, в зависимости

от местностей и групп населения, но одинаково невыносимым бременем ложились на плечи трудящихся.

Тяжело отражалось на крестьянстве также необходимость поставки большого числа людей для ратной службы. С 1654 по 1668 г. этих «даточных» было набрано до 50 тыс.

За годы русско-шведской войны 1656—1659 гг. и особенно в период начавшейся двумя годами раньше и продолжавшейся в течение 13 лет разорительной русско-польской войны продолжают расти налоги, в том числе упоминаемый выше налог, взимаемый с населения на содержание стрелецкого войска — «стрелецкий оклад». Так, в Устюжской чети в период с 1664 по 1670 г. по сравнению с 1626 г. стрелецкий оклад с трудящихся взимался в десятикратном размере. В эти годы стрелецкий оклад становится страшным бичом для податного населения. Его платежеспособность в это время резко понижается, на что указывает рост недоимок государству. По той же Устюжской чети с 1664 по 1670 г. недоимки выросли в 10,2 раза.

Рост феодального угнетения приводит к страшному разорению и обнищанию народных масс и в особенности крестьян. В частности, растёт число «бобылей» и «задворных людей» в среде крестьян.

Показательны в этом отношении данные по Замосковному краю. В Троицких вотчинах этого края, находившихся в 20 замосковных уездах, в 1624—1640 гг. количество крестьянских дворов сократилось до 56,8%, в то время как в 1592—1594 гг. крестьянские дворы составляли 88,9%, а бобыльские — 11,1%. Таким образом, за 30—40 лет удельный вес бобыльских дворов увеличился в этих вотчинах в 4 раза. Увеличение числа бобыльских дворов характерно также и для других районов. Например, во второй половине XVII в. число бобылей на территории Мордовии возросло на 10—15% по сравнению с началом века.

По вычислениям М. А. Дьяконова, в середине XVII в. один двор задворных людей приходился на 32 двора тяглых, а в конце 70-х годов — на 10 тяглых дворов.

Одновременно с ростом эксплуатации крестьянства увеличивается право феодала на землю и на живущих в его владениях крестьян.

Этому способствовал указ 1627 г. и Соборное Уложение 1649 г. По указу выслуженные поместья были приравнены к вотчинам, а поместные земли по льготным

ценам передавались дворянам в вотчину. По Соборному Уложению 1649 г. признавалось наследование поместий при условии наследования службы. Тем самым стиралась грань между вотчиной и поместьем и возрастало владельческое право дворянства на землю.

На протяжении рассматриваемого периода феодалы получают всё большие права распоряжения своими поместьями (право обмена, передачи их в другие руки, возможность фактически их покупать и продавать). Уничтожение граней между поместьем и вотчиной, расширение прав распоряжаться поместьем — всё это вело к значительному укреплению феодальной собственности на землю.

С другой стороны, по мере формирования единого дворянского сословия стирается грань между категориями людей «по отечеству».

Все перечисленные моменты наносили серьёзный удар по остаткам старой, феодальной знати, способствовали росту и укреплению надстройки в лице государства и армии, сплачивали класс феодалов.

Для облегчения дальнейшей эксплуатации крестьян царское правительство последовательно проводит политику его закрепощения. С самого начала царствования Михаила Романова существовали так называемые «указные» сроки для предъявления исков о возврате беглых крестьян в течение 5 лет. Если в течение 5 лет помещик или вотчинник не смог сыскать крестьянина, то в дальнейшем они при поимке не могли требовать его к себе обратно. Феодалы требовали отмены невыгодных для них «урочных лет» и ходатайствовали об установлении бессрочного сыска.

Поэтому в целях дальнейшего закрепления власти феодала над своими крестьянами в 1637 и 1642 гг. появляются указы, согласно которым срок сыска и возврата беглых крестьян был увеличен соответственно до 9 и до 15 лет. В 1646 г. производится перепись, в результате которой крестьяне, попавшие в «переписные книги», лишались «урочных лет».

Но окончательно дворяне добились отмены «урочных лет» лишь после подавления восстания 1648 г. в Москве, что было закреплено в соответствующих статьях Соборного Уложения (г. XI, ст. 1, 2). Оно было важным этапом в процессе окончательного закрепощения крестьянства.

Государство, кроме того, помогало крепостникам в сыске бежавших крестьян путём организации в 50—60-х годах «генеральных сысков».

Крестьяне, попадающие в зависимость от феодалов, теряли последние остатки прав, становились такими же бесправными, как и холопы. Так, в соответствии с Уложением 1649 г. вотчинники и помещики отвечали за своих крестьян на суде и в большинстве случаев предъявляли на них иски. Сам же феодал широко практиковал различные наказания и пытки своих крестьян. Их били «ослопьем и плетью», поднимали на дыбы, «испытывали» огнём, заковывали в цепи. Истязание крепостных было одним из средств выколачивания недоимок. Зачастую вместо должника подвергали жесточайшему наказанию членов его семьи.

Многие из крестьян в результате телесных наказаний становились калеками, а для некоторых из них оно заканчивалось смертью. Кроме того, за долги продавалось имущество крестьян.

Истязание крестьян-должников батогами было официально закреплено царским указом 1658 г. Согласно этому указу предоставлялось также право вешать вождей заговоров и восстаний.

Уничтожение прав крестьянства шло и в другом направлении. Ещё в Соборном Уложении 1649 г. имелся пункт, согласно которому жалобу крестьян на своих господ принимать запрещалось.

Не охранялись законом также имущественные права крестьян. Так, в том же Соборном Уложении 1649 г. имелось положение, по которому, в случае если помещик или вотчинник оказывался несостоятельным, ответственность возлагалась на их холопов и крестьян.

Даже в семейные разделы и при заключении браков крепостных вмешивался их владелец. Ему ничего не стоило перевести крестьян в число дворовых, и наоборот.

В. И. Ленин в этой связи писал, что крепостное право в России, «где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы... ничём не отличалось от рабства»¹.

Не легко было также положение черносошного крестьянства, т. е. тех крестьян, которые жили на «чёрной» земле

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 439.

и несли бремя сошных налогов и повинностей. В XVII в. их осталось немного, преимущественно в области Поморья и в Сибири. Из переписных книг 1678 г. известно примерное число черносозных крестьян (50 тыс. дворов). Черносошные крестьяне вынуждены были нести в пользу своего господина, т. е. в пользу феодального государства, обременительные налоги и разного рода тяжёлые повинности. О тяжёлом положении черносозных крестьян, в ряде случаев более тяжёлом, чем положение крепостных, можно судить хотя бы по челобитью черносозных крестьян Сибирского уезда царю Алексею Михайловичу. В нём они писали, что «люди мы скудные и бедные, помираем голодную смертью».

Налоги выплачивались черносозными крестьянами преимущественно в денежной форме. Кроме того, на них возлагалась обязанность поставлять хлеб для пополнения государственных запасов в Сибири. На их долю возлагалась также ямская повинность и разного рода «службы» (например, при выборах в таможенные и кабацкие головы и т. д.). Черносошные крестьяне были связаны круговой порукой. С её помощью феодальное государство обеспечивало исправное выполнение черносозным крестьянством различных повинностей.

Для XVII в. характерно обнищание значительной части крестьянства в связи с ростом закрепощения и феодальной эксплуатации. Тяжёлое бремя повинностей, которое приходилось нести крестьянству, явно превышало его платежеспособность. В поисках средств для выплаты оброков крестьяне зачастую продавали своё скудное имущество и шли «по миру» в поисках работы и хлеба, которого во многих случаях не хватало до нового урожая. В деревне возрастает число различных категорий обездоленных («половники», «захребетники», «соседи», «подсоседники» и т. д.).

Сохраняется также такая категория «затяглых людей», как холопы. Причём в начале XVII в. выдача грамот на полное холопство прекращается и большое распространение получает кабальное холопство. Кабальные холопы могли стать свободными лишь после смерти своего господина. В XVII в. феодалы всё чаще стремятся использовать кабальных холопов в хозяйстве. По своему экономическому положению они почти не отличались от крепостных крестьян.

От растущей феодальной эксплуатации страдало не только русское крестьянство, но и многочисленные народы колонизируемых окраин, в особенности народы Среднего Поволжья — башкиры, мордва, чуваша, удмурты, мари, татары.

К середине XVI в. все лучшие земли этих народов оказались захваченными русским дворянством, верхушкой московского боярства и монастырями. Показательно в этом отношении расхищение мордовских земель. По данным одной писцовой книги 1678 г., в мордовских деревнях за 50 лет отошло пашенных земель и лугов в пользу помещиков и вотчинников на 4157 десятин и на 12750 копен сена из общего количества пашни 16903 десятины земли и 45105 копен сена, т. е. примерно на одну четверть. Как указывалось в этой связи в одном из документов того времени, русским помещикам были «даны бортничьи и мордовские всякие земли и те русские сверх своих дач завладели многими землями». Массивы пашни мордовского крестьянства, так же как крестьянства других народов Поволжья, сокращались, а налоги росли. Значительная часть податей обычно выплачивалась мехами. А так как в связи с захватом русскими помещиками земель нерусских народностей Поволжья последние вынуждены были производить массовую расчистку лесов, что вело к падению промыслов на пушного зверя и пчеловодства, то в результате с каждым годом становилось всё труднее уплачивать подати. Кроме того, нерусскому крестьянскому населению Поволжья препятствовали заниматься ремёслами, строить кузницы, торговать. Крестьянство этих народов русские феодалы закрепощали и заставляли работать у себя на пашне, на поташных заводах, заготовке леса и т. д. Народы Среднего Поволжья были обложены также большой натуральной податью в пользу государства — «ясаком».

Тяжёлое положение этих народов усугублялось растущим угнетением со стороны местных феодалов, которых поддерживало и на которых опиралось царское правительство.

К середине XVII в. ещё больше ухудшается положение и посадского населения. С ростом расслоения внутри посада увеличивается эксплуатация его низов — ремесленников и мелких торговцев — богатыми купцами и ростовщиками. Имущественное расслоение сопровождалось расслоением социальным, когда богатые представи-

тели посадского люда угнетали большинство своих «собратьев».

Тяжело жилось также мелким служилым людям. Стрельцы, несшие караульную службу, и пушкарки в свободное время занимались в своих слободах ремеслом и торговлей и тесно были связаны с городскими низами. Как и последние, они выражали недовольство гнётом городской зажиточной верхушки, а также задержкой уплаты жалования и посылкой на разные работы (уборка сена, заготовка дров и др.). Ко всему этому на них распространялись произвол царской администрации и растущее налоговое бремя.

В XVII в. в результате обнищания трудящихся вследствие непосильной эксплуатации наблюдается быстрый рост плебейских элементов населения, «часть их, — по словам Энгельса, — в военное время нанималась в армии, другая бродила по деревням, занимаясь попрошайничеством, третья добывала свое скудное пропитание в городах поденной работой и другими занятиями, не требовавшими принадлежности к какому-либо цеху»¹. Они были не только в городах. На Волге к плебейам принадлежали многочисленные бурлаки, судовые рабочие, ярыжки, работавшие на рыбных, соляных и поташных предприятиях. В сельском хозяйстве плебейскими элементами были холопы-ремесленники и холопы, посаженные на пашню. Эта беднота в городах и в деревнях в XVII в. подвергается ещё большей эксплуатации.

* * *

Усиление эксплуатации трудящихся обостряло классовые противоречия, усиливало классовую борьбу. В городах и посадах происходила ожесточённая борьба между мелким торгово-ремесленным населением и «лучшими людьми», на которых опиралось царское правительство. К мелкому городскому люду обычно присоединялись стрельцы, пушкарки, а в некоторых районах восставшее городское население поддерживали и окрестные крестьяне. Уже в 30—50-х годах на территории страны вспыхнуло около 30 городских восстаний. Наиболее крупные из них

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитнадат, 1953, стр. 29.

были в Москве (1648 г.), в Пскове и Новгороде (1650 г.), Курске, Воронеже и ряде других городов.

По своим движущим силам эти восстания, безусловно, носили антифеодальный характер. В дальнейшем, как увидим, городские низы принимали самое активное участие в крестьянской войне 1667—1671 гг.

Характерной особенностью классовой борьбы в последние десятилетия, предшествовавшие крестьянской войне 1667—1671 гг., было увеличение числа побегов крестьян. Количество их растёт из года в год и к концу 60-х годов достигает своего наивысшего развития. Массовые крестьянские побегии в это время были ярчайшим показателем растущего народного крестьянского движения, грозным предвестником нового крупного восстания угнетённых народных масс. Поэтому необходимо остановиться на них подробнее.

Уже согласно Соборному Уложению 1649 г., для того чтобы облегчить сыск и возвращение беглых, воспрепятствовать росту крестьянских побегов, как указывалось выше, были отменены «урочные» годы, введён бессрочный сыск беглых и строгое наказание за их приём.

Все же применение этого закона не могло прекратить побегов крестьянства даже в годы, непосредственно следовавшие за принятием Уложения. Доказательством этого является наличие большого числа челобитных дворян о производстве сыска бежавших крестьян уже после 1649 г.

Однако начало подлинно массовых побегов приходится на зиму 1653—1654 гг., т. е. с начала войны России с Польшей за Украину. Рост побегов крестьян обусловливался резким ухудшением положения трудящихся вследствие проводившейся вербовки (набор «даточных»), усилением налогового бремени, введением медных денег вместо серебряных, что вызвало дороговизну и ухудшение жизни трудящихся.

Побеги крестьян, приняв зимой 1653—1654 гг. массовый характер, с каждым годом возрастают. Достаточно сказать, что по далеко не полным данным «отдаточных книг» сыска 1658 г., производившегося на территории Нижегородского уезда, число беглых за 1653—1654 гг. по сравнению с 1649—1653 гг. возросло примерно в четыре раза. Всё это говорит за то, что классовая борьба в деревне развёртывается всё шире и шире, приобретает всё более острые формы.

В 1658 г. московское правительство организовало тщательные розыски беглых, послав сыщиков, кроме Нижнего Новгорода, «в Казань, и в Арзамас, и на Курмыш, и на Алатерь, и во все понизовые города, и по черте, и за черту»¹. Главным поводом для такого большого сыска были участвовавшие жалобы дворян и детей боярских на рост побегов их крепостных после начала войны с Польшей. За год до начала сыска 1658 г. было подано особенно много жалоб. Сохранилось пять жалоб-челобитных за 1657 г.: две челобитные казанцев, свияжан и тетюшан и три челобитные дворян «московских чинов», галичан и городских дворян и детей боярских других замосковских городов. «В нынешнем... году,— говорилось в этой связи в одном из наказов стольнику Д. Плещееву,— били челом... галечаня и иных разных городов дворяня и дети боярские по заручным челобитным. А в челобить их написано: с прошлого году, как они пошли на ево государеву службу, и от них де учили бегать их люди и крестьяня».

Следует отметить, что сыск 1658 г. являлся первым систематическим сыском. Назначаемый лишь по требованию дворян и детей боярских, он был отнюдь не обычным мероприятием, а явлением чрезвычайным. Назначение правительственного сыска свидетельствует, что воеводы на местах не могли уже вследствие массового характера побегов справляться с порученной им задачей поимки беглых.

Однако после сыска 1658 г. крестьянские побеги не прекратились. Доказательством этому служит требование дворян и детей боярских в 1661 г. о новом сыске беглых. В челобитных за этот год фигурируют те же жалобы, что и в упомянутых уже челобитных за 1657 г.

Царское правительство вынуждено было назначить на ноябрь 1661 г. новый сыск, который продолжался без малого два года, в то время как сыск 1658 г. продолжался только 5 месяцев. Продолжение срока сыска говорит о дальнейшем росте крестьянских побегов, когда посланные царским правительством сыщики не могли в своей деятельности уложиться в прежние сроки.

Кроме того, был издан указ и боярский «приговор» от 13 сентября 1661 г., где говорилось, чтобы «никто ничьих

¹ Полное собрание законов Российской империи, т. I, № 220, стр. 445—446 (в дальнейшем: ПСЗ).

беглых людей и крестьян не принимали»¹. В указе предусматривались также наказания в случае его нарушения.

Однако побегии страдавших от невыносимой эксплуатации крестьян в начале 70-х годов приобретают настолько массовый характер, что всего лишь через год после последнего сыска в 1664 г. царское правительство назначило новый, который длился целых пять лет.

Таким образом, все попытки государства, выразителя интересов господствующего класса феодалов, исключительными мерами прекратить такую форму классовой борьбы угнетённых, как массовые побегии, терпят провал. Крестьянское движение из года в год растёт и крепнет и выливается в открытое вооружённое выступление против ненавистных угнетателей.

Было бы ошибкой, говоря о побегах эксплуатируемых крестьян, представлять их исключительно как пассивную форму классовой борьбы. Часто крестьяне уходили от ненавистного господина, предварительно расправившись с ним. Не случайно поэтому во многих челобитных дворян и детей боярских постоянно повторяется жалоба на то, что крестьяне, убегая, «домы их разоряют и пожигают, а жон их и детей до смерти побивают»².

Правительство в своих указах о назначении сысков давало сыщикам большие права в организации поисков беглых крестьян и при наказании тех, кто мстил своим «господам». Сыщика обычно сопровождал отряд стрельцов, который и выполнял указанные функции. Посылка сыщика в какой-либо уезд в ряде случаев напоминала карательную экспедицию. Сотни людей избивали кнутом, вешали, топили, увечили.

Сыщики всё больше и больше берут на себя карательные функции примерно с середины 60-х годов, когда отчётливо стали проявляться признаки назревающего восстания.

Крестьянские побегии в это время приобрели, как никогда ранее, массовый характер, достигли своего апогея, стали грозным предвестником приближающейся бури классового протеста. Они являлись не только ярким показателем того, что условия для восстания назрели. Дело ещё в том, что в районах, где оседали беглые крестьяне,

¹ ПСЗ, т. I, № 307, стр. 556—557.

² Там же, № 220, стр. 406.

накапливался горючий материал, намечались очаги будущего восстания.

Попытки правительства царя Алексея Михайловича прекратить путём сысков массовые крестьянские побеги потерпели неудачу.

Грозным предвестником восстания под предводительством Степана Разина было крестьянское движение в Тульско-Воронежском районе в связи с появлением там крупного отряда донских казаков во главе с Василием Усом. Движение это показательно в том отношении, что имело общие социальные корни с вспыхнувшей вскоре крестьянской войной под предводительством Степана Разина.

Отряд Василия Уса появился в районе, где, возможно, в большей степени, чем в других местах России, назревали предпосылки для массового восстания.

Сюда, спасаясь от крепостнического гнёта, стекались беглые крестьяне. Многие из них мечтали пробраться на Дон, где «беглых не выдают», и даже завербоваться там в армию, стать «даточными людьми». О количестве беглых в этих местах говорит хотя бы следующая цифра, взятая из «отдаточных книг» по Рязанскому уезду: за десять месяцев 1666 г. там было сыскано 1583 человека беглых. Уже это обстоятельство создавало благоприятную обстановку для дальнейшего развёртывания здесь классовой борьбы.

Крепостное крестьянство и городская беднота с надеждой обращали свои взоры к «вольному люду», который скопился на Дону и в низовьях Волги, ждали от него помощи. Вполне вероятно, что между угнетёнными народными массами центральных районов России и казацкой «голытьбой» существовали прочные связи. В пользу этого говорит хотя бы тот факт, что в ноябре 1665 г. в Успенском соборе в Москве подняли «тайную грамоту», адресованную к казакам на Дон.

Как бы то ни было, а время движения отряда, возглавляемого Василием Усом, к Туле и Москве под предлогом поступить на «государеву службу» было выбрано удачно.

Отряд отправился с Дона в первой половине мая 1666 г. к Туле через Воронеж, т. е. по районам, через которые обычно продвигались к казакам беглые. К Воронежу отряд, состоявший из 500 конных казаков, прибыл 10 июня. На следующий день к ним присоединилось ещё

200 пеших казаков, прибывших с Дона водным путём. А через неделю смешанный отряд «без указа, самовольством» отправился на север.

Весть о приближении к Москве крупного отряда казаков быстро разнеслась по городам, сёлам и деревням. Тысячи крестьян, городской бедноты потянулись к нему. Покидая ненавистных господ, крестьяне зачастую расправлялись с ними, «уезды разоряли и грабежи насильства всякие чинили...» Подобная жалоба содержится в челобитной тульских, дедиловских и других вотчинников и помещиков. В ней говорилось, что «идучи з Дону, донские казаки прибрали в дороге к себе воров, людей их и крестьян, которые от них збежали, и иных всяких чинов людей. И те де вору приезжают к ним в села, и деревни их разоряют. Всяким разореньям, животину отымают... и похваляютьца на них всяким дурном и над домами их разореньем».

Подойдя к Туле, казацкий отряд, значительно разросшийся по дороге за счёт бежавших крестьян и городской бедноты, остановился близ города в степи на реке Упе, где и разбил лагерь. Туда начали стекаться бежавшие от своих помещиков крестьяне близлежащих к Туле районов.

Из Скопинского уезда к отряду, возглавляемому Василием Усом, присоединилась группа крестьян села Хворощева и деревни Горловой, крестьяне из владений кн. И. Голицына, из села Долгов, деревни Барадино Дедиловского уезда, из сёл Губарева и Терновова Воронежского уезда.

К Туле в лагерь В. Уса пришло также много беглых дворовых людей, преимущественно из Москвы.

Вероятно, большие надежды казаки из отряда Василия Уса возлагали также на привлечение на свою сторону «работных людей» тульских и каширских железодельных заводов. Однако, несмотря на единичные выступления, последние не смогли оказать существенной помощи повстанцам.

Между тем вскоре отряд за счёт беглых разросся до 3 тыс., небольшая вначале стоянка казаков превратилась в многолюдный повстанческий лагерь. Из-под Тулы посылаются в близлежащие деревни и сёла ранее примкнувшие к казакам беглые крестьяне. Агитация, как явствуют многие документы того времени, проходила обычно успешно.

Тульские, венёвские, дедиловские, скопинские и другие помещики в страхе бежали со своими семьями из имений

в уездные города под защиту отрядов царских воевод. И в самой Москве организаторы восстания также имели большое число соучастников.

Поэтому для предупреждения массового крестьянского восстания правительство предпринимает срочные меры для разгрома лагеря на реке Упе. 14 июля царское правительство приказывает прославившемуся впоследствии в качестве кровавого палача восстания под предводительством Степана Разина воеводе Юрию Барятинскому, который с войском должен был идти к Белгороду, повернуть к Туле. С Барятинским был послан также полковник Кравков с тысячью солдат. Кроме того, согласно грамоте от 14 июля к лагерю на реке Упе должны были послать вооружённые отряды воеводы «по городам от Тулы до Дедилова и до Ефремова и до Ельца и до Воронежа».

20 июля одновременно с выступившим к Туле войском, возглавляемым Барятинским, в лагерь на реке Упе из Москвы спешно выехало двое соучастников готовящегося восстания для того, чтобы сообщить о двигавшемся на них большом войске. Получив это известие, отряд беглых крестьян и казаков, понимая, что давать сражение преждевременно, 24 июля снялся с места и отправился на речку Моржовку, в 5 верстах от города Дедилова. Позже был создан круг, на котором было решено перейти к реке Уперт. Там беглые крестьяне и казаки разбили стан. Убедившись, что организовать восстание в этом районе пока крайне трудно, часть беглых крестьян, не имевших оружия, покинула лагерь. На очередном кругу было решено повернуть на Дон.

Царское правительство опасалось во избежание новых волнений наказывать участников этого движения. Оно ограничилось лишь тем, что казаки, принимавшие участие в походе В. Уса, были лишены «государева жалованья».

Антифеодальное движение, возглавляемое Василием Усом, было предвестником крестьянской войны под предводительством Степана Разина. Поход этот свидетельствовал о нарастающем стихийном протесте угнетённых масс крестьянства.

Глава II

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ. ПОХОД К БЕРЕГАМ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Застрельщиками народного движения 1667—1671 гг. выступили донские «голутвенные» (т. е. бедные) казаки и беглые крепостные крестьяне. Помимо них, в восстании приняли активное участие бежавшие «служилые люди», холопы и разорившиеся посадские низы. Дон становится со временем надёжным пристанищем для тех, кто хотел уйти от притеснения разного рода «сильных людей», от невыносимого угнетения со стороны своих господ. Господствовавший обычай: «С Дона выдачи нету» — был своеобразной гарантией безопасности для беглого люда.

Коренным донским населением являлось казачество. Большая его часть была выходцами из русских и украинских земель. Основным занятием населения были скотоводство, рыбная ловля, охота, пчеловодство. Значительное развитие на Дону получила также торговля. Из украинских городов, Воронежа, Ельца, Коротояка, Тамбова и других «торговые люди» привозили на Дон хлеб, соль, боеприпасы, оружие, вино, а закупали там скот, рыбу, мёд. Торговлей занимались также сами казаки.

Несмотря на то, что подавляющая часть казаков происходила из среды трудового крестьянства и постоянно нуждалась в хлебе, земледелие на Дону было развито слабо.

Казачество расселялось на Дону по городкам, которых в 1672 г. насчитывалось до 52. Самым крупным из них был Черкасский городок, являвшийся казацким центром, столицей «Великого войска донского». Во главе этого войска стоял войсковой атаман, выбираемый кругом. По-

мимо атамана, на кругу выбирались другие должностные лица, вершился суд и выносились важнейшие решения. Большая часть выбранных должностных лиц («старшины», или в собирательном смысле — «старшина») находилась при атамане. В каждом из крупных казацких поселений типа станицы выбирались местные атаманы.

Московское правительство с давних пор осознало выгоду поддержки дружественных отношений с «тихим Доном». Оно было крайне заинтересовано в безопасности южных границ Русского государства от нападения крымских татар, калмыков, турок и поэтому стремилось использовать донское казачество для их обороны. Ещё во время правления Михаила Фёдоровича донские казаки считались находящимися на «государевой службе». Все находившиеся на «государевой службе» казаки получали каждый год особое жалование, обычно не только деньгами, но также продовольствием, порохом и изредка даже оружием.

Однако среди донского казачества в XVII в. социального равенства не было. Наиболее привилегированными были богатые, «домовитые» казаки «из дедов казаков». Большая их часть жила в низовых городках по Дону. Характерно при этом, что классовому делению на «домовитых» и «голутвенных» казаков соответствовало примерно деление на «низовых» и «верховых». Действительно, в нижних городках было гораздо больше «домовитых», чем «голутвенных», и наоборот.

«Домовитые» сосредоточили в своих руках большую часть скота, рыбные ловли, вели оживлённую торговлю. Они были опорой царского правительства на Дону и пользовались его материальной поддержкой. «Домовитые» благодаря своему экономическому господству избирались на должности войскового атамана и старшин.

Бежавшие от крепостной неволи из центральных районов России крестьяне, естественно, попадали в зависимость от «домовитых», превращались в наёмных работников типа батраков. Организовывая походы в крымские, персидские и турецкие владения «за зипунами», «домовитые» мобилизовывали на эти смелые предприятия «голытьбу», снабжая её оружием и стругами, боеприпасами и продовольствием. За это по возвращении из похода оставшиеся в живых должны были отдавать казацкой старшине значительную часть своей добычи.

С ростом расслоения казачества увеличивается социальная рознь между «домовитыми» и «голытьбой».

Особенно возросли противоречия между зажиточной и беднейшей частью донского казачества в 60-х годах XVII в. В результате усиливавшегося притока беглых на Дон там в это время начинает сказываться относительное перенаселение верховых городков. К тому же царское правительство в борьбе с усиливавшимся притоком беглых на Дон принимает меры по сокращению подвоза продовольствия.

Поэтому голод среди беднейшей части донского населения становится частым явлением в эти предгрозовые годы.

Положение усугублялось тем, что уменьшились возможности набегов на крымские, турецкие и персидские владения. В 1660 г. в устье Дона турками была построена неприступная крепость с пятитысячным гарнизоном, а река была перегорожена цепями. В результате продвижение «разбойных» казацких отрядов с Дона на Чёрное море почти прекратилось. Выход на Каспийское море по Волге стал также затруднительным, так как царское правительство значительно усилило гарнизон Царицына и не допускало продвижение казацких отрядов с верхних притоков Дона на Волгу. Русское правительство, стремясь избежать обострения отношений с Турцией и Крымом во время войн со Швецией и Польшей, всячески препятствовало организации походов «за зипунами» в их владения.

Однако бедственное положение казачьих низов толкало их к организации нового похода «за зипунами», благодаря которому они надеялись получить необходимое пропитание. Готовясь к крупному военному мероприятию, «голутвенное» казачество выбрало себе предводителем Степана Разина, который к этому времени был уже широко известен на Дону и пользовался большим авторитетом у «голытьбы» и беглого люда.

Степан Тимофеевич Разин был родом из станицы Зимовейской, расположенной близ верхового городка Есаулова на Дону. Из этой же станицы вышел и вождь крестьянской войны 1773—1775 гг.—Емельян Пугачёв. Год рождения Разина точно неизвестен. По свидетельству одного из современников, в 1670 г. ему было около 40 лет. «Это был высокий и степенный мужчина, крепкого сложения, с высокомерным прямым лицом. Он держался скром-

но, с большой строгостью»¹. Приблизительно такое же описание Степана Разина даётся в «Летописи» Величка: «...Разин был росту высокого и уроди красной, в силе и мужестве изобилен»².

Биографических сведений об этом славном вожде восставшего против угнетения народа сохранилось немного. Из отписки Донского войскового атамана Васильева в Посольский приказ от 5 ноября 1652 г. мы узнаём, что Разин был отпущен в Соловецкий монастырь на богомолье. Через 6 лет Степан Разин лежал больным в Валуйках, отстав из-за этого от посольства атамана Васильева в Москву. Имя Степана Разина вновь упоминается в 1661 г. в отписке донского атамана Яковлева в Посольский приказ. На этот раз Разин является одним из послов к калмыцким князькам (тайшам) для заключения с ними договора о взаимопомощи против нагайских набегов. В этом же году Степан Разин участвует в переговорах московского посольства с калмыками, а в ноябре того же года вместе с казаком Кондрачевым вновь отправляется на богомолье в Соловецкий монастырь. Весной 1663 г. Степан Разин был одним из руководителей донских казаков в битве с крымскими татарами под Молочными Водами. Битва окончилась победой казаков, из татарского плена были освобождены 350 человек.

Как видно из этих отрывочных биографических данных, Степан Разин, до того как стать вождём угнетённого народа, хорошо познакомился с жизнью трудового народа, с его думами и чаяниями. В сражениях с врагами у Разина выработались качества опытного военачальника, смелого и решительного воина. Но больше всех ценил народ своего предводителя за его непримиримую ненависть к угнетателям, за его безграничную любовь к трудовому люду.

В движении, возглавляемом Степаном Разиным, принимали участие ряд его родственников. Его мать, «названная вдова Матрёна Говоруха», почти всё время находилась вместе с повстанцами. Дядя Степана (Никифор Черток) являлся одним из наиболее видных и авторитетных предводителей крупного повстанческого отряда,

¹ Я. Я. Стрейс, Три путешествия, Огиз—Соцэкгиз, 1935, стр. 200.

² Цит. по кн. К. Стецюк «Вплив повстання Степана Разина на Україну», 1947, стр. 27.

чего нельзя сказать про брата Степана Разина Фрола, хотя он также был в числе предводителей восставших. Пригодилась Степану Разину на первых порах его связь с «домовитым» казачеством. Он был названным сыном войскового атамана Яковлева. Это обстоятельство дало возможность Степану возглавить организуемый казаками поход к берегам Персии, не возбудив особого беспокойства казацкой верхушки. Кроме того, в условиях обострившейся классовой борьбы на Дону уход на Волгу наиболее «беспокойных» элементов казачества был выгоден для зажиточного казачества. Нельзя также забывать о том, что низовое казачество надеялось извлечь материальную выгоду из похода, так как некоторые казаки получили от них в залог будущей добычи оружие, порох и др.

Однако основное снабжение казакам шло не от них, а от торгового воронежского люда. За часть предполагаемой добычи отряд был снабжён ими оружием, порохом, свинцом и другими «припасами», необходимыми для похода.

Местом сбора задумавших идти «за зипунами» казаков был район на Дону у Паншинского и Качалинского городков. Как доносил царицынский воевода Унковский от 14 марта 1667 г., «на Дону в Паншине и в Качалинском городках збираютца... многие казаки, а чаять де, их будет с 2000 человек»¹. Отряд расположился лагерем на холмах, залитых полой водой, выше Паншинского городка, между речками Тишиной и Ловлей. Сюда свозилось оружие, порох, свинец, дёготь, съестные припасы. Здесь же готовились к походу большое число лодок и даже 4 черноморских струга.

Намечаемый поход «за зипунами» отличался от прежних бóльшим масштабом проводимых подготовительных мероприятий. И если раньше участниками походов были преимущественно «голутвенные» казаки, то в предполагаемом походе участвовало наряду с ними большое число беглых крестьян. На Дон «беглые боярские люди и крестьяне з жонами и з детьми»² пришли в таком количестве после движения казацкого отряда Василия Уса, что возникли серьёзные затруднения с продовольствием.

¹ «Акты исторические», т. IV, № 202/1.

² Там же.

Участие большого числа беглых крестьян в «разбойной» экспедиции с самого начала придавало ей резко выраженную классовую направленность.

Готовясь к походу, отряд «голутвенных» казаков и беглых крестьян предусмотрительно скрывал предполагаемое направление движения. Весной 1667 г. ходили упорные слухи, возможно, распространяемые с известной целью самими собравшимися, что отряд, возглавляемый Степаном Разиным, собирается идти на Азов. Эти слухи исходили, в частности, «от многих русских полоняников, что азовцы от ...Стеньки Разина имеют опасенье большое и чают, что он, Стенька, пошел збирать войска и приходит под Азов, а не на Волгу воровать...»¹.

На деле в планах беглых крестьян и казаков, собравшихся в поход «за зипунами», в качестве главного пункта стояла задача — пробраться через Волгу на Каспийское море, «пошарапать» там земли Персии, пограбить караваны богатых торговцев.

Походы на Волгу казаки предпринимали неоднократно и раньше. С этой целью на пути от Дона к Волге они построили в 1660 г. даже целый городок Ригу. За период с 1660—1663 гг. совершаются походы по Волге к Каспийскому морю отрядами казаков, возглавляемыми Парфёном Ивановым, Тимофеем Родионовым, Иваном Кондыревым. Однако на этот раз к походу готовились особенно тщательно. Отряд был хорошо снабжён припасами. Проводилась детальная разведка пути продвижения к Волге. Была установлена связь с беднейшей частью яицких казаков. Один из них, Фёдор Сукнин, писал Разину, «чтоб он, Стенька, збирался... большими людьми и пришел к Яицкому городку (г. Гурьев. — *В. Л.*), тот городок взяв... а самому сесть в том городе, и, выходя ис того городка, на море и на Волге воровать»².

Постепенно на основе полученных сведений у собравшейся под предводительством Степана Разина бедноты вырисовывался конкретный план действий — как можно быстрее выйти на Волгу, где раздобыть нужное число лодок, прорваться к Каспийскому морю и овладеть Яицким городком. Яицкий городок должен был стать опорным пунктом, базируясь на который, можно было совершать

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, изд. АН СССР, М., 1954, стр. 102.

² «Акты исторические», т. IV, № 202/III.

набеги на торговые суда и на богатые владения персидского шаха. Эта практика была не нова. И раньше казаки неоднократно предпринимали набеги на торговые суда на Каспии и на Волге, опираясь на Яицкий городок.

Однако на этот раз, чтобы сделать его своей базой, необходимо было овладеть им. Взять этот городок было не легко, так как он был огорожен каменными стенами, за которыми располагался отряд стрельцов.

Слухи о необычайно большом скоплении «голутвенных» казаков и беглых близ Паншинского городка не могли не встревожить царское правительство. Не зная точно о замыслах собравшихся, оно заблаговременно предупреждает о готовящемся выступлении воевод различных городов. «Да и в города, которые по Волге, к воеводам о том писали ж, а наш великого государя указ в Казань к боярину нашему и воеводам ко князю Григорию Семеновичу Куракину, и в Симбирск, и на Самару, и на Саратов, и на Царицын, и на Терек к всеводам послан, велено в тех городех потому ж жить с великим береженьем и от воровских казаков оберегатца»¹.

Наряду с рекомендацией предосторожности царское правительство требует от войскового атамана Дона Яковлева и воевод Астрахани, Царицына, Чёрного Яра и других принять решительные меры для предупреждения похода.

Яковлеву была послана специальная грамота, в которой предписывалось выделить отряд казаков, «сколько человек пригоже», послать его к лагерю собравшихся «голутвенных» казаков и беглых крестьян и предупредить их выступление. К Царицыну, согласно распоряжению царского правительства, должны были быть посланы отряды стрельцов астраханским и черноморским воеводой, чтобы не пропустить бедноту на Волгу.

Однако войсковой атаман не решался открыто противодействовать многочисленному отряду, который поддерживало и за который готово было вступить всё «голутвенное» казачество. Медлили с высылкой к Царицыну стрелецких отрядов также астраханский и черноморский воеводы.

Попытки же царских воевод «отговорить» собравшихся от «воровства» не привели к успеху. Царицынский вое-

¹ «Акты исторические», т. IV, № 202/III.

вода, например, отправил к ним 5 посланцев во главе с Бакулиным. Однако Разин не только не стал вести переговоры, но даже отнял у них «разные запасы» и заявил Бакулину, чтобы тот передал царицынскому воеводе: «не посылайте бы он служилых людей, а не то... я всех потеряю напрасно и город Царицын велю сжечь»¹.

Тогда на помощь царскому правительству пришла церковь. 10 мая к лагерю собравшейся в поход казачьей бедноты и беглых крестьян были посланы 2 священника — Андрей и Александр. В их задачу входило «говорить, чтобы они от такова неправого пути возвратились, шли бы жить на Дон по прежним своим местам»². Однако и эта попытка приостановить выступление кончилась неудачей.

Не дожидаясь, когда воеводы и «домовитое» казачество подтянут свои силы для расправы с отрядом, Степан Разин решил быстрее двинуться на Волгу.

Между тем на Каспийском море уже действовали отдельные казачьи отряды. Они отнимали товары у богатых купцов, освобождали встречавшихся по пути заключённых. Ещё зимой 1667 г. был захвачен ими струг, принадлежавший самому царю. А в апреле на реке Тереке отряд казаков совершил нападение на торговцев Луковникова и Васильева, у которых было 6 стругов с товарами.

В первой половине мая 1667 г. многочисленный отряд, насчитывающий приблизительно 2 тыс. крестьян и казаков, покинул лагерь и двинулся на Волгу. На неё он вышел несколько северней Царицына. Об этом Степан Разин поспешил уведомить своих сторонников среди яицких казаков. В Яицкий городок были посланы гонцы, чтобы сообщить о выходе отряда на Волгу и попросить местных казаков идти к нему на соединение. Близ урочища Каравайные горы отряд остановил большой торговый караван. Он состоял из стругов патриарха, волжского богатого купца Шорина и стругов, на которых везли ссыльных людей из Казани в Астрахань и на Терек под надзором Кузьмы Кореитова. Первое же «разбойное» действие отряда Степана Разина поражает своей чёткой классово направленнойностью. Начальствующие лица каравана и купеческие приказчики были перебиты. С другой стороны, «ссыльных

¹ Н. Костомаров, Бунт Стеньки Разина, изд. 2, доп., СПб. 1859, стр. 56.

² «Акты исторические», т. IV, № 202/III.

людей ...взяли к себе на струги и кайдалы на них разбили и пометали в воду»¹. Подавляющая часть стрельцов, которые сопровождали караван, работные «гулящие» люди, «ярыжные» и ссыльные охотно присоединились к отряду. Со стругов Шорина к отряду добровольно присоединились 60 работных «гулящих» людей, со стругов патриарха 100.

Овладев стругами, численно пополнившийся отряд Степана двинулся к Царицыну. В городе, как неоднократно жаловался царицынский воевода Унковский, было «малоллюдно». О подкреплениях с Чёрного Яра и Астрахани всё ещё не было слышно. Смертельно боясь подошедшего к городу отряда бедноты, Унковский решил не стрелять в него из пушек и пищалей и выполнить предъявленные Степаном Разиным требования. Они сводились к тому, чтобы воевода выдал им ненавистного народу Льва Плещеева, одного «купчину Кизылбашского». Очевидно, экономя время и желая сберечь людские силы, Степан Разин отказался от штурма Царицына, а ограничился получением у воеводы нужной в походе наковальни, мехов и кузнечной «снасти».

На Сарпинском острове, где была поделена добыча, отряд долго не задерживался, он стремился как можно быстрее прорваться к Каспийскому морю. Чёрный Яр, так же, как и Царицын, не смог стать серьёзным препятствием для отважной бедноты, собравшейся в отряд Степана Разина. У Чёрного Яра 31 мая навстречу отряду вышли астраханские стрельцы во главе с Богданом Северовым и Василием Лопатыным, которые не успели прибыть в Царицын. И здесь отряд, торопясь к морю, не пожелал вступить в бой и легко ушёл от стоявших на берегу стрелецких отрядов, солдат Чёрного Яра и нескольких отрядов преданных царскому правительству татарских мурз. Однако надеяться, что и дальнейший путь по Волге будет для них так же благополучен, не приходилось. Ниже Чёрного Яра отряд Разина встретил стрельцов во главе с воеводой Беклемишевым и, разгромив его, вышел, наконец, в начале июня близ Красного городка в открытое море.

В погоню за выплывшими на Каспий казаками астраханский воевода Хилков 3 июня послал полуполковника

¹ «Летопись занятий Историко-археографической комиссии», вып. 34. Новые материалы о движении С. Разина, № 1/4а.

Ивана Ружинского «со многими государевыми ратными служилыми людьми, с стрельцы и с солдаты»¹. Готовил к высылке на море стрельцов в погоню за казаками и терский воевода Ржевский. Стрелецкому голове Северову, который с большим отрядом астраханских стрельцов находился в Чёрном Яре и который за свою пассивность вызвал сильный гнев Хилкова («...ты под Черным Яром своею дуростью с воровскими казаки государевым служилым людем бою не дал и за ними для поиску не ходил»²), было также предписано устремиться в погоню за прорвавшимся на море отрядом Разина. Однако действия астраханского воеводы были продуманы плохо. Недооценивая силы отряда, он выслал в погоню за ним разьединённые силы. Так, стрельцы под командой Ружинского плыли на стругах отдельно от стрельцов Северова. По берегу к Яику продвигался ещё один отряд под командованием Авксентьева.

Стрельцы действовали против отряда, возглавляемого Степаном Разиным, с большой неохотой. Ещё при первом столкновении часть астраханских стрельцов, возглавляемых Беклемишевым, не пожелала сражаться и перешла к Разину. Подобное поведение рядовых стрельцов объясняется тем, что они также испытывали тяжёлый гнёт и произвол. «Жалованье» от царя им выдавалось нерегулярно и часто не полностью. Зачастую стрельцам приходилось покидать своё хозяйство и семью и уезжать в другие места на год, на так называемую «государеву годовалую службу». Стрелецкие начальники заставляли рядовых стрельцов работать не только «на государя» (выполнение различных казённых работ: починка мостов и дорог, казённых судов и строений, заготовка сена и дров и т. д.), но и на себя.

Социальный состав стрельцов нижеволжских городов был также показателен. Среди стрельцов Астрахани было много ссыльных — участников московского восстания 1662 г., беглых крестьян, холопов, «гулящих» людей и даже «голутвенных» казаков. Терпящие угнетение, все они тайно сочувствовали Степану Разину и при каждом удобном случае переходили на его сторону.

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 81.

² Там же, стр. 83.

У устья Яика был разгромлен один из посланных для преследования разинцев отряд астраханских стрельцов во главе с Северовым, после чего участники похода подошли к Яицкому городку.

Благодаря постоянно поддерживаемой связи с яицкими казаками в отряде Степана Разина хорошо знали о положении дел в городе. Знали они и то, что гарнизон городка значительно ослаблен, так как комендант крепости Яцын распустил большую часть гарнизона на работу по найму. Из оставшихся стрельцов значительная часть сочувствовала отряду «голутвенного» казачества и обездоленных беглых крестьян.

При взятии крепости Разин применил хитрость... Однажды раздался стук в крепостные ворота. Приоткрыв их, стража увидела Степана Разина в сопровождении примерно сорока человек, которые обратились к Яцыну с «смиренной» просьбой разрешить им помолиться в городской церкви.

Добившись разрешения коменданта, Разин и несколько десятков «богомольцев» проникли в крепость, а затем открыли ворота. Ворвавшиеся в крепость остальные казаки и крестьянская беднота из отряда Разина благодаря сочувствию большей части гарнизона крепости быстро и без потерь овладели ею. «Стрельцы,— докладывал в Москву астраханский воевода Хилков 7 августа 1667 г.,—...с казаками не бились и по воровских казаках из пушек и из ружья не стреляли»¹. Всего перешло из яицкого гарнизона на сторону Разина примерно 300 стрельцов. Но не успел ещё пополнившийся отряд укрепиться в городе, как к Яику подошли высланные астраханским воеводой стрельцы во главе с полуполковником Ружинским. Однако штурмовать мощную для того времени крепость Ружинский так и не решился.

Хилков же, узнав о взятии разинцами Яицкого городка, был вне себя от ярости. Желая исправить допущенные им ошибки, подстёгиваемый грозными распоряжениями из Москвы, он посылает к Яицкому городку отряд за отрядом.

Между тем к Яицкому городку толпами стекалось окрестное кочевное население, завязывая с разинцами оживлённую торговлю. Городок был буквально окружён

¹ «Материалы по истории возмущения Стеньки Разина, собранные А. Поповым», М., 1857, стр. 25. (В дальнейшем: «Материалы...»)

ими. Это обстоятельство послужило основой для ложной информации, что Яицкий городок был в начале 1668 г. осаждён местными кочевниками. Что, мол, они в количестве десяти тысяч «Яицкий де городок осадили, и приступ был, и пробили де городской стены сажени на полторы... А воровские де казаки сидят в Яицком городке в осаде»¹. У царского правительства в этой связи возникает план расправиться со своевольными казаками и беглыми крестьянами из отряда Разина чужими руками. Хилкову предписывается срочно послать на помощь «осаждавшим» большой отряд, во главе которого был поставлен Безобразов. В его рядах насчитывалось до трёх тысяч стрелков. Из Астрахани отряд был отправлен в феврале 1668 г. Однако и этот отряд, во многом благодаря нежеланию стрельцов сражаться против людей, к которым они питали глубокую симпатию, был разбит. Часть стрельцов и солдат из отряда Безобразова перешла к разинцам.

Царское правительство было серьёзно встревожено поразительными успехами, одерживаемыми отрядом Разина, и ещё в 1667 г. приняло ряд серьёзных мер для того, чтобы быстрее расправиться с ним. Была объявлена мобилизация стрельцов московских приказов. 19 июля 1667 г. царь созывает специальное заседание в связи с «разбойными» действиями отряда, возглавляемого Степаном Разиным, на котором было принято решение усилить борьбу с разинцами. Серьёзное недовольство вызывала медлительность, нерасторопность и грубые промахи Хилкова. Кроме того, астраханский воевода плохо справлялся с тем, чтобы регулярно извещать царское правительство о всех действиях прорвавшегося на Каспийское море отряда. Поэтому вместо Хилкова воеводой в Астрахани назначается И. Прозоровский. Для усиления правительственных сил на Каспийском море с ним посылаются четыре отряда стрельцов. Помощниками Прозоровского царское правительство назначило двух стольников — брата И. Прозоровского, Михаила, и Семёна Львова. Кроме стрельцов, «под команду» Прозоровского были даны «салдацкого строю полковник с начальными людьми, ...да из Синбирска и из ыных городов с черты и с Самары и с Саратова служилые пешие люди»². 6 августа в Москве состоялся

¹ «Акты исторические», т. IV, № 202/VI.

² Там же, № 202/IV.

смотр собранного войска. В свою очередь Хилков должен был, не мешкая, мобилизовать для оказания помощи вновь назначенному воеводе «1500 человек; да из Красноярского острогу 100 человек пеших же стрельцов, да конных астраханских, нагайских и едисанских и юртовских мурз и татар, сколько человек доведетца по твоему боярину нашего и воеводы князя Ивана Андреевича рассмотренью»¹. Самому же Хилкову предписывалось сдать ключи от города своим помощникам И. Бутурлину и Я. Безобразову. Но Хилков особенно не торопился уезжать, а И. Прозоровский шёл к Астрахани слишком медленно, так что замена астраханских воевод фактически произошла лишь поздней осенью 1667 г.

Наряду со всеми этими мероприятиями военного характера царское правительство не отказывается и от использования дипломатических путей для достижения той же цели.

Ещё Безобразов, будучи у стен Яицкого городка, посылал к Степану Разину специальных представителей от стрельцов, которые должны были уговорить разинцев, чтобы те «били челом» царю и отправлялись бы с повинной под Саратов к Прозоровскому. Ответом разинцев был разгром в скором времени стрелецких отрядов Безобразова.

Осенью 1667 г. царское правительство даёт распоряжение войсковому атаману Дона Яковлеву послать в Яицкий городок к Степану Разину несколько казаков с тем, чтобы убедить его «отстать от воровства» и вернуться на Дон. В случае, если разинцы выполнят это условие, царь обещал простить их. Посланные на Яик с Дона казаки везли с собой «милостивую» грамоту царя. В связи с приездом посланцев в ноябре 1667 г. в Яицком городке был собран круг. Выслушав сообщение прибывших, Разин ответил, что готов повиноваться царю, и далее дипломатично заметил, что если это грамота царя настоящая, то пусть привезут вторую, подобную же грамоту. Подобный манёвр показывает, что Разин желал лишь выиграть время.

Несмотря на эту неудачу, попытки дипломатическим путём ликвидировать причиняющий так много беспокойства отряд «голутвенных» казаков и беглых крестьян про-

¹ «Акты исторические», т. IV, № 202/IV.

должались. Вскоре с аналогичным предшествующему предложением в Яицкий городок были отправлены посланцы от Прозоровского из Саратова. Однако с ними разинцы обошлись крайне недружелюбно. Глава делегации — сотник московских стрельцов Сивцов — был схвачен и брошен в воду. Вполне вероятно, что подобным отношением к посланцам воеводы Прозоровского и лояльным отношением к приезжавшим перед этим казакам с Дона разинцы хотели показать, что они продолжают прислушиваться к решению донского круга и, с другой стороны, ненавидят царских воевод и бояр.

Такое отношение было тем более необходимо, так как на Дону в это время наблюдалось сильное волнение. То из одного, то из другого места шли вести о формировании отрядов из «голутвенных» казаков, которые намеревались пробраться на Каспийское море и соединиться там с отрядом Разина. Казак Волоцкий набрал на Дону 40 человек и «иных прибирает» и собирался двинуться к Яицкому городку. В конце 1667 г. к Разину с Дона ушли двое сотников — М. Щеголев и А. Моховиков с «ратными людьми». С тревогой сообщал воронежский воевода Уваров в Разрядный приказ слова очевидца, который говорил, что из-под Острожска с реки Колитвы двинулся на соединение со Степаном Разиным отряд казаков «по смете человек со 300, а волокли де суды степью, а в судах сели человек по 20 и по 30... Да оне ж де говорят итти по городкам пройматца на Волгу к Стеньке Разину, а ис коих де горадков казаки с ними не пойдут, и те де, государь, городки им ламать. Да оне ж де говорят, что де идет степью Беспалый с казаки». В начале лета 1668 г. начал собирать донскую «голытьбу» в районе между Пятиизбским и Черкасским городками на речке Лиске известный нам уже Василий Ус.

Эти данные далеко неполные, но и исходя из них, можно сделать следующие выводы. Во-первых, движение бедноты Дона к Каспийскому морю на соединение с разинским отрядом приняло массовый характер. Во-вторых, организуясь в отряды, наиболее инициативная часть «голутвенных» казаков постоянно вела работу по вовлечению как можно большего числа казаков в поход на соединение с разинцами, о чём можно судить из приводимого выше документа. На его же основе и исходя из целого ряда других материалов, можно также заключить, что

стремление казацкой бедноты идти на соединение с разинским отрядом встречало упорное сопротивление со стороны «домовитых» казаков, крайне недовольных таким оборотом дела.

Классовая борьба на Дону с весны 1668 г. вспыхивает с новой силой. Основное направление, которое избрали двигавшиеся с Дона на соединение с разинцами стряда казацкой «голытьбы», шло через степи Северного Кавказа, по рекам Куме и Тереку. Меньшая часть казацких отрядов двигалась к Каспийскому морю тем же путём, которым шёл в 1667 г. отряд, возглавляемый Разиным.

Основное число шедших на соединение отрядов сконцентрировалось в районе рек Терека и Кумы и низовий Волги. Об этом свидетельствует, например, отписка астраханского воеводы И. Прозоровского терскому воеводе П. Прозоровскому от 9 июля 1668 г. В ней говорилось о приходе в район Терека к гребенским станицам отряда бедноты с Дона числом в 100 человек во главе с Алексеем Пропокиным. В районе реки Кумы также находился шедший с Дона четырёхсотенный отряд. В тревоге сообщал астраханский воевода об ожидавшемся приходе с Дона конного отряда на соединение с разинцами в 2 тыс. человек во главе с Алексеем Каторжным. Только в район Кумы ожидалось прибытие в скором времени пятисот «конных и пеших» казаков с Дона.

На Волге у Царицына весной 1668 г. действовал народный предводитель Сергей Кривой. С большим отрядом в 600 человек он подошёл к Царицыну из-под Качалинска. У Царицына завязался ожесточённый бой со стрельцами. Спустившись к низовьям Волги, отряд вновь должен был выдержать бой в протоке Карабузуне с астраханским стрелецким головой Авксентьевым, в результате которого отряд стрельцов был разбит, а сто стрельцов перешли к повстанцам, которым вскоре удалось слиться с отрядом Степана Разина. Как видим, воеводы нижеволжских городов принимали меры для того, чтобы воспрепятствовать усилению отряда Разина за счёт бежавших с Дона людей. Неудача, постигшая в борьбе с отрядом, возглавляемым Кривым, заставила их значительно усилить охрану нижеволжского водного пути. Были посланы крупные стрелецкие отряды для розыска пробиравшихся к разинцам людей. Отряды эти дей-

ствовали «денно и ношно», однако без видимых результатов.

Наряду с этим предпринимаются меры для борьбы с собиравшимися в районе рек Терека и Кумы беглыми крестьянами и «голутвенными» казаками, прибывающими с Дона. На их усилении особенно настаивал астраханский воевода И. Прозоровский. В июле 1668 г. он посылает терскому воеводе П. Прозоровскому два посольства («станции»). Одна возглавлялась С. Т. Тихоновым, другая О. Игнатьевым. В отписках И. Прозоровского, привезённых вместе с грамотами к терскому воеводе этими посланцами, говорилось о необходимости усилить розыски «воровских» казаков, энергичнее вести борьбу с ними, привлечь для этого Каспулата Муцаловича и «иных терских мурз». Помимо того, И. Прозоровский «для обереганья Терсково города и для промыслу над воровскими казаками» послал на Терек 200 стрельцов во главе с В. Бахмуровым. А ещё ранее на помощь к терскому воеводе был послан крупный отряд астраханских служилых людей, возглавляемый стрелецким головой Тулунбеевым.

Между тем в ночь на 23 марта 1668 г., перезимовав в Яицком городке, отряд под предводительством Степана Разина двинулся к берегам Персии. Из Яицкого городка были забраны с собой все пушки, ядра к ним и другие боевые припасы. Лёгкие пушки остались на стругах, тяжёлые же были сброшены в море. В Яицком городке остался небольшой отряд казаков для того, чтобы удерживать его, как опорный пункт. Позже часть этого отряда во главе с Григорием Андреевым также покинула городок и двинулась на соединение с Разиным. По дороге к ним присоединились стрельцы из отряда сотника Д. Тарлыкова, вёзшие 600 четвертей ржаной муки, 15 пудов пороха, 10 пудов свинца и несколько пушек. Эти «государевы» запасы оказались для спешивших к отряду, возглавляемому Разиным, весьма кстати. Однако уход казаков из Яицкого городка значительно ослабил его обороноспособность, и вскоре он был взят правительственными войсками. Попытка же казаков вновь захватить его летом 1668 г. не увенчалась успехом. Эта серьёзная потеря не могла не ухудшить положение разинцев. Они лишились тем самым возможности получать продовольствие от яицких казаков и местных кочевников, вынуждены были провести зиму в тяжёлых условиях.

Отряд, возглавляемый Разиным, не сразу двинулся к персидским берегам, а предварительно имел стоянку близ устья Волги. Появление разинцев недалеко от Астрахани вызвало слухи, что они хотят двинуться вверх по Волге, чтобы пополнить хлебные запасы на зиму и заняться там «разбоем». Однако слухи эти не оправдались. Разин, узнав, очевидно, о сосредоточении больших воинских сил в Астрахани, поспешил двинуться на Терек, где его ожидало значительное подкрепление. Действительно, у устья Терека к нему присоединился сильно разросшийся за счёт находившейся здесь донской «голытьбы» и беглых крестьян отряд, возглавляемый Сергеем Кривым. Забота о заготовке боеприпасов и продовольствии и здесь не оставляла собравшихся в поход. С этой целью с захваченным по дороге Григорием Шульгой «с товарищами» посылаются к терскому воеводе и князю Каспулату Муцаловичу «грамотки», в которых излагалась просьба прислать им «запасу и зелья и свинцу и вино»¹. Понятно, что просьба эта осталась без ответа.

Персия, куда отправились беглые крестьяне и донская «голытьба», к этому времени была значительно ослаблена межфеодальными рознями, усилившимися после смерти шаха Аббаса. Престол занял его двадцатилетний сын Сулейман, который больше занимался развлеченнями, чем государственными делами.

Соединившийся с донской «голытьбой» и беглыми крестьянами Кривого и выросший до двух тысяч человек (по другим сведениям до шести тысяч), отряд Разина стал нападать на населённые пункты по побережью от Дербента до Баку. Во время этих набегов захватывалась богатая добыча у представителей господствовавших классов, освобождались пленники. У города Решта отряд Разина встретил войска шаха и вступил с ними в ожесточённую схватку, в результате которой одержал победу. Но она досталась разинцам путём больших жертв. Примерно 400 человек донской «голытьбы» и беглых крестьян сложили свои головы в этой схватке.

Понеся значительные потери, страдая от болезней, окружённый со всех сторон персидскими войсками, отряд Разина нуждался в передышке. Очевидно, с этой целью Степан Разин направил к персидскому шаху

¹ «Материалы...», стр. 29.

своих послов с просьбой дать людям его отряда землю для постоянного поселения.

Пока велись переговоры, персидское правительство получило грамоту от русского. Она была адресована на имя уже умершего шаха Аббаса. В грамоте говорилось об уходе на Каспийское море после окончания войны с Польшей большого числа людей. Часть их направилась к владениям шаха. Поэтому в грамоте предлагалось «брату нашему Аббас шахову величеству своей персицкой области вдоль моря Хвалынского велеть остереганье учинить, и таким воровским людям пристани бы никто не давал и с ними не дружился, а побивали бы их везде и смертью уморяли без пощады»¹. Примерно то же самое говорилось в наказной памятке «посланному иноземцу» Томасу Брейну, который должен был передать грамоту от русского царя шаху Аббасу. Для оказания помощи в борьбе с «воровскими» казаками к шаху посылались «верные службы годного и хвального рыцарства полковник рыцарь Пальмар, который может чин служивой у вас завести и от злых людей славно и честно государство ваше оборонить»².

Грамота эта окончательно уничтожила колебание персидского правительства по отношению к разинскому отряду. К тому же ещё во время переговоров было получено известие о взятии разинцами города Решта.

Не могла не вызвать озабоченности персидского правительства также и ярко выраженная классовая направленность действий казацкой бедноты и беглых крестьян из отряда Разина на территории Персии.

Действия «голытьбы» и беглых крестьян на территории Персии способствовали усилению там классовой борьбы. Беднота выражала горячее сочувствие действиям отряда, возглавляемого Разиным, а часть её даже примкнула к отряду.

Все эти обстоятельства привели к тому, что персидское правительство прекратило переговоры с послами Разина, приказало заковать их в кандалы и бросить в тюрьму.

Между тем отряд смельчаков отправился к восточным

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 105.

² Там же, стр. 105—106.

прикаспийским провинциям Персии, не дожидаясь результатов переговоров. Около 70 вёрст отряд этот проплыл на стругах, никем не замеченный, и удачно высадился в Мазиндеране близ Ферабата (Ферах-Абад). Однако город был сильно укреплен, поэтому разинцы, чтобы попасть в него, прибегнули к хитрости. В Ферабат они явились под видом купцов, привезших для продажи товары. Они были впущены в город и в течение пяти дней вели оживлённую торговлю. Узнав за это время местных богачей, разинцы на шестой день отобрали у них ценности, погрузились на суда и уплыли в открытое море. После Ферабата отряд, возглавляемый Разиным, совершил удачный набег на Астрабат, забрав у местной знати много ценностей.

В связи с приближением зимы было решено укрепиться на территории шахского заповедника, на покрытом лесом полуострове Миян-Кале, далеко вдающемся в море. Здесь разинцы вырыли глубокий вал и устроили засеки. Однако шах не дал разинцам основательно укрепиться на полуострове, послав против них многочисленное войско. Но уничтожить разинцев не удалось, основные силы отряда Разина были сохранены. Отряд отступил вглубь полуострова на самую песчаную его оконечность, которая была отделена от лесной части непроходимым болотом. Здесь донской «голытьбе», беглым крестьянам и освобождённым из плена пришлось провести трудную, голодную зиму 1669 г. При этом разинцы вынуждены были отбивать неоднократные нападения персидских отрядов. К тому же нездоровый климат способствовал распространению различных болезней, от которых многие умирали.

Однако суровые испытания не помешали отряду Разина весной 1669 г. продолжить свой поход дальше вдоль восточного берега Каспийского моря. Забрав нужное продовольствие и различные материальные ценности у туркменской знати, отряд повернул затем на запад, к Баку, и разбил лагерь на острове Свином. Отсюда разинцы совершали неоднократные набеги на Баку, Дербент. Во время одного из походов был убит верный помощник Разина Сергей Кривой. Между тем дальнейшее пребывание на острове становилось всё более и более опасным, так как шах спешно готовил новое войско для расправы с отрядом. Под руководством инструкторов-иностранцев ещё

с зимы 1669 г. было развёрнуто строительство большого персидского флота.

Наконец, в июне 1669 г. близ острова, где расположились лагерем разинцы, показался большой персидский флот, состоящий из пятидесяти судов, на которых разместилось войско в 3700 человек под командой Менеды-хана. Один из современников, находившийся во время похода в Персии, некий Кемпфер, дал подробное описание этого морского боя. Суда Менеды-хана были соединены цепями, чтобы с их помощью как бы в сети захватить вражеский флот. Однако разинцы использовали это обстоятельство в свою пользу. Удачным выстрелом они попали в пороховой погреб на флагманском судне. В результате произошёл взрыв, и корабль начал тонуть, но, будучи соединённым с другими судами цепями, тонущий флагман мешал их маневрированию. Воспользовавшись замешательством врага, разинцы прекратили обстрел и, подойдя вплотную к судам, стали сбивать с них вражеских солдат шестами с привязанными к ним пушечными ядрами. В результате ожесточённого боя отряд Разина одержал блестящую победу. Персидский флот был почти полностью уничтожен, взято много военных трофеев и пленных. Самому Менеды-хану и небольшой кучке оставшихся в живых персидских солдат лишь чудом удалось спастись бегством. Всё же, несмотря на победу, силы отряда были значительно ослаблены. А между тем шах готовил в скором времени присылку против разинцев ещё большего карательного войска.

Поэтому разинцы сочли для себя более целесообразным оставить остров и направиться к Астрахани. В конце июля отряд Разина покинул остров, десять дней шёл морем и, наконец, 6 августа оказался недалеко от города. Об этом вскоре узнал астраханский воевода. Он узнал также от одного из стрельцов, участвовавшего в персидском походе, что разинцы отнимают товары у купцов в его владениях. Ими недалеко от поселения Четыре Бугра было остановлено судно, на котором находился стрелецкий голова Посников с персидским купцом и послом. У купца и посла был отобран шёлк и другие товары — дары царю Алексею Михайловичу. В числе даров были персидские скакуны, часть которых ввиду нехватки продовольствия, разинцы употребили в пищу. Ценности, захваченные разинцами на этом судне, по свидетельству

одного иностранца-современника, исчислялись в несколько тонн золота.

В то время как отряд Разина действовал у берегов Персии, воеводы поволжских городов увеличивали численность войск, чтобы уничтожить разинцев по возвращении из похода.

В это время вновь начал распространяться слух, что отряд Степана Разина, не заходя в Волгу, перенесёт свои действия на Чёрное море. Как сообщалось в этой связи в отписке царицынского воеводы А. Унковского астраханскому воеводе И. Прозоровскому в первой половине августа 1668 г., «азовцы де, слыша про то от... торговых людей, воровских казаков боятца и город крепят и по караулом стоят з большим опасением»¹.

Боязнь «азовцев» возрастала также по мере роста влияния «голутвенного» казачества на Дону и ослабления там власти «домовитых».

Верховому защитнику интересов «домовитого» казачества Корниле Яковлеву пришлось сложить с себя звание донского атамана. Вместо него был избран атаманом Михаил Самаренин. «Непостоянство большое» среди донского казачества между тем не утихло, а, наоборот, возросло. Зимой значительное число «голутвенного» казачества из верховых городков принимает решение идти весной на Волгу. «Стенька Разин и Серёжка Кривой мимо Царицына прошли смело, говорили они; а мы и лучше того сделаем. Мы пойдём прямо на Царицын и отомстим царицынским стрельцам за то, что побили многих казаков»². С целью предотвратить массовое выступление казацкой «голытьбы» царское правительство предпринимает дополнительные меры по укреплению и усилению гарнизона Царицына и ряда других крупных приволжских городов. Кроме того, новому войсковому атаману Самаренину в грамоте от 16 марта 1669 г. отдаётся распоряжение, чтобы его казаки «шатосных людей, от которых почаете всякого дурна, унимали, и всякое о том радение и остереганье чинили, и к нам, великому государю писали почасту»³. В этой же грамоте особенно подчёркивалось,

¹ «Акты исторические», т. IV, № 202/XXV.

² Цит по кн А Попова «История возмущения Стеньки Разина», М., 1857, стр 46—47.

³ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 127.

чтобы «своевольных» казаков «на Волгу на всякое злое дело не пускать и от того их отговаривать»¹. Таково было положение на Дону до появления в августе 1669 г. отряда под предводительством Степана Разина под Астраханью.

Получив известие о нахождении отряда близ Астрахани, воевода этого города И. Прозоровский послал навстречу ему многочисленный отряд в 4 тыс. стрельцов на 50 стругах под командованием своего ближайшего помощника князя С. Львова. Убедившись, что персидский шах оказался не в состоянии разгромить разинцев, царское правительство решило при удобном случае само расправиться с ними. С этим надо было торопиться, так как известия о подвигах беглых крестьян и «голутвенных» казаков из отряда Степана Разина начали широко распространяться среди закрепощённого крестьянства и городских низов, волновали их, поднимали на борьбу со своими угнетателями.

Львову поэтому было строго-настрого приказано приложить все усилия для того, чтобы выманить Разина из Каспийского моря. При этом царское правительство стремилось применять не только политику кнута, но и политику пряника. Львов имел при себе «милостивую» царскую грамоту для Степана Разина, доставленную в Астрахань ещё в прошлом году. Между тем разинцы, узнав, что навстречу движется значительно превосходящий их по численности отряд, решили не вступать в бой. Следует при этом учитывать, что изнурительный десятидневный переход, большая нехватка продуктов питания и воды, болезни, свирепствовавшие среди многих участников похода, — всё это значительно ослабляло их боеспособность.

Поэтому, когда большое стрелецкое войско, возглавляемое Львовым, стало подходить к Четырём Буграм, где расположились лагерем разинцы, они спешно его покинули и ушли в открытое море. Плану выманить «своевольцев» из Каспийского моря, таким образом, грозил полнейший провал. Тогда к уходящему от преследования отряду Львов послал гонца, который доставил Степану Разину «милостивую» грамоту. С получением её начались переговоры. Они велись не только со Львовым, но

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 127.

и с самим астраханским воеводой. 19 августа к Прозоровскому явились три посланца от Разина. Воевода также обещал им «царскую милость». Посланцы, как подчёркивал один из современников, держались при переговорах с воеводой с большим достоинством и потребовали, чтобы их предводитель был принят с почестями. Беглые крестьяне и «голутвенные» казаки отряда, желая пройти на Дон и сохранить свои силы, в результате переговоров заключили соглашение. Оно сводилось к следующему: 1) отряду разрешалось пройти через Астрахань на Дон; 2) разинцы обещали, что «пушки, взятые ими на Волге с насадов, в Яицком городке и в Персии и пленных служилых людей, астраханцев и других низовых городков, они сдадут в Астрахани воеводам»¹; 3) освобождён захваченный в плен персидский купец и возвращались оставшиеся персидские скакуны, направляемые в подарок царю Алексею Михайловичу.

После заключения соглашения отряд, возглавляемый Львовым, повернул на Астрахань. Вскоре туда направились разинцы, а 21 августа они появились под стенами города. Высадка отряда на берег была обставлена воеводой с почестями, как требовали этого посланцы. Приближающийся отряд разинцев был встречен салютом из пушек.

22 августа разинцы поднялись вверх по Волге и остановились близ города.

26 августа 1669 г. Разин «с товарищами» явился в астраханский приказ, где сдал символ своей власти — бунчук, десять знамён и часть пленных «персиян». Кроме того, он обещал отдать пушки и пленных стрельцов «без задержки». Но в дальнейшем Степан Разин выполнил лишь часть обещанного. Он выдал то, что ему было менее нужно, — наиболее громоздкие струги и 21 тяжёлую пушку. 20 лёгких пушек, которые удобно было передвигать по суше, разинцы оставили у себя. Что же касается передачи тех больших богатств, которые были привезены из Персии, то по этому поводу, как свидетельствуют многочисленные документы, имели место «всякие разговоры и с принуждением». И всё же «голутвенные» казаки и беглые крестьяне из отряда Разина, чувствуя растущее сочувствие среди жителей города, на все прика-

¹ А. Попов, История возмущения Стеньки Разина, стр. 49.

зания сдать привезённое из Персии добро отвечали резким отказом. Оно, по словам разинцев, было взято в Персии в боях и за него многие из их товарищей отдали свою жизнь. Не были отданы и товары, отобранные близ Астрахани у персидского купца под тем предлогом, что почти все они были распроданы или использованы на платья. Им удалось также воспрепятствовать намечавшейся астраханским воеводой переписи участников персидского похода под предлогом, что у казаков «ни на Яике, ни на Дону такого обычая не повелось»¹. В отношении отдачи товаров разинцы также приводили в качестве аргумента в свою пользу «милостивую грамоту». В конце концов астраханскому воеводе пришлось пойти на уступки. Участников персидского похода не переписывали, пленные и добытые в Персии и на Каспийском море товары остались у разинцев. Чтобы как-то удовлетворить претензии пострадавшего от них купечества, Прозоровский разрешил последнему покупать у разинцев товары «вольною ценою». Многим купцам при этом удалось за бесценок вернуть часть утраченного, тем более что некоторые ценности продавались разинцами по очень низкой цене.

Может показаться немного странным, почему астраханский воевода, располагая более значительными силами, чем Степан Разин, обошёлся с ним сравнительно мягко. Это недоумение пропадёт, если учесть, что городские низы Астрахани и большая часть стрельцов выражали открытое сочувствие отважным участникам похода и в случае попытки схватить разинцев поспешили бы им на выручку.

В начале сентября 1669 г. отряд Разина оставил Астрахань и направился вверх по Волге к Царицыну, откуда намеревался перейти на Дон. По пути отряд пополнялся беглыми крестьянами и стрельцами, волжскими бурлаками. Очевидно, уже в это время у разинцев возникает идея нового похода, направленного на этот раз уже против угнетателей. Показателен в этой связи разговор, который имел место между полковником Видеросом, посланным астраханским воеводой для возвращения в Астрахань бежавших из неё и примкнувших к участникам персидского похода, и Степаном Разиным. В ответ

¹ А. Попов, Указ. соч., стр. 51.

на переданное им приказание астраханского воеводы отдать беглых Разинов заявил: «...Передай твоему начальнику Прозоровскому, что я не считаюсь ни с ним, ни с царём, что в скором времени явлюсь к ним предъявить свои требования»¹.

Дойдя до Царицына, разинцы высадились на берег и старым путём перетащили свои струги в верховья Дона.

Так закончился поход на Каспийское море казацкой «голытьбы» и беглых крестьян под предводительством Степана Разина.

Персидский поход нужно рассматривать не просто как попытку бедноты уйти с Дона от голода и растущего гнёта «домовитых». В нём, безусловно, уже проявились черты революционного движения, складывалось ядро будущего повстанческого войска. Благодаря походу была создана материальная база для массового антифеодального выступления (большие запасы продовольствия, боеприпасов, оружие). Вместе с тем слухи о героических подвигах казацкой «голытьбы» и беглых крестьян, их ненависть к феодалам вызывали симпатию к ним широких слоёв трудящихся.

Таким образом, результаты персидского похода вышли далеко за пределы обычного похода «за зипунами». Этот поход способствовал обострению классовой борьбы. Участились случаи массового, открытого выступления крестьян против угнетателей.

¹ Я. Я. Стрейс, Указ. соч., стр. 203.

Глава III

ВЕСЕННИЙ ПОХОД ПОВСТАНЧЕСКОГО ВОЙСКА НА ВОЛГУ. ВЗЯТИЕ АСТРАХАНИ.

Вернувшись на Дон, многочисленный отряд Степана Разина спустился затем по этой реке к Кагальницкому городку. Однако здесь он простоял всего шесть дней. Покинув Кагальницкий городок, участники похода остановились невдалеке от него на большом острове. Здесь они чувствовали себя в большей безопасности. По всем признакам было видно, что для отряда, возглавляемого Степаном Разиным, поход к берегам Персии был лишь началом большого мероприятия.

Прибыв на Дон, отряд не расформировался. На острове энергично возводился укрепленный земляной городок. Участники похода намеревались расположиться там на зимовку.

Численность прибывшего отряда не сокращалась, а, наоборот, росла. К ноябрю в его рядах насчитывалось уже до двух тысяч человек. В течение же зимы численность его увеличилась более чем в два раза.

В Кагальницкий городок, который превратился в бурный центр казацкой жизни, непрерывным потоком шли все те, кто не мог терпеть более крепостнический гнёт. «Многие боярские и всяких чинов людей холопы, бегая с Москвы и из городов, пристают к донским станичникам... и уходят разными дорогами на Дон». Об антифеодальной направленности действий отряда, возглавляемого Степаном Разиным, вскоре стало известно во всех концах Российского государства. Поток беглых на Дон возрастал. Многие из них двигались на Дон через Тамбовский уезд, что не могло не обеспокоить тамбовского воеводу Хитрово. В большой тревоге он сообщал: «а сверху де

Доном беспрестани к нему идут казаки и ныне беглые люди»¹.

С появлением отряда, предводительствуемого Разиным, на Дону укрепилась позиция казацкой «голытьбы» и беглого люда, их борьба с «домовитыми» значительно усилилась.

«Домовитые», боясь выступить при таком соотношении сил против Степана Разина, присмирели в ожидании лучших времён.

Изучая документы, относящиеся к этому периоду восстания, можно заметить со стороны Степана Разина стремление повысить значение Кагальницкого городка, противопоставив его главному центру Дона — Черкасску, где были сильны позиции «домовитых».

Многие торговые люди, которые отправлялись на Дон с товарами, были задержаны в Кагальнике и развернули там торговлю. С помощью жадных на деньги купцов производится строительство большой речной флотилии. С их же помощью создаются значительные запасы продовольствия, вооружения и боеприпасов. Прибывающее пополнение получает как вывезенное с Каспийского моря, так и купленное у торговых людей оружие.

В это время Степан Разин, готовясь к походу, усиленно ищет союзников. Он возобновляет переговоры о совместном выступлении с гетманом Правобережной Украины, сторонником Турции, П. Дорошенко. Последний, пытаясь в своих корыстных интересах использовать противоречия между Польшей, Россией и Турцией, несколько раз менял политическую ориентацию. Переговоры со Степаном Разиным Дорошенко начал с целью использовать антифеодальное движение в своих авантюристических целях.

Первое известие о переговорах между Дорошенко и Разиным относится к осени 1667 г. Как сообщал полтавский воевода П. Сафонов белгородскому воеводе Ю. Бярятинскому, между Дорошенко и участниками похода во главе с Разиным во время нахождения последних в Яицком городке установились тесные взаимоотношения. К Дорошенко Степан Разин посылал специальную делегацию. Гетман Правобережной Украины советовал Сте-

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. 1, стр. 161.

пану Разину не медля иди «на украинные города войною»¹.

Стремление Дорошенко использовать Степана Разина в своих авантюристических интересах ещё в 1667 г. говорит о том, что последний уже в то время обладал известным политическим весом.

Когда же летом 1669 г. отряд Разина вернулся в родные места, переговоры с Дорошенко возобновляются. По всей видимости эти переговоры велись через запорожцев, многие из которых принимали активное участие в действиях отряда.

Особенно оживлёнными сношения между Разиным и Дорошенко были зимой и весной 1670 г. Известно, что целый ряд участников похода к берегам Персии по поручению Разина пробирались с его «листами» к Дорошенко. В одном из документов того времени упоминается даже имя разинского посланца Михаила Карачевского, кременчугского сотника. Он от Степана Разина был «послан с листами к Дорошенку и от Дорошенка ж послан... Стенке Разину с листами ж»². С другой стороны, известны имена посланцев от Дорошенко к Разину. Один из них был полтавский полковник Гаркуша, другой — козельский купец Роман. В «листах», которые они должны были передать Разину, Дорошенко приглашал его соединиться с ним «для похода под Заднепрjem»³.

Помимо Дорошенко завязывает оживлённые переговоры со Степаном Разиным и выразитель интересов зажиточной казацкой старшины запорожский гетман Михаил Ханенко, который, подобно гетману Правобережной Украины, пытался использовать разгорающееся антифеодальное движение в своей беспринципной политической игре.

В Запорожье от Разина для переговоров с Ханенко была послана многочисленная делегация, состоявшая из двухсот человек.

Подготовка к новым выступлениям проводилась тайно. Точных данных о планах разинцев у царского правительства не было. Даже 19 мая 1670 г. тамбовский воевода Хитрово в своей отписке в Разрядный приказ

¹ Цит. по кн. К. Стецюк «Вплив повстання Степана Разина на Україну», стр. 73.

² Там же, стр. 87.

³ Там же, стр. 88.

вынужден был признать, что ему известны лишь вероятные планы похода, подготавливаемого Разиным («на Волгу или вверх Доном в Русь»¹).

Большое значение при подготовке выступления придавалось обеспечению руководящего положения казацкой «голытьбы» на Дону. Обстановка способствовала этому. Даже среди менее зажиточной части казаков растёт движение в пользу сторонников Степана Разина. Немаловажную роль играли при этом экономические мотивы. Дело в том, что поступление «царского жалованья» донским казакам почти прекратилось. На Дон не пропускались торговые люди с товарами. Царское правительство и отражавшие его интересы донской атаман и старшина также противодействовали организации новых походов. Казацкая верхушка быстро теряла авторитет, о чём можно было судить хотя бы по следующему факту. Ещё в сентябре 1669 г. в Черкасск была прислана «государева грамота». Донской атаман Яковлев, зачитав эту грамоту казачьему кругу, стал уговаривать «дурость отложить» и продолжать служить царю. С этой просьбой он обращался к собравшимся «трижды со слезами», но безуспешно. Весной же 1670 г. противодействие казацкой старшине ещё больше возросло. Этим поспешил воспользоваться Степан Разин для утверждения господствующего положения казацкой «голытьбы» на территории всего Дона.

Для того чтобы укрепить позиции «домовитых» казаков на Дону и «провесть» про планы участников персидского похода, царское правительство посылает в марте 1670 г. в Черкасск своего посланца дворянина Г. Евдокимова. Вместе с ним царское правительство, для того чтобы несколько «смягчить» недовольство «голутвенного» казачества, обещало послать с атаманом Ивановым и казаками М. Родионовым и Л. Фёдоровым «государя жалованье, деньги, и сукна, и зелье, и свинец, и хлебные запасы, и вино»².

Евдокимову было поручено объявить «благоволение» царского правительства атаману и казацкой старшине, и самое главное — разузнать о деятельности и планах

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 162.

² Там же, стр. 159.

собиравшегося близ Кагальника войска под предводительством Степана Разина.

Как сообщал свидетель дальнейших событий — начальник посланных вместе с Евдокимовым для его охраны десяти волуйских стрельцов К. Богуславский — с приездом царского посланца был созван круг. На нём была зачтена присланная с Евдокимовым царская грамота. На другой день после круга в Черкасск прибыл Степан Разин со своими соратниками. Вскоре Яковлев вновь созвал круг для того, чтобы отдать Евдокимову приготовленную для царя грамоту и отпустить его вместе с выбранными послами от казачьего круга. Во время обсуждения этого вопроса, как сообщал позднее Богуславский, «Стенька де в тот круг с своими казаками вшол же и учал в кругу говорить: куда де станицу выберает!»¹.

Не удовлетворившись объяснениями атамана и старшин, Разин решил допросить самого Евдокимова. Ему, очевидно, было известно о действительном намерении царского посланника. «И Стенька де Разин ево, Гарасима, расспрашивал, и говорил: от кого он поехал от великого государя, или от бояр? И Гарасим де им сказал, что он послан от великого государя с его... грамотою. И он Стенька ему говорил, что он приехал не с грамотою, а приехал де к ним лазутчиком»².

Узнав о подлинных замыслах царского посланца, возбуждённая «голытьба» утопила его в Доне. Вместе с Евдокимовым, как сообщал уже в июле 1670 г. воронежский воевода Бухвостов в Разрядный приказ, в воду были «посажены» многие из «домовитых»³.

Напуганный атаман и представители зажиточных казаков побоялись противодействовать «голытьбе». Впрочем, Яковлев пытался протестовать по поводу убийства Евдокимова, но Разин пригрозил, что и его постигнет та же участь. Как показали дальнейшие события, Разин совершил большую ошибку, не расправившись окончательно с Яковлевым и другими наиболее враждебно настроенными к революционной «голытьбе» представителями

¹ «Материалы...», стр. 195.

² Там же.

³ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 215.

«домовитых». Их сопротивление было подавлено лишь на время.

Узнав об убийстве Евдокимова, царское правительство задержало высылку жалованья казакам. Послы с Дона, возглавляемые Аверкиевым, прибывшие в Москву ранее, были арестованы и отправлены в ссылку в Холмогоры. Позднее, когда в Соловецком монастыре началось восстание, некоторые из них приняли в нём активное участие.

Царское правительство, серьёзно встревоженное убийством своего посланца, энергично приступает к мероприятиям по срыву намечаемого похода на Волгу.

Не имея ещё достаточного количества войск для разгрома собравшихся близ Кагальника, царское правительство делает попытку уничтожить их чужими руками. Надеяться на «домовитых» после установления господствующего положения на Дону «голутвенных» особенно не приходилось. В гораздо большей степени царское правительство возлагает надежды на зажиточную калмыцкую верхушку и крупного калмыцкого феодала Аюку. Стремясь в корыстных целях использовать движение народных масс, Аюка вначале выступал против царского правительства в союзе с башкирскими феодалами. Известно также, что в 1668 г. калмыки предложили отряду, возглавляемому Разиным, лошадей, «чтобы переволочь (лодки.—В. Л.) с Волги на Дон».

Однако позднее Аюка и поддерживающая его часть калмыцких феодалов сочли для себя более выгодным переметнуться на сторону царского правительства и в союзе с другим калмыцким феодалом Батырем действовать против сторонников Разина и башкир.

Зимой 1670 г. калмыцкие феодалы дважды нападали на собиравшиеся близ Кагальника повстанческие силы с целью истребить их. Дважды повстанцы под предводительством Степана Разина имели с ними бой. «И тех де калмыков, которые кочевали на Дону и около Царицына, многих побил»¹.

Кроме того, царское правительство предпринимает ряд мер для прекращения допуска к Кагальнику беглых, подвоза продовольствия и боеприпасов. Воеводам всех

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. 1, стр. 217.

больших и малых городков было приказано «учинить заставы крепкие» и не пропускать на Дон ни людей, ни товаров. В случае, если обнаружится, что кто-либо из задержанных собирался примкнуть к участникам готовившегося выступления или везти к ним товары, то их повелевалось «казнить смертью безо всякие пошады и служилых людей поместья и вотчины раздавать челобитчикам... А торговых людей животы и промыслы отдавать таким же челобитчикам»¹. Подобные же приказы весной 1670 г. были разосланы воеводам Воронежа, Козлова, Чугуева, Коротояка и др. Впрочем, в ряде случаев воеводы из-за корыстных соображений нарушали этот приказ. Например, поступали сведения о том, что коротоякский воевода Вындомский незаконно пропускал на Дон торговых людей с товарами, получив за это, очевидно, соответствующее вознаграждение.

Параллельно с проведением этих мероприятий царское правительство спешно мобилизует свои силы. Так, из грамоты, присланной в это время из Разрядного приказа начальнику Белгородского полка Ромодановскому, мы узнаём, что против отряда Степана Разина из Москвы высланы «бояря наши и воеводы и ратные люди»². Действительно, в конце мая из Москвы к Царицыну был послан отряд в тысячу стрельцов во главе с Лопатиным и полуголовою Якшиным. Кроме того, казанскому воеводе Шереметеву было приказано послать к Царицыну отряд из двухсот стрельцов.

Однако эти распоряжения запоздали. Ночью 13 апреля почти семитысячное войско, возглавляемое Разиным, двинулось к Волге.

Перед началом похода состоялся круг. Преобладание на этот раз в многотысячном отряде представителей крестьянства (беглых) сыграло важную роль в решении, вынесенном на круге. Он состоялся под Паншиным городком «на берегу с ногайской стороны». Из отписки тамбовского воеводы Хитрово от 19 мая 1670 г. мы узнаём, что «у Стеньки Разина... круг был и ясоулы де докладывали в кругу, что под Озов ли итить, и кззаци де в кругу про го все умолчали. А в другой де дскладывали — на Русь ли

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 163.

² Там же, стр. 164.

им на бояр итить, и они де «любо» молвили небольшие люди. А в третьей де докладывали, что итить на Волгу, и они де про Волгу завопили...»¹. Поход на Волгу, таким образом, был определён большинством его участников. Они, очевидно, хорошо осознали, что идти сразу к Москве было бы преждевременно. Поход же на Волгу способствовал бы росту повстанческих сил. Кроме того, движение к Москве водным путём имело целый ряд преимуществ. Третий вариант усиленно отстаивал Степан Разин в речи, произнесённой на кругу. Он призывал «всем итти з Дону на Волгу, а с Волги итти в Русь против государевых неприятелей и изменников, чтоб им из Московского государства вывести изменников бояр и думных людей и в городах воевод и приказных людей... И им бы де всем постоять и изменников из Московского государства вывести и чорным людям дать свободу»².

Лишь небольшой отряд из двухсот человек, возглавляемый Леско, отправился сразу на север под Царев-Борисов.

Основные силы двинулись по направлению к Царицыну. Примерно в версте выше Царицына струги повстанцев, волоком перевезённые к Волге, были спущены на воду. Был разработан план взятия Царицына. Василию Усу, под командой которого находились струги с повстанцами, было поручено на рассвете подойти к городу. В это же время Разин должен был повести на штурм пеших и конных повстанцев. Однако получив от пришедших из Царицына представителей городских низов известия о настроении в городе, вооружении и численности гарнизона, повстанцы сочли для себя более целесообразным не тратить сил, штурмуя его стены, а подождать, когда сами жители откроют городские ворота. У стен окружённого 13 апреля Царицына была оставлена часть войска во главе с Усом. Сам же Разин с другой частью повстанцев двинулся на расположившихся недалеко от Царицына союзников царского правительства едисанских татар. Последние угрожали повстанческому войску с тыла и, кроме того, с уходом его из Царицына могли бы преградить доступ к Волге с Дона и таким образом лишили бы повстанцев попол-

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. 1, стр. 162.

² Там же, стр. 234—235.

нения за счёт прибывающих оттуда беглых крестьян и казаков. В первых числах мая повстанцы, возглавляемые Разиным, напали на едисанских татар у речки Сарпы, забрали много коней и всё, что могло бы пригодиться в походе.

Возвратившись из трёхдневного похода, Разин получил известие о приближении к Царицыну посланных царским правительством стрельцов. Это могло расстроить планы взятия города. Тогда повстанцы прибегают к хитрости. Среди населения Царицына распространяется слух, что стрельцы приближаются к Царицыну не для того, чтобы защитить город от повстанцев, а, наоборот, чтобы покарать население города за дружелюбное отношение к ним.

Между тем за время отсутствия Разина к Василию Усу приходили царицынские жители и просили его, «чтобы он велел им из города выходить и воду имать и животину пущать»¹. В ответ на их обращение Ус заявил, чтобы с этой просьбой царицынские жители обратились к своему воеводе. Если же последний не откроет ворота добровольно, то жители должны тогда сами сбить замки и выпускать скотину на поля. Когда Разин возвратился из похода, замки с городских ворот были сбиты, а повстанцы уже проникли в город. Воевода с десятью стрельцами заперся в городской башне и решил обороняться, надеясь, очевидно, на помощь извне. Но такое положение длилось недолго. Башня была взята, а засевшие там или были убиты при штурме, или казнены.

Царицын был захвачен настолько быстро, что представители царской администрации узнали об этом не сразу. Не были оповещены о его взятии и находившиеся на торговом караване «начальные люди». Караван этот, состоявший из патриарших и царских насадов (барж), гружённых лесом, боевыми припасами и товарами, приближался в это время к Царицыну. Проходя мимо города, он был задержан повстанцами. Хлеб и значительная часть боеприпасов были свезены с насадов в Царицын. Большая часть «начальных людей» была перебита. «Ярыжки же добровольно пошли служить Разину»².

Управление в городе было устроено по казацкому об-

¹ «Материалы...», стр. 14.

² А. Попов, Указ. соч., стр. 67.

разцу. После казни царицынского воеводы Тургенева, на городском кругу был избран царицынский атаман и целый ряд других представителей народной администрации.

В Царицыне существовал также круг и у повстанческого войска. На нём Разин «говорил всем своим казакам, чтоб им итти в верх по Волге под государевы города и воевод из городов выводить, или б де итти к Москве против бояр»¹. Из предложенных на рассмотрение собравшихся двух предложений было одобрено первое. Однако для его выполнения необходимо было овладеть Чёрным Яром и Астраханью. Этому решению во многом способствовало выступление на кругу двух астраханских жителей. Они заявили, что с приближением повстанческих сил к Астрахани жители её и астраханские татары с ними сражаться не станут, а лишь «учнут битца для приманки».

Однако поход этот было решено несколько отложить, так как пребывание в Царицыне давало возможность без особых затруднений разгромить приближавшихся к городу царских стрельцов. Кроме того, повстанцам важно было немного задержаться, так как к Волге непрерывным потоком двигались с Дона желавшие принять участие в походе. Здесь же повстанцы решили подождать и запорожских казаков во главе с Серко, которые намеревались присоединиться к Степану Разину².

Тысячный отряд стрельцов, возглавляемый Лопатыным, так же как и «начальные люди» захваченного ранее торгового каравана, не знали о взятии Царицыны повстанцами. Зато последние своевременно получили известия о приближении стрелецкого отряда и сумели достойно его встретить. Когда в первых числах июня царские стрельцы подходили к Царицыну, в семи верстах от него близ Денежного острова на них неожиданно напала находившаяся на стругах часть повстанцев. Другой отряд, находясь на берегу, не давал возможности царским стрельцам сойти на сушу и наносил им значительный ущерб меткими выстрелами. В надежде найти спасение за городскими стенами, стрелецкий отряд, несмотря на значительные по-

¹ «Материалы...», стр. 15.

² И. Серко в отличие от П. Дорошенко и М. Ханенко, был выразителем чаяний народных масс, и поэтому его поддержка выступивших против феодального гнёта под предводительством Степана Разина естественна. Ряд документов свидетельствует о тесной связи, установившейся в эти годы между Разиным и Серко.

тери, упорно продвигался вперёд. Вот уже показались очертания царицынской крепости. Стрельцы дружнее налегли на вёсла. Вдруг совершенно неожиданно с крепостной стены по приближающимся стругам ударили из пушек. Ядра шлёпались в Волгу, поднимая фонтаны воды. Некоторые из них расщепили днища нескольких стрелецких стругов, и те начали тонуть. Последняя надежда на спасение рухнула. Значительно поредевший стрелецкий отряд почти не оказывал сопротивления. Сведения о количестве убитых и утонувших в результате этого боя стрельцов разноречивы и колеблются от 500¹ до 800².

Большая часть взятых в плен стрельцов присоединилась к повстанцам. Часть «начальных людей» была казнена. Интересно отметить при этом следующий факт, который лишний раз подчёркивает классовую направленность действий повстанцев. Когда пленных стрельцов привели к Степану Разину, он стал выяснять, в первую очередь, кто из них голова, полуголова и сотники. Стрельцы указали на своих начальников и заявили, что по отношению к ним голова Лопатин и сотники «были недобры и в дороге их бивали, а один сотник из них дву человек стрельцов бердышом срубил»³. Однако стрельцы упросили Разина оставить в живых полуголову Якшина, который к ним «был добр».

Так успешно начался второй поход уже не отряда, а десятитысячного войска под предводительством Степана Разина по Волге. На этот раз перед участниками похода стояла очень ответственная задача — овладеть Астраханью и, обеспечив таким образом безопасность своего тыла, двинуться вверх по Волге на Москву, истребляя по пути ненавистных угнетателей.

Антифеодальная направленность движения, мало ещё заметная во время первого похода, теперь проявлялась на каждом шагу резко, отчётливо. Она во многом определялась классовым составом повстанческого войска, где преобладали беглые крестьяне, «голытьба» и работные «гулящие люди».

Овладев Царицыном и разгромив двигавшийся туда тысячный отряд Лопатина, участники похода тем самым

¹ А. Попов, Указ соч., стр. 68.

² Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 222.

³ Там же.

бросили вызов царскому правительству, вступили на путь открытой классовой борьбы.

Движение повстанческого войска к Волге ещё более усилило тревогу царского правительства. В этот период оно энергично готовится к подавлению антифеодального движения и вместе с тем предпринимает ряд мер для того, чтобы не дать возможности ему разрастись.

Подготовительные мероприятия в этом направлении царского правительства заключались в следующем: 2 июня 1670 г. оно издаёт указ о посылке московских солдат «выборных» полков и стрельцов с «начальными» людьми в Воронеж, Коротояк и Тамбов. К Воронежу был послан полуполковник В. Бюстов с «начальными» людьми. Вместе с ним были туда отправлены 700 солдат. На Коротояк царское правительство послало майора Скорокова с начальными людьми в сопровождении 300 солдат. Туда же был отправлен полуголова стрельцов Г. Салов с 410 стрельцами. В Тамбов был направлен полуполковник И. Жданов с начальными людьми в сопровождении 300 солдат. Воеводам указанных трёх городов было отдано распоряжение закупать лошадей для артиллерии, выявить и сообщить о наличии «зелья и свинцу и фетилю»¹.

22 июня для усиления численности правительственных войск в районе Нижнего Поволжья было отдано распоряжение послать на «низовую службу» пехотный полк в 2600 человек во главе с А. Шепелёвым.

В конце июня 1670 г. царское правительство издаёт целый ряд указов о пополнении полков саранских и тамбовских воевод П. Урусова и Я. Хитрово дворянами и детьми боярскими из других уездов. «А в полку с ними быть, — читаем мы в одном из документов того времени, — стряпчим и дворянам московским и жильцом, помещиком и вотчинником муромским, нижегородским, арзамасским, алатырским, курмышским, саранским, темниковским, кадомским, шатцким, да городовым дворянам и детем боярским муромцом, нижегородцом, арзамасцом, мещеряном»². Из них нижегородские и арзамасские дворяне и дети боярские посылались в распоряжение саранского

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 165.

² Там же, стр. 175.

воеводы Урусова. Кроме того, в его распоряжение воевода Нижнего Новгорода В. Голохвастов и арзамасский стольник князь Л. Шейсупов должны были послать местных дворян и детей боярских. Московские, муромские и мещерские дворяне и дети боярские посылались под начало тамбовского воеводы Хитрово. Ряд дворян и детей боярских отправлялись также в Алатырь, Курмыш, Кадом и Темников. Причём мобилизовывались все те дворяне и дети боярские, «которые в 176-м и в 177-м годах на его государеве службе в Севску и в Путивле и в Белгородском полку з князем Григорьем Семеновичем Куракиным с товарищи не были»¹.

Таким образом, к району разгоравшегося восстания спешно стягивались большие силы, что в то же время говорит о серьёзной тревоге царского правительства.

Наряду с указанными мероприятиями, имевшими большей частью оборонительный характер, царское правительство собирает войско, предназначенное для нанесения сокрушительного удара повстанцам. П. Урусов, его помощник Д. Барятинский и дьяк А. Ташлыков должны были возглавить правительственное войско, посылаемое водным путём для борьбы с повстанческими силами. Князь Ю. Барятинский возглавил правительственные войска, отправляемые против них на Саранск сухим путём. Значительная часть всего правительственного войска состояла из обученных «иноземному» строю солдат. Много было также московских стрельцов, которые были сравнительно более благонадёжны, чем стрельцы понизовых городов. Их возглавляли Ф. Александров, М. Колобов, А. Веригин, Ю. Лутохин, А. Коптеев. Как тем, так и другим в борьбе с повстанцами ставилась задача «с Волги их збить и в верховые и в украинные города не пропустить»².

Узнав о движении разросшегося отряда, возглавляемого Степаном Разиным, из-под Кагальника на Волгу, царское правительство, как уже упоминалось, принимает более строгие меры по прекращению допуска беглых крестьян на Дон. Были усилены старые заставы и установлены дополнительно новые. Особое внимание было обращено на заставы от города Коротояка вверх по реке Дону

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 192.

² Там же, стр. 199.

до Воронежского уезда (до Борщёва монастыря) и от города Коротояка вверх по реке Тихие Сосны до Острогожских крепостей «на дорогах и на перелазах и на всех причинных местах»¹. Усилены были также заставы по Белгородской засечной черте, «чтоб ни ис которых городов и из уездов на Дон и на Волгу к воровским казакам, к Стеньке Разину с товарищи, никакие люди ни с чем не проходили и не проезжали»².

Большое внимание было уделено усилению разведывательных действий. Между Тамбовом и Царицыном, как сообщалось в грамоте из Разрядного приказа тамбовскому воеводе Хитрово от 10 июня 1670 г., спешно создавались «тайные станы» для разведки и сообщения сведений о движении повстанческого войска. С «тайных станов» вести тамбовскому воеводе должны были поступать как можно быстрее. Для этого между ними и Тамбовом была намечена организация «скорой гоньбы». Кроме того, в обязанность находящихся в «тайных станах» входила задача обмениваться вестями между собой «с великим опасеньем и береженьем тайно ж, ночным временем»³.

Сам воевода должен был собирать, систематизировать все эти сообщения и посылать их в Москву. Подобные распоряжения царское правительство дало воеводам целого ряда других находящихся близ Дона городов. Так, воронежский воевода Бухвостов должен был, помимо численности повстанческих сил, сообщать в Москву сведения о том, идут ли к Разину «в прибавку» казаки с Дона, и если идут, то с каких городков и кто именно; были ли стычки меж повстанцами и калмыками, в какое время, где и их результат; кого перед отъездом из Царицына Разин оставил в этом городе, и т. д.

Особенно тщательно царское правительство пытается выявить силы враждебно настроенных «домовитых» казаков, которые на время затаились и ждали лишь удобного момента, чтобы выступить против повстанцев. Об этом говорилось в грамоте из Посольского приказа воронежскому воеводе Бухвостову от 8 июля 1670 г. В ней указывалось, что от царя Алексея Михайловича на Дон с тол-

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 169.

² Там же.

³ Там же, стр. 208.

мачом Сухановым послана грамота. Этот «посыльщик» должен был по дороге к Черкасску «проведывать про воровских казаков подлинно, где они ныне, и куды их походу чаять, и что про них остальные казаки в городках говорят, и кто старых казаков в Черкасском городке остались»¹. Сам же воронежский воевода до того, как названный «посыльщик» проездом посетит его, должен был разведать «накрепко подлинно» о количестве казаков в донских городках, спокойно ли там, торгуют ли воронежские торговые люди с донскими казаками.

Не прекращается в это время также деятельность царского правительства по ослаблению повстанческих сил с помощью калмыцких феодалов. Последние выполняли в это время очень важную задачу. Дело в том, что с движением весной 1670 г. повстанческого войска под предводительством Разина из-под Кагальника к Царицыну число желающих примкнуть к нему значительно возрастает. Собираясь небольшими отрядами, они «денно и ночью» двигались на соединение с повстанческой армией. Основное направление движения этих отрядов совпадало с направлением продвижения повстанческого войска, возглавляемого Разиным. Обычная численность таких отрядов была 100—200 человек. Однако часто встречались менее крупные группки. Как указывали на допросе в Приказной избе 13 июля 1670 г. задержанные чебоксарские торговые люди, «идут в лотках небольшие люди порознь, человека по 2 и по 3 и по 4 и по 5 и по шти в лотке, русские люди и черкасы, а идут де на Царицын к Стеньке Разину с товарыщи»². Среди прибывших к повстанческому войску находилось, как свидетельствуют многие документы, значительное число украинцев, которые были полны решимости вместе с братским русским народом бороться против общих врагов — феодалов. Некий поп Иван из села Лыскова Нижегородского уезда в этой связи сообщал, что он и его «товарыщи» видели, что «рекою де Доном вниз черкасы в малых лотках идут беспристани»³.

О большом движении украинцев на соединение с основными повстанческими силами сообщал также воро-

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 194.

² Там же, стр. 211.

³ Цит. по кн. К. Стецюк «Влияв повстання Степана Разина на Україну», стр. 54.

нежский воевода, московский стрелец Моисеев, упомянутые выше чебоксарские торговые люди. О наличии значительного количества украинцев среди пеших и конных повстанцев, возглавляемых Разиным, сообщали также немного позднее воронежские «работные люди».

Против идущих к Разину разрозненных групп калмыцким феодалам действовать было легче. После ухода повстанческих сил из-под Кагальника, как сообщал воронежский воевода Бухвостов в своей отписке в Разрядный приказ в конце июня 1670 г., к «городкам по ногайской стороне реки Дону прикочевали калмыки многие люди, и на Дону де в казачьих городках в Пловлях у казаков те калмыки отогнали конские и животиные стада»¹. Из той же отписки мы узнаём, что калмыки, расположились на пути с верховьев Дона к Царицыну, задерживали и убивали всех двигавшихся по ней на соединение с повстанческими силами.

Однако никакое противодействие не могло остановить мощное движение на Дону. Беглые крестьяне и казацкая «голытьба» организовываются в более крупные отряды и тайно в ночное время продвигаются к повстанческому войску.

Между тем 5 июня многотысячная повстанческая армия покинула Царицын и отправилась вниз по Волге по направлению к Астрахани². Часть её шла вдоль берега по нагорной стороне Волги, другая — продвигалась в стругах по реке. Стругами командовал сам Разин, конными и пешими — его помощники Шелудяк и Еремеев.

В Царицыне повстанцы оставили приблизительно около 500 человек. Помимо них, близ города, как узнаём мы из одной «расспросной речи», «вновь прибралось ото вся-

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 224.

² Сведения о численности повстанческого войска, вышедшего к Астрахани из Царицына, крайне противоречивы. Интересно при этом отметить, что представители враждебно настроенных к восставшим социальных групп в «расспросных речах» обычно преуменьшали численность повстанческого войска, исходя при этом из того, что повстанцы якобы разбойники, грабители. Бесперывный поток к Степану Разину беглых с Дона ими, как правило, отрицался. С другой стороны, сочувствовавшие восставшим определяли численность вышедшего из Царицына к Астрахани войска в 5 700 и даже в 10 тысяч человек.

ких людей и от судов ярыжек человек с 1000 и больше...»¹. Возглавляли их донские казаки Иванов и Семёнов.

Узнав о появлении повстанческого войска на Волге, астраханский воевода спешно направил отряд численностью в 800 человек под командой Плохово к Царицыну. Однако, подобно отряду московских стрельцов во главе с Лопатиным, отряд этот запоздал. Получив известие о взятии Царицына, он повернул к Чёрному Яру для усиления его обороны. Однако Чёрный Яр в скором времени был также взят повстанцами, несмотря на наличие в нём большого гарнизона, подошедшего на помощь отряда Плохово и сильной городской крепости.

Успешному штурму города способствовало то, что подавляющая часть его гарнизона и астраханские стрельцы перешли на сторону разинцев. Большая часть враждебно настроенных к повстанцам «начальных людей» была перебита своими же подчинёнными.

За этой победой вскоре последовала другая. Не успели повстанцы укрепиться в Чёрном Яре, как близ него показалось многочисленное войско во главе с князем С. Львовым, посланное ещё 25 мая 1670 г. из Астрахани. Большая его часть в количестве 2600 человек была размещена в 40 стругах, на которых было установлено 50 пушек. Кроме того, по берегу продвигался значительный отряд конных стрельцов.

Однако стрельцы с видимой неохотой шли против повстанцев и не желали сражаться с ними. Ещё во время похода многие из них решили перейти на сторону восставших. Конные же стрельцы, подходя к Чёрному Яру, послали к Разину делегацию из 10 человек, которая сообщила о желании стрельцов вместе с ним сражаться с врагами народа, «боярина, и воевод, и приказных, и иных чинов добрых людей побить»². Повстанцы, по их словам, могли вступить в бой с войском, возглавляемым Львовым. И действительно, в самом начале сражения многие стрельцы перешли на сторону повстанцев. Небольшая горстка «начальных людей» была без особого труда истреблена и частично пленена. Причём перебита была большая их часть, так как почти все «начальные люди» войска, воз-

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 211.

² А. Попов, Указ. соч., стр. 69.

главляемого Львовым, были иностранцами, жестоко обращавшимися с русскими (полковник Ружинский, полуполковник Виндранг, капитан Рудольф Шак и др.). Захваченного в плен Львова собирались было уже «посадить в воду», если бы не Разин, который «в кругу у казаков об нем, князь Семене, бил челом, чтоб ево в воду не сажать, и казаки де ево в воду не посадили»¹. Подобный поступок народного вождя было бы неправильно объяснить, как это можно наблюдать в работах даже некоторых советских историков, как проявление давнишней «дружбы» между ним и Львовым. По всей видимости, Степан Разин пощадил Львова с целью использовать его имя в своих дальнейших планах. И действительно, слух о том, что даже князь Львов «перешёл» на сторону Разина и, таким образом, «признал» в нём «защитника» царя в борьбе против своекорыстных бояр, не мог не благоприятствовать развёртыванию движения, среди участников которого господствовали «царистские» настроения.

В то время как основные силы повстанцев по дороге к Астрахани одерживали победу за победой, оставшиеся в Царицыне также развивали успешные действия. Отряд, возглавляемый Семёновым и Кузьминым, овладел Камышином. При взятии города повстанцами успешно была применена военная хитрость. Подойдя к городу, они выделили из своего отряда всех тех, кто носил стрелецкую форму, и пустили их вперёд под видом царского отряда, пришедшего для укрепления гарнизона. Их впустили, и тем самым была решена судьба города. Укрепления были взяты, ворота открыты, и повстанческий отряд, встречая сопротивление лишь со стороны «начальных людей», без труда овладел Камышином.

Очередным важным этапом в развёртывании крестьянской войны можно считать осаду и взятие Астрахани, к которой повстанцы подошли 19 июня 1670 г.

Задача взятия Астрахани и обеспечение таким образом безопасного тыла являлась необходимым звеном при подготовке похода на Москву.

Однако овладеть Астраханью было нелегко. Царское правительство хорошо понимало значение этого города в борьбе с повстанцами. Но после разгрома войска во главе

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 220.

со Львовым астраханский воевода И. Прозоровский уже не мог думать о том, чтобы победить повстанцев в открытом бою, он надеялся отсидеться за стенами города.

Условия для этого были благоприятны. Астрахань являлась городом, отлично приспособленным для обороны. Три стены окружали её. Внешняя земляная окружала посад. Незадолго до восстания в Астрахани была воздвигнута также каменная стена, окружавшая Большой и Белый город. Наконец, в центре города находился кремль, построенный ещё в 1580 г., во время правления царя Фёдора. Около 400 пушек было расположено на этих стенах. Астрахань была не только сильной крепостью, но и крупным торгово-промышленным городом, ведшим широкую торговлю с восточными странами. Кроме того, Астрахань была центром многочисленных рыбных промыслов. В ней самой и в её окрестностях находилось много всякого рода ремесленного люда, «работных людей» соляных промыслов и волжской «голытьбы».

О взятии повстанцами Царицына и движении их вниз по Волге астраханский воевода узнал вскоре после отправления против них многотысячного войска во главе со Львовым. Это известие он получил от работавшего на царских рыбных промыслах («государевы учуги») Дубенского, который случайно, не доходя примерно 17 вёрст до Царицына, узнал о его взятии разинцами и поспешил вернуться в Астрахань. Вскоре после Дубенского к воеводе явился астраханский сотник Тарлыков и сообщил, что из посланного против повстанцев войска, возглавляемого Львовым, спаслись только двое. Перепуганный всевода поспешил к астраханскому митрополиту Иосифу и по его совету решил направить гонцов в Москву для того, чтобы уведомить царское правительство о случившемся. В качестве гонца был выбран упомянутый сотник Тарлыков с двумя стрельцами и пятью татарами. Они должны были отправиться первоначально к терскому воеводе, так как оттуда безопаснее добраться до Москвы. Однако надеяться на скорую помощь не приходилось, и поэтому были приняты меры по укреплению города.

Готовясь к обороне Астрахани, воевода и другие «начальные люди» не могли не заметить, что большая часть её жителей симпатизировала повстанцам, так как она была недовольна притеснениями городской верхушки. Один из

бывших в то время в Астрахани иностранцев, капитан корабля «Орёл» Бутлер, отметил в этой связи, что «жители Астрахани стали безбоязненно роптать и вели одни только бунтовские и мятежные речи против губернаторов (т. е. воеводы.— В. Л.), что было недобрым знаком. В городе всё сильнее подымался ропот, и он увеличивался со дня на день»¹. Поэтому они вынуждены были готовить город к обороне преимущественно силами иностранных моряков и офицеров, приплывших в Астрахань на военном корабле «Орёл», и горстки представителей зажиточных городских верхов.

Капитан первого в истории русского морского корабля Бутлер и подчинённые ему офицеры и матросы были направлены на самые ответственные участки по исправлению городских укреплений, валов и стен. Оборонительными работами, помимо воеводы, руководил английский полковник Бойль. Персидский посол был назначен Прозоровским полковником и вместе со своей свитой, охраной и слугами, которых было около ста человек, формировал отряды из находившихся в Астрахани персов, калмыков и татар. Они, как указывал Бутлер, «маршировали каждый день в добром порядке вокруг валов, подбадривая солдат танцами, пением, литаврами и дудками». Иностранцам же было поручено охранять городские ворота.

По мере приближения повстанческого войска к Астрахани волнение среди жителей возрастало. Астраханские стрельцы большой толпой явились к дому Прозоровского и потребовали у него невыплаченного ещё за прошлый год жалованья. Они заявили, что в случае невыдачи денег служить воеводе не будут. Прозоровский обратился за помощью к митрополиту и, получив от него 2600 рублей, вручил их стрельцам. Однако полного успокоения последних он не добился.

Наконец, 19 июля было получено известие, что повстанцы с часу на час подойдут к городским стенам. Волнение среди жителей города ещё более усилилось. Вместе с тем началось также колебание среди находившихся в Астрахани иноземцев, которые в первую очередь думали о собственном спасении, а уж потом об обороне Астрахани. Находившийся в городе мурза нагайских татар, получив известие о приближении повстанцев, ночью тайно сбежал,

¹ Я. Я. Стрейс, Указ. соч., стр. 356.

уведя с собой значительную часть татар. Капитан Бутлер, вместо того чтобы энергично выполнять данное ему поручение по обороне Астрахани, больше заботился о снаряжении подготовленной для побега шлюпки.

Слухи о приближении повстанческого войска к Астрахани не замедлили подтвердиться. Днём 19 июня 1670 г. близ города показались два повстанческих струга и причалили к берегу. Остальные струги остановились в нескольких верстах от Астрахани, близ Жареных Бугров. Повстанческое войско начало готовиться к первому штурму. Большую помощь в его подготовке оказали тайно пришедшие в повстанческий лагерь жители города. От них разинцы узнали о наиболее уязвимых местах городских укреплений и в соответствии с этим выработали план действий. Было решено начать штурм города у Воскресенских ворот, привлечь тем самым туда главные силы обороняющихся и в то же время бросить значительную часть повстанцев на штурм сравнительно мало укреплённых стен в противоположной части города.

22 июня все струги повстанцев покинули Жареные Бугры и показались близ городских стен. Не желая устраивать излишнего кровопролития, Разин послал двух делегатов в город с предложением капитулировать. Воевода жестоко обошёлся с посланцами. Одному из них на виду у повстанцев отрубили голову, другого же бросили в тюрьму. У них воевода «выпытал» о намерении повстанцев начать штурм со стороны Воскресенских ворот. Воевода распорядился сосредоточить в этом месте главные силы, ослабив охрану стен в других частях города. Кроме того, по его распоряжению была спущена вода из расположенных недалеко от Воскресенских ворот прудов. Вода залила находившийся перед ними в низине солончак и превратила его в непроходимое болото, загордившее подступ к городу с одной стороны.

Жителям Астрахани под страхом смертной казни было запрещено выходить за городскую черту. Однако, несмотря на строгий запрет, связь между осаждённым городом и повстанцами поддерживалась. Доказательством этому служит факт поимки двух приближавшихся к городу нищих, которые после допроса и пытки признались, что ходили в повстанческий лагерь и обещали поджечь дома близ Воскресенских ворот в то время, как повстанцы пойдут на приступ.

Штурм Астрахани, как и ожидалось, начался со стороны Воскресенских ворот и отвлёк сюда бóльшую часть обороняющихся. В то же время часть повстанцев неожиданно для засевших в городе под прикрытием садов и виноградников предприняла штурм города с противоположной стороны. Стоявшие там на городских стенах стрельцы всячески помогали повстанцам взобраться на стены и проникнуть внутрь города. Известие о том, что повстанцы появились в городе с противоположной стороны, как гром среди ясного неба, поразило обороняющихся, вызвав в их рядах панику. С другой стороны, оно послужило толчком для восстания. Стрельцы начали истреблять своих начальников, бóльшая часть которых была иностранными офицерами. Очевидец этих событий Бутлер, давая яркую картину восстания в Астрахани, описал в этой связи состояние одного из иностранцев-офицеров, который пытался отговорить стрельцов от «мятежа». «Щека полковника была проколота пикой, и он был ранен в ногу... Эти раны нанесли полковнику наши государевы солдаты, когда он их убеждал отступить от казаков как от мятежников и верно защищать город, на что ему ответили, чтобы он заткнул свою глотку. Я (т. е. Бутлер.— *В. Л.*) убеждал его... вернуться на своё место, что он и сделал, но новая измена была хуже первой, ибо вскоре все они были убиты своими подчинёнными»¹.

Повстанцы с помощью восставшей городской бедноты быстро овладели большей частью Астрахани и направили основной удар по тем, кто ещё продолжал обороняться близ Воскресенских ворот. Ряды защитников таяли в результате решительного наступления повстанцев. Вскоре они остались без своего предводителя—воеводы Прозоровского, который, получив тяжёлую рану, был унесён с поля боя. Оставшиеся в живых спешили сдаться в плен, рассчитывая на милость победителей. Сдался также персидский посол со своей многочисленной свитой. К 12 часам дня капитулировали почти все, кроме нескольких человек, засевших в хорошо приспособленной для обороны башне.

Последующие действия повстанцев изображаются в буржуазно-помещичьей историографии, как оргия бессмысленных жестокостей. На самом же деле из 441 убитых повстанцами и похороненных в общей могиле врагов

¹ Я. Я. Стрейс, Указ. соч., стр. 358.

большая часть состояла из погибших во время штурма, и только 66 наиболее ненавистных представителей городской верхушки были убиты или на улице, или в своих домах¹. Более того, последующие события показали, что повстанцы были недостаточно последовательны при расправе с врагами, многие из которых, впоследствии тайно организовавшись, установили связь с царским правительством и сообщали ему важные сведения.

После овладения Астраханью повстанцы конфисковали казну, находившуюся в Приказной палате, а также имущество воеводы и наиболее ненавистных служилых людей, товары в гостиных дворах (русском, персидском, индийском, бухарском) и золотую церковную утварь. Отобранное у городских верхов имущество свезли в одно место (Ямгурчеев городок), где оно «было подуванено между казаками, приставшими к ним стрельцами и бедными жителями города»². Дела во всех приказах, олицетворявшие в глазах народа феодальное угнетение, были сожжены. Были изодраны в клочья все бумаги, которые персидский посол вѣз к царю Алексею Михайловичу. Избу, где воевода вершил свои дела, повстанцы уничтожили.

В городе было введено новое, демократическое управление. Население Астрахани было поделено на тысячи, сотни, десятки с выборными атаманами, сотниками и десятниками. Астраханские жители давали клятву, «что им за великого государя стоять и ему... Стеньке, и всему войску служить, а изменников выводить»³.

Наследие старого управления — «аманатный двор», где находились заложники кочевавших близ Астрахани татар, был распущен. Это не могло не способствовать вовлечению последних в антифеодальное движение.

Во время продвижения повстанцев к Астрахани и почти месячного пребывания там они постоянно поддерживали связи с Доном. 8 июля 1670 г. «Стенька прислал на Дон лист и рада у казаков была, чтоб донские казаки жили со всяким береженьем и городки берегли»⁴. А их приходилось в то время оборонять от нападавших калмы-

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 282.

² Там же, стр. 251.

³ Там же, стр. 252.

⁴ Там же, стр. 244.

ков. В начале июля 1670 г. калмыцкий тайша выделил «400 человек к Царицыну для промыслу на изменников воровских казаков и для отгону животных стад»¹.

Меж Паншинским городком и Царицыном орудовал двухтысячный отряд калмыцкого тайши Манчака. Он задерживал и истреблял двигавшихся с Дона на Волгу к Разину беглых крестьян и казацкую «голытьбу». Им, например, был разбит двигавшийся на соединение с основными повстанческими силами отряд, возглавляемый Мартыновым. Калмыки постоянно нападали также на городки верхнего Дона.

Положение оставшегося в верховых городках населения ухудшилось также вследствие экономической блокады Дона царским правительством, прекращением поступления «государева жалованья». Трудности, переживаемые донским населением, пытались использовать «домовитые» казаки, которые во всём обвиняли повстанцев. Желая прорвать тягостную экономическую блокаду, донское казачество верхних городков на кругу, собравшемся в Пяти Избах 15 августа 1670 г., постановило двинуться к Воронежу и очистить путь для подвоза продовольствия на Дон. От Пяти Изб организованный для прорыва отряд двинулся к городу Коротояку. Однако близ него он потерпел поражение от царских войск, возглавляемых воеводой Ромодановским.

Тяжёлое положение, испытываемое «голутвенным» казачеством и беглыми крестьянами на Дону, и начавшееся в Поволжье крестьянское движение способствовали тому, что повстанцы стремились поскорее закончить мероприятия по укреплению своего положения в Астрахани и двинуться вверх по Волге к центральным районам государства.

Однако были и более серьёзные причины, по которым повстанцы не могли долгое время задерживаться в Астрахани. Во-первых, они были хорошо осведомлены о сборе для борьбы с ними большого карательного войска, численность которого увеличивалась со дня на день. Поэтому промедление было смерти подобно. Во-вторых, необходимо было выступить и прибыть в районы Среднего Поволжья с волновавшимся крестьянским населением

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 213.

ко времени, когда там будет заканчиваться уборка урожая. Тогда бы в восстании приняло участие большинство крепостного крестьянства. Как видим, повстанцы учитывали такое обстоятельство, как «сезонность» работ крестьянства и в соответствии с этим строили свои планы. Ряд документов того времени подтверждает вышесказанное¹.

Таким образом, со взятием Астрахани начинается новый этап в развёртывании классовой борьбы. На первый план в крестьянской войне под предводительством Степана Разина, этом мощном антифеодальном движении, выступает непосредственный производитель материальных благ — угнетённое крестьянство.

¹ Как сообщалось в этой связи в отписке коротоякского воеводы Ознобишина в Разрядный приказ, повстанцы, оставшиеся в Царицыне, говорили, что «в русские де города по та места не пойдём, покаместа в русских городах хлеб с поля не спрячют; а как де в русских городех хлеб с поля спрячют, и они де хотят притить вверх рекою Волгою под Казань и под казанские пригородки» (Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 221).

Глава IV

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ПОВОЛЖЬЕ, СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЕ И ДРУГИХ РАЙОНАХ РОССИИ

В первых числах июля 1670 г. восставшие двинулись вверх по Волге. Их количество возросло, как свидетельствуют источники, до 6—8 тыс. человек. Более 3 тыс. отправились на 200 стругах, в которых помещалось по 10—15 человек, остальные пешими и конными продвигались вдоль берега.

В Астрахани был оставлен большой отряд, составлявший пятую часть всех донских казаков, бывших с Разиным. Атаманами этого отряда были назначены талантливые народные предводители Василий Ус, Фёдор Шелудяк и Иван Тверской. Около 2 тыс. казаков с астраханской казной было направлено на Дон для того, чтобы закрепить там позиции восставших, облегчить тем самым дальнейшее развёртывание движения. Командовал отрядом брат Степана Разина — Фрол.

Восторженно приветствовало повстанцев население Чёрного Яра. 29 июля восставшие подошли к стенам Царицына, где им была устроена такая же встреча. В Царицыне они несколько задержались.

За этот период силы поднявшегося на борьбу народа ещё более возросли, было увеличено число отрядов, улучшено их вооружение. В это же время Степан Разин вместе со своими помощниками усиленно разрабатывает дальнейшие планы действий. «Да как он, Стенька,— говорили впоследствии на одном из допросов стрельцы,— пришел из Астрахани на Царицын, и у него, у Стеньки, на Царицыне были круги многие». Прежде всего нужно было установить дальнейший путь похода на Москву.

Обсуждалось три варианта. Первый из них предполагал движение на Москву по Дону, второй — степью, третий — по Волге. Был одобрен третий вариант. Против первого высказывалось большинство донских казаков, которые опасались наличия большого числа «служилых людей» в Тамбовском и Козловском районах на северных подступах к Дону. «...Тамбов и Козлов города многолюдные, и там де дворян и всяких людей много, и они де в тех городах их (восставших.— В. Л.) побьют». Вариант похода степью был также решительно отвергнут, так как его выполнение было сопряжено с большими трудностями. Для этого необходимо было везти с собой большой обоз с боевыми и продовольственными запасами, для чего требовалось прежде всего много лошадей, а их у восставших после массового конского падежа под Астраханью было совсем мало. «...Степью... итить не мочно, потому что им, степью идучи, есть нечево и запасов весть им не на чем». Поход через степи, кроме того, должен был быть крайне утомительным, и во время его нельзя было рассчитывать на значительное пополнение восставших за счёт окрестных жителей. Наиболее приемлемым был третий вариант.

Начавшийся из Астрахани поход вверх по Волге ещё раз доказал солидарность городских низов приволжских городов с восставшими.

Призывы саратовцев к отрядам Разина поспешить им на помощь, многочисленные вести от жителей других крупных приволжских городов о симпатиях городских низов — всё это говорило о преимуществах последнего варианта. Было решено двинуться по Волге, тем более что Волга, по словам разинцев, «ныне стала их, казачья».

Однако медлить было уже нельзя. Удачное взятие Астрахани являлось большим успехом восставших. Но оно отняло у Разина половину лета и тем самым дало возможность царскому правительству более интенсивно приступить к военным приготовлениям.

Прекрасно сознавая, что по пути восставшим придётся встретить упорное сопротивление, Разин, чтобы ускорить продвижение, сажает уже все отряды на струги и спешит к Саратову.

Ко времени прихода под Саратов количество повстанцев составляло 10 тыс. человек, причём пополнение происходило в основном за счёт «гулящих людей» Поволжья.

Значительная их часть была занята на тяжёлой работе в соляных разработках или нанималась в качестве ярыжек и бурлаков. Непосильная тяжесть феодальной эксплуатации, в значительной степени чуждое им чувство местной ограниченности — всё это способствовало превращению «гулящих людей» в активных участников восстания. Недаром во многих хронографах того времени указывается, что большое число «работных всяких людей бурлаков» в числе первых примкнуло к Разину¹.

Много в отрядах повстанцев было также крестьян и представителей городских низов. Прибывали к Разину и из Саратова «человека по два и по три» одновременно и «говорили ему, Стеньке, чтоб он шел к ним под Саратов не мешкав», уверяя при этом, что большинство жителей города стоят на стороне восставших.

7 августа 8 тыс. повстанцев вышли из Царицына, а 15 августа они уже были под Саратовом.

Когда отряды, возглавляемые Разиным, появились в десятке километров от Саратова, городские низы восстали, арестовали воеводу Кузьму Лутохина, приставив к нему сильный караул из 20 человек, и впустили восставших в город.

Вскоре была взята Самара. В большинстве городов, которые занимались восставшими, арестовывались и уничтожались ненавистные народу представители феодальной власти, воевода с «начальными людьми» и дворяне. Их имущество конфисковалось. Все документы боярской администрации сжигались. Из тюрем выпускались узники. Старое управление заменялось демократическим казацким устройством власти.

По мере продвижения вверх по Волге увеличивались силы повстанцев за счёт вновь прибывающих в их ряды. В документах того времени их называют «приставальщиками». На первом месте среди них стоят уже русские крестьяне, восставшие против помещиков, и, крестьяне из числа представителей нерусского населения — чувашей, марийцев, мордвы, татар. Из этих «приставальщиков» спешно формируются особые ополчения, вооружённые небольшими копьями, косами, а то и просто дубинами. Значительно усилилась боеспособность повстанческих отря-

¹ А. Гераклитов, К истории волжского транспорта в конце XVII в., «Труды Нижневолжского ОНО», вып. 34, ч. 2, стр. 17.

дов благодаря дальнейшему притоку из разбросанных по Хопру казачьих городков закалённых в боях представителей казацкой «голытьбы».

Миновав Самарскую луку, повстанческие отряды вступили в места оседлого крестьянского населения и развитого вотчинного землевладения. Их появление, подобно искре в пороховом погребе, дало мощный взрыв классовой борьбы уже волновавшегося здесь русского крестьянства и многочисленных приволжских народностей. Всё Правобережье, начиная от Саратова и вверх по Волге, было охвачено восстаниями.

В целях большего возбуждения эксплуатируемых народных масс Разин рассылает по деревням многочисленных агитаторов и атаманов с небольшим числом казаков. В ряде случаев крепостные крестьяне и представители угнетённых приволжских народностей сами посылали своих людей за «прелестными письмами» и приглашали разинцев посетить их деревню для расправы с помещиками. В «прелестных письмах» Разин призывает народ действовать сообща и избивать ненавистных бояр, дворян, воевод, приказных людей. Иностранец-современник следующим образом передаёт содержание воззваний Разина: «За дело, братцы! Ныне отомстите тиранам, которые до сих пор держали вас в неволе хуже, чем турки и язычники. Я пришел дать всем вам свободу и избавление, вы будете моими братьями и детьми, и вам будет так хорошо, как и мне, будьте только мужественны и оставайтесь верны»¹.

При посылке «прелестных писем» учитывались также местные особенности. Так, в направленных на Украину воззваниях содержалось обращение к горожанам. «Прелестные письма» к татарам призывали выступать с восставшими «именем аллаха» и т. д. «Прелестные письма» проникали даже в правительственные отряды, которые собирались для подавления народного движения, они также отличались своими особенностями².

В воззваниях Разина содержалось иногда обращение к народу от имени царевича Алексея, сына Алексея Михайловича, который, по словам разинцев, не умер, а бежал от травли бояр и теперь идёт их истреблять. Кроме того,

¹ Я. Я. Стрейс, Указ. соч., стр. 204.

² «Материалы...», стр. 232.

под некоторыми воззваниями стояло имя патриарха Никона. Повстанцы с помощью «прелестных писем» умело использовали недовольство различных слоёв населения и разных народов, чтобы вовлечь их в ещё большей степени в единое русло народного движения.

На это обстоятельство в своё время обратил внимание Н. И. Костомаров, указав, что носители «прелестных писем» действовали на население «всякими способами и говорили разное: в одном месте проповедовали казацкое равенство и уничтожение властей; в другом возбуждали толпу именем царевича; ополчали православных за гонимого патриарха; там подушали старообрядцев враждою против нововведений...»¹.

Таким образом, восставшие, выступая, как это видно хотя бы из «прелестных писем», против всей крепостнической системы как таковой, в то же время оставались «царистами». Они выступали за «хорошего» и «справедливого» царя, но без бояр, которые якобы отгораживают его от народа и извращают царские приказы.

Разин использовал имена царевича Алексея и опального патриарха Никона для того, чтобы придать больший вес действиям повстанцев. Как указывали некоторые иностранцы-современники, среди повстанческого флота находились две лодки. Одна из них была обита красным бархатом, другая — чёрным. В первой якобы сидел шестнадцатилетний Алексей Алексеевич (в действительности один из кавказских князей, взятый в плен казаками), во второй — лицо, выдававшее себя за Никона². Выбор был сделан удачно, так как в глазах восставших они являлись жертвами бояр и якобы выступали в интересах трудового народа.

Призывы Разина приводили к поголовному истреблению крестьянами своих господ и их приказчиков. Имения при этом разорялись, кабальные записи сжигались.

В страшной панике бежали бояре, дворяне с приказ-

¹ Н. Костомаров, Указ. соч., стр. 146.

² «Чтения общества история древностей российских», 1838, кн. III, стр. 10—11.

Интересно отметить, что Разин предпринимал ещё в 1668 г. попытки связаться с Никоном, чтобы уже тогда использовать его в интересах народных масс. Есть сведения, что в этом году к Никону приезжали донские казаки для того, чтобы его освободить. В 1671 г. надзор за сосланным Никоном был усилен.

ными людьми, воеводы, представители городских верхов из районов, охваченных восстаниями. Они спешили укрыться под защиту стен приволжских городов. Однако и здесь было не безопасно.

Чем ближе приближалось войско повстанцев к Симбирской полосе укреплений, тем ярче разгоралось в этом районе пламя местных народных восстаний. Обширный край за Симбирской засечной чертой издавна считался бунтарским. Ещё во времена крестьянской войны под предводительством Ивана Болотникова местное население: курсышане, алатырцы, арзамасцы и многие жители других окрестных городов и селений принимали в ней активное участие. В 1657 г. в этом районе началась новая полоса волнений. Для их усмирения в Казань, Нижний Новгород, Алатырь, Курмыш и некоторые другие понизовые города были посланы сыщики из дворян с целью, забрав от воевод стрельцов, пушкарей и др. и вооружив уездных людей,¹ выловить возмутителей и беглых.

Вытесняемые из пределов Среднего Поволжья, беглецы от крепостнической неволи и притеснений стали уходить в низовья Волги¹. Тогда правительство отдало распоряжение державшим между собой постоянный контакт воеводам Самары, Саратова, Царицына, Чёрного Яра отправлять туда отряды детей боярских и стрельцов и ловить заподозренных в бегстве людей из верховых городов².

К началу восстания народных масс под предводительством Разина классовая борьба в этом районе выросла до значительных размеров. Стремясь подавить её, правительство посылает сюда многочисленных сыщиков от Разбойного приказа. Они оказывают активную помощь воеводам в подавлении народных восстаний, в разорении «разбойничьих» станов, в проведении многочисленных казней. Смертная казнь при этом распространялась не только на тех, кто укрывал восставших, но и на лиц, которые отказывались помогать сыщикам³.

В 1669 и начале 1670 г., т. е. более чем за полгода до появления в этом районе стряпов Разина, восстали

¹ «Акты исторические», т. IV стр. 344.

² Там же, стр. 346.

³ М. И. Зевакин, К вопросу об участии мордовского народа в крестьянской войне под руководством Разина, 1949, стр. 207.

под влиянием агитаторов-повстанцев казаки Саранска и Ломова.

При таких благоприятных условиях отряды Степана Разина 4 сентября 1670 г. подошли к хорошо укрепленному городу Симбирску. Его взятию повстанцы придавали очень большое значение не только потому, что благодаря этому открывалась дорога в охваченные восстаниями районы северной Симбирской черты, но также оттого, что опасно было, продвигаясь дальше, оставлять в тылу такую сильную крепость.

Симбирские укрепления были возведены в 1648 г. и состояли из двух частей: находившейся на вершине Симбирской горы, окруженной деревянными бревенчатыми стенами крепости в форме четырёхугольника, и острога, который был возведён для защиты посада. Как крепость, так и посад, кроме того, были окружены высоким земляным валом и глубоким рвом. Город был основательно подготовлен к обороне, городские укрепления тщательно отремонтированы. В крепости были большие запасы продовольствия. Значительно было и войско симбирского воеводы И. Милославского. Оно состояло из четырёх полков, испытанных в битвах стрельцов старой службы. Вместе со стрельцами за стенами Симбирской крепости находилось также несколько сот дворян, убежавших от расправы восставших с низовья Волги. Кроме того, из Алатыря готовился выступить на помощь Милославскому воевода Урусов.

Поэтому необходимо было без промедления, самым решительным штурмом захватить Симбирск и опередить тем самым подход князя Урусова и других войск. За три версты до города на Чувичевском полуострове Степан Разин высадил все повстанческие отряды. Отвлекая внимание противника, большая их часть под покровом ночи вновь погрузилась на струги и лодки и обошла город на версту выше. Здесь Волга подходила значительно ближе к городу, здесь же были удобные места для стоянки. Высадившись на рассвете 5 сентября «под пустынею», т. е. очевидно у стен находившегося вне острога Успенского монастыря, повстанцы поднялись на гору к старому городищу и оттуда повели наступление.

Наступлению пытались помешать отборные отряды стрельцов, но безуспешно. При помощи поддержавших разинцев городских низов Симбирска они были разбиты и

поспешили укрыться за стены крепости. Таким образом, бóльшая часть Симбирска оказалась в руках повстанцев.

Не успел кончиться этот бой, как началось другое ещё более жаркое сражение с пришедшей на помощь Милославскому конницей Барятинского, которая пыталась прорваться к запертым в крепости отрядам. Оно длилось целый день и также кончилось победой разинцев. Воспользовавшись ночной темнотой, отряд Барятинского отошёл к Тетюшам. Сам же Барятинский только благодаря случайности избежал плена.

Таким образом, первые столкновения с правительственными войсками кончились для повстанцев вполне благоприятно.

Успехам повстанцев частично способствовало то обстоятельство, что к этому времени лишь помещики Поволжья и других ближайших к районам восстания мест активно включились в борьбу.

В более отдалённых местах помещики, не ожидая столь быстрого продвижения повстанцев, не смогли своевременно откликнуться на призыв царского правительства. На малолюдство в правительственных войсках поступали постоянные жалобы от военачальников, посланных на подавление восстания. «У нас малоллюдно, — жаловался князь Ю. Долгорукий. — Стольников объявилось в естях 96 человек, а в нетях 92, стряпчих в естях 95, а в нетях 212, дворян московских в естях 108, а в нетях 279, жильцов в естях 291, а в нетях 1508, разных городов дворян и детей боярских зело мало в приездах...»¹. Подобные же жалобы поступали от Барятинского: «Начальные... люди... в полк ко мне не бывали ни един человек, живут все по деревням своим»². Без сомнения, жалобы эти несколько преувеличены и свидетельствуют о сильной боязни боярских военачальников оказаться слабей и быть разбитыми повстанцами. С другой стороны, они говорят о том, что войско Степана Разина выросло в силу, с которой вынуждены серьёзно считаться видные военачальники того времени.

Крупная победа над правительственным войском подняла моральный дух повстанцев, сражавшихся под Симбирском, влила в них уверенность в победе. Она вызвала

¹ С. М. Соловьёв, История России с древнейших времён, т. IV, стр. 316.

² Цит. по приложен. в кн. Д. Ф. Каржавина «Степан Разин в Симбирске», Ульяновск, 1947, стр. 65.

ещё больший подъём народного движения на огромной территории волго-окского междуречья. Буквально за несколько дней численность крестьянских отрядов, возглавляемых Разиным под Симбирском, выросла до 20 тыс. человек. Значительная их часть состояла из посадского люда Симбирска и крестьян близлежащих районов. Такой многотысячный приток, естественно, вызвал нехватку вооружения. Тогда Разин объявил поголовную мобилизацию кузнецов и плотников для изготовления оружия. На помощь повстанцам пришли также сотни работных людей, крестьян и представителей городских низов. Работа велась не только днём, но и ночью, и тогда свет от работающих кузен, подобно зареву пожарищ, освещал окрестности Симбирска.

В занятой повстанцами части города, как и во многих других взятых ранее городах, были проведены следующие мероприятия: списки налогоплательщиков и долговые расписки, находившиеся в симбирской приказной избе, были торжественно сожжены, жители города и уезда объявлялись вольными. Вместо земского старосты было введено казацкое самоуправление, по которому все дела решались большинством голосов на круге.

Вынужденный задержаться в Симбирске, Степан Разин для поддержки крестьянских выступлений на местах посылает в некоторые районы специальные отряды повстанцев.

По Симбирской черте на города Корсунь, Атемар, Инсар и Саранск был послан большой отряд во главе с Михаилом Харитоновым. По направлению к Пензе из Саратова двигался отряд, предводительствуемый саратовским атаманом Савельевым, заменённым впоследствии донским казаком Василием Фёдоровым.

Другой крупный отряд разинцев, который возглавлялся Максимом Осиповым, продвигался от Симбирска в северо-западном направлении в район, населённый мордвой, на Алатырь и Нижний Новгород.

Наконец третий большой отряд повстанцев направился из Симбирска вверх по Волге для того, чтобы помогать крестьянам расправляться с ненавистными угнетателями. Многочисленный отряд атамана Иванова двинулся на север к реке Унже.

В это время главные силы повстанческой армии, оставаясь в Симбирске, деятельно готовились к штурму

крепости. Параллельно с её стеной спешно возводился земляной вал примерно равной высоты с ней. Его возведение не только облегчило бы штурм засевших там отрядов Милославского, но также давало в случае наступления правительственных войск извне возможность ведения успешной обороны. Помимо возведения земляного вала, усиленно велась другая подготовительная работа для проведения штурма. Для засыпки рва перед стеной подвозился и вязался хворост. К земляному валу бесконечными рядами тянулись телеги и шли люди с сеном, соломой, брёвнами. Всё это складывалось на гребне вала и во время штурма должно было сбрасываться вниз в ров. Приготавливались лестницы и багры для штурма, зажигательные снаряды, начинённые смолой и сухой щепой.

Повстанцы прекрасно понимали, что нечего ждать в скором времени капитуляции пятитысячного войска Милославского, запертого в крепости. И сами осаждённые были уверены в непреступности их крепости.

Наконец все приготовления были окончены, и днём 15 сентября повстанческие отряды пошли на первый приступ. Перед самым штурмом в ров под самые стены крепости было накинато большое количество сухого хвороста, сена, соломы, которые были подожжены. Огонь угрожал перекинуться на деревянные стены, поэтому часть осаждаемых была выделена на тушение пожара. Тогда повстанцы с противоположной стороны бросились на приступ, но были отбиты.

Неудача первого приступа показала, что днём его предпринимать нельзя. Днём трудно было подвозить к стенам крепости горючий материал и проводить другие подготовительные мероприятия, так как противник ружейным и пушечным огнём наносил большой урон приближавшимся к крепостным стенам повстанцам. Легче было также гасить горящий у стен хворост, солому и сено.

Поэтому повстанцы второй приступ решили провести ночью. Под покровом ночной темноты к стенам крепости было подвезено значительное количество легковоспламеняющегося материала, а окружающий их глубокий ров в ряде мест был завален землёй, брёвнами и связками хвороста. Были заготовлены также зажигательные снаряды.

Во время второго ночного приступа (приблизительно через 3 дня после первого) были также сделаны попытки поджечь стены и деревянные строзния внутри крепости. Одновременно с этим повстанцы бросились на штурм крепости. В ряде мест им удалось взобраться на стены и вступить в ожесточённую рукопашную схватку. Однако и второй штурм, несмотря на большие потери осаждаемых, был отбит.

К третьему приступу готовились наиболее тщательно. Подготовительные работы проводились с наступлением темноты и кончались, когда начинало светать. Особенно активно готовились к штурму с северной стороны крепости. Здесь был сооружён массивный земляной вал, высота которого равнялась, а на ряде участков превышала высоту стен крепости. С него было хорошо видно, что происходит в лагере осаждаемых. Повстанцами было заготовлено для заброски рва и для метания за крепостную стену большое количество нужного для этого материала. В местах, откуда было можно нанести наиболее уязвимые удары противнику, сосредоточивались лучшие отряды восставших.

Третий приступ, так же как и второй, был проведён ночью. Начался он пушечной пальбой с башен земляного вала по стенам крепости. Однако и на этот раз, несмотря на то, что сражение было крайне напряжённым и ожесточённым, все атаки повстанцев были отбиты. Крепости всё же были нанесены значительные повреждения. пожарами было охвачено больше строений, чем во время первого приступа, но осаждённые не давали им возможности распространяться. Один из московских стрельцов, очевидец осады, Родион Никитин, во время допроса показал, что «разинцы мечут, а в городе жгут, а в которых местах огонь был велик, и из города де завесили парусами и заливали водой...»¹.

Осаждаемые, многие из которых были представителями правящих классов, хорошо понимая, что восставшие при взятии крепости их не пощадят, продолжали сражаться с ожесточением обречённых.

Потери повстанцев после предпринятого ими третьего штурма крепости были чувствительны. Много отважных

¹ Цит. по кн. Д. Ф. Каржавина «Степан Разин в Симбирске», стр. 35.

сынов русского и других народов сложили свои головы под стенами Симбирской крепости. Из без того незначительной артиллерии более или менее исправными к готовящемуся четвёртому штурму остались лишь четыре пушки. Не хватало ружей, свинца и пороху. Стал чувствоваться после значительных потерь недостаток и в людях, если к тому же принять во внимание, что несколько отрядов повстанцев во время осады с лучшим вооружением были посланы с целью расширения районов восстания.

Естественно, что, распыляя свои силы в начале осады, повстанцы руководствовались совершенно правильным соображением. Действительно, задача распространения восстания вширь именно в осеннее время, когда закончен сбор урожая, была крайне важна. При выполнении этой важной цели стратегического порядка повстанцы поступились задачей тактического порядка: взятием симбирской крепости. К тому же подавляющее большинство повстанцев в самом начале осады рассчитывало на скорое её падение. Затянувшаяся осада спутала планы разинцев.

Намного хуже по сравнению с состоянием осаждающих после трёх ожесточённых приступов оказалось положение осаждённых. Крепостные стены в ряде мест оказались разрушенными. Пушки и ружья в значительной своей части пришли в негодность. Боеприпасы были на исходе. На тушение пожаров был изведён почти весь запас воды. Без преувеличения можно сказать, что если бы осада продлилась ещё несколько дней, осаждённые остатки войска Милославского потеряли бы способность к сопротивлению и четвёртый приступ, без сомнения, увенчался бы успехом для повстанцев.

Очевидно, это прекрасно понимал Бярятинский, который со свежим и хорошо вооружённым войском спешил подойти к Симбирску до четвёртого штурма.

Поход войск Бярятинского на Симбирск от Казани начался 15 сентября, т. е. в день первого штурма Симбирской крепости. Однако первые же дни похода показали, что правительственным войскам будет не так-то легко добраться до города.

Одна из основных задач Разина во время осады Симбирской крепости заключалась как раз в том, чтобы всяческими мерами воспрепятствовать быстрейшему подходу из-под Казани этих правительственных войск. И выполнялась она довольно-таки успешно. Многочисленные парти-

занские отряды, действовавшие севернее Симбирска и состоявшие в большей части из представителей народностей Поволжья, своими смелыми набегами значительно задерживали продвижение войск Бярятинского. Так, например, 20 сентября двигавшиеся к Симбирску правительственные войска за рекой Свиягою под селом Куланги были встречены повстанцами, в число которых входили татары, чувашы, марийцы, мордва и, конечно, казаки числом «болши трех тысяч конных и пеших людей»¹. Крупные стычки были 23, 24, 27 и 29 сентября, особенно 24-го и 27-го под деревней Крысадаки и Поклоуш. 29 сентября войска Бярятинского вступили в Тагай, где, кстати говоря, не осталось ни одного человека, так как «все люди убежали к... Стеньке Разину в Симбирск»². Близ Юшанска правительственные войска перешли Симбирско-Карсунскую черту и отправились к Симбирску вдоль её южной стороны. Лишь 1 октября они были в двух верстах от Симбирска и расположились на берегу реки Свияги.

Исходя из правильного расчёта, что против превосходящих правительственных войска надо действовать внезапно и решительно, повстанцы под предводительством Разина решили первыми напасть на врага. При этом они, очевидно, рассчитывали, что благодаря неожиданному манёвру стремление Бярятинского соединиться с осаждённым войском Милославского потерпит крах.

В противоположность донесениям царских воевод рядовые участники решающих битв под Симбирском единодушно указывают, что Разин предпринял этот смелый манёвр с небольшим числом повстанцев. Пехота, пушкары с четырьмя пушками были оставлены на восточном берегу Свияги. Наступательный манёвр осуществляла преимущественно конница, которая 1 октября переправилась на западный берег Свияги и перешла в атаку. Бярятинский, разбитый повстанцами в первых сражениях, на этот раз тщательно готовился к схватке.

Не надеясь особенно на стойкость своего войска, Бярятинский взял с собой большое количество пушек. В предстоящей битве он предполагал использовать превосходство в артиллерии, которая была поставлена в тылу войска.

¹ «Материалы...», стр. 62.

² Там же, стр. 63.

Опрокинув стоявшую впереди конницу, наступавшие неожиданно очутились перед жерлами пушек. Был произведён одновременно залп из всех орудий, в результате которого повстанцы понесли значительный урон.

Воспользовавшись приостановкой наступления, Бярятинский бросил в бой оправившуюся от стремительного натиска разинцев конницу и имевшиеся в его распоряжении резервы. Ряды повстанцев также пополнились подоспевшими к месту сражения свежими силами. Завязалась такая жаркая и кровопролитная битва, «что люди в людях мешались и стрельба... была в притин»¹.

Степан Разин самоотверженно сражался в первых рядах, подавая прекрасный пример повстанцам. Лишь после того как отважный предводитель был «рублен саблею и застрелен из пищали в ногу»², он уже не мог участвовать в сражении. Потерявшего сознание и истекавшего кровью Степана Разина с трудом удалось вынести с поля боя.

Между тем надвигались сумерки. Стойко защищая раненого вождя, повстанцы организованно отступили за Свяягу.

Бярятинский и не думал их преследовать, так как обе стороны были в равной степени обессилены.

С утра следующего дня царские войска стали готовиться для прорыва к Симбирскому острогу, который окружал город. Была наведена переправа через реку Свяягу, подтягивались и готовились к наступлению отряды.

Повстанцы между тем, несмотря на тяжёлое состояние своего предводителя, спешно проводили оборонительные мероприятия, базируясь на окружавший Симбирск острог. Руководство обороной взяли на себя ближайшие соратники Разина. От его имени был, кроме того, спешно послан гонец в село Лыскэво к возглавляющему большой отряд повстанцев Максиму Осипову с приказанием немедленно поспешить на помощь. Однако Осипов не успел этого сделать; вскоре он получил известие о взятии Симбирска правительственными войсками.

Утром 3 октября войска Бярятинского начали переправу по двум наведённым через Свяягу мостам. Им уда-

¹ «Материалы...», стр. 63.

² Там же, стр. 64.

лось подойти с западной стороны крепости, в которой находились уже потерявшие надежду на спасение деморализованные остатки отрядов Милославского, и соединиться с ними. Таким образом кольцо осады было прорвано. Однако это вовсе не означало, что решимость повстанцев бороться за Симбирск до прихода свежих сил сломлена. Отряды разинцев, стоявшие у северной, восточной и южной крепостных стен, готовились к новым схваткам. Совместное наступление войск Барятинского и Милославского, предпринятое с наступлением сумерек, было успешно отбито. Повстанцы решили как можно дольше вести оборонительные бои. Большое значение они придавали при этом быстрейшему приходу отрядов, возглавляемых Максимом Осиповым.

Оставить без упорной борьбы Симбирск, когда всё кругом было охвачено огнём народных восстаний, было бы неправильным. Повстанцы предпринимают последнюю отчаянную попытку взять крепость, для того чтобы дольше выдержать осаду, так как продержаться несколько дней в ожидании помощи, базируясь на две крепости, было бы гораздо легче. Взятие крепости намечалось совершить ночью. Стремясь овладеть ею, повстанцы бросили на штурм свои главные силы. Встревоженный Барятинский решил под покровом ночной темноты в обход разинцам послать с северо-западной стороны от Свяги «полковника Андрея Чубарова с полком и велел чинить окрики от Свяги реки, чтобы... люди бы все к городу не собрались»¹. Опасаясь быть отрезанными от Волги и потерять струги и лодки, группа казаков, наиболее близкая к Разину, желая спасти раненого предводителя и вместе с тем не вызвать замешательства среди осаждавших крепость повстанцев, незаметно перенесла его на атаманское судно. В ночь на 4 октября 1670 г. потерявший сознание Степан Разин был отправлен вниз по Волге.

Утром царские войска начали решительное наступление на повстанцев. Оно было предпринято одновременно с двух сторон. На их стороне было явное превосходство сил. Однако повстанцы оборонялись с такой самоотверженностью и ожесточением, что первый натиск был успешно отбит. Лишь после того, как царские воеводы приказали поджечь в нескольких местах острог, за которым

¹ «Материалы...», стр. 64.

находились повстанцы и который являлся гораздо менее надёжной защитой, чем крепость, разинцы стали покидать свои позиции. Если бы не пожар острога, они смогли бы ещё в течение нескольких дней успешно обороняться. Этому не могли не признать даже царские воеводы. «А если бы де, государь, — писалось в одном из воеводских донесений, — не зажгли острогу долго б было около их... ходить»¹.

Преследуемые наступающим противником повстанцы отходили к Волге. Посадка на струги производилась в крайне неблагоприятных условиях. У причала образовалась сильная давка. Многие струги с людьми перевернулись. Значительное число повстанцев потонуло в холодной осенней Волге.

Воспользовавшись этим, осмелевшие царские палачи учинили кровавую расправу над оставшимися на берегу. Взятых пленных обычно не оставляли в живых, а подвергали всевозможным жестоким пыткам. На берегу Волги были спешно возведены в несколько рядов виселицы. Виселицы и столбы с крючьями были построены также на плотях. Были повешены сотни взятых в плен, преимущественно раненых повстанцев. Плоты с повешенными и подвешенными за рёбра на крючьях пускались вниз по Волге «для устрашения».

Так жестоко расправлялись царские палачи с восставшим народом.

Повстанческое войско, возглавляемое Степаном Разиным, потерпело неудачу в симбирском сражении, а тяжело раненый предводитель был увезён на Дон в то время, когда в крестьянских восстаниях в общей сложности участвовало примерно двести тысяч человек².

Основным центром крестьянского движения было Среднее Поволжье. Однако оно распространялось не совсем равномерно.

Ареной крайне ожесточённой классовой борьбы были районы, прилегающие к Симбирской засечной черте, и расположенный южнее её Тамбово-Пензенский район. Ещё когда повстанцы, возглавляемые Разиным, подходи-

¹ «Материалы...», стр. 65.

² А. И. Герцен, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 374. Герцен, приводя эту цифру, исходит, очевидно, из аналогичных данных, даваемых иностранцами-современниками.

ли к Симбирску, здесь в ряде мест вспыхнули небольшие восстания, создавались повстанческие отряды.

В селеньях, охваченных восстаниями, вооружённые крестьяне собирались на сходки. На них, помимо совместного обсуждения планов дальнейших действий, судили ненавистных приказчиков и не успевших бежать помещиков, сжигали казённые бумаги.

В ходе ожесточённой классовой борьбы стихийно организовывалось новое крестьянское самоуправление, избирались свои крестьянские старосты. Важные вопросы решались сообща, «всем миром». Сообща восставшие забирала у феодалов и справедливо делили скот, хлеб, инвентарь.

Поэтому, когда посланный в сентябре Степаном Разиным из-под Симбирска небольшой отряд повстанцев, возглавляемый Михаилом Харитоновым, появился в пределах Симбирской засечной черты, там уже разгорелось пламя народного восстания.

Таким образом, было бы ошибочным считать, что инициаторами восстания в этом районе, как и в большинстве других, были посланные Разиным агитаторы. Во многих случаях инициатива исходила от местного крестьянства. Можно перечислить целый ряд возникших подобным образом крестьянских отрядов. Так, в Кадомском уезде наводил ужас на местных помещиков отряд крестьянина Чирки из села Острогжского и некоего Мишки из села Жуковщины; в Шацком уезде — отряд Шилова из села Конобеева. В Тамбовском уезде напал на помещиков и их приказчиков отряд повстанцев, возглавляемый казаком Тимофеем Мещеряковым. С 29 октября этот отряд начал осаду Тамбова. После некоторого перерыва осада возобновилась и длилась с 11 ноября по 3 декабря. Значительная часть этого отряда состояла из представителей мелкого служилого люда, которые примкнули к восстанию под влиянием крестьянства.

Действия отряда Михаила Харитонova развернулись после захвата в начале сентября города Корсуня. Со взятием этого города в руки восставших перешла вся Симбирско-Корсунская черта. Из-под Корсуня небольшой отряд Харитонova двинулся на запад по направлению к Пензе. Численность этого отряда вскоре возросла до 5 тыс. человек. 17 сентября повстанцы подошли к Атемару. Воевода этого города, получив подкрепление, тща-

тельно готовился к обороне. Однако городские низы, сочувствовавшие восставшим, связались с посланными ими в Атемар представителями и, договорившись о совместном выступлении, открыли ночью 18 сентября ворота городской крепости. Город был взят. На следующий день повстанцы овладели Инзерским острогом.

На пути к Пензе находился лишь город Саранск, воевода которого решил обороняться. Однако после незначительного сопротивления город был взят. Продвигаясь далее по направлению к Пензе, повстанцы, возглавляемые Харитоновым, несколько рассосредотачивают свои силы для того, чтобы расширить район действий. Известно, например, что больших успехов достиг один из таких отпочковавшихся отрядов, который составил костяк действовавшего в районе Темниковского уезда многотысячного войска, возглавляемого освобождённым разинцами из саранской тюрьмы «сидельцем» Фёдором Сидоровым. Повстанцы успешно действовавшие в этом уезде, овладели его административным центром—городом Темниковым.

Вскоре после взятия Саранска примкнувшие в значительном количестве к отряду Харитонova мордовские крестьяне отделились и стали действовать самостоятельно в пределах национального мордовского района.

Тем временем основные силы повстанцев овладели Пензой. Значительную поддержку при взятии города оказали повстанцам городские низы. Воевода Пензы Лачинов был убит. Здесь к ним присоединился действовавший в этом районе отряд, возглавляемый Василием Харитоновым. Объединённые силы двинулись по направлению к Шацку, обрастая по пути примыкающими к ним повстанческими отрядами. Вскоре повстанцы заняли город Наровчат.

После взятия этого города путь к Шацку был почти свободен, тем более что Ломовский уезд, через который необходимо было пройти восставшим, ещё с начала сентября 1670 г. был охвачен пламенем восстания. Восстания происходили даже в самих городах— Нижнем и Верхнем Ломовых. Поэтому стоило лишь появиться повстанцам вместе с подошедшим в это время из Саратова конным отрядом в 600 человек под стенами Нижнего Ломова, как его жители с радостью открыли ворота города. Воевода был связан и выдан повстанцам. Наиболее ненавистные представители городской администрации

были казнены. Примерно та же картина повторилась при приближении повстанцев 2 октября к стенам Верхнего Ломова. Воевода города послал к ним людей, которые спросили, зачем повстанцы пришли. Последние ответили: «Мы прибыли к вам от батюшки Степана Тимофеевича для вашего оберегания; а если вы учинитесь батюшке нашему Степану Тимофеевичу и всему войску сильны, мы всех вас... побьем с вашим воеводою»¹. Повстанцы были впущены в город сочувственно к ним настроенными горожанами.

Не только в Ломовском, но и в Шацком уезде ещё до появления в Тамбовско-Пензенском районе отряда Харитонова «объявились воровские люди», которые причиняли немало хлопот местным властям.

Движение Михаила Харитонова в Шацко-Тамбовский район, очевидно, не случайно. Весьма достоверным было бы предположение, что двигаясь в юго-западном направлении, повстанцы, возглавляемые Михаилом Харитоновым, намеревались соединиться с действовавшими в верховьях Дона и стремящимися на север отрядами повстанцев, предводителем которых Разин назначил своего брата Фрола.

Этим можно было бы объяснить исключительное упорство, с которым повстанцы Харитонова держались в пределах Шацкого уезда. Близ Шацка в селе Конобеева у них был круг, на котором решено было идти на город. Для того, чтобы упрочить положение пришедших повстанческих отрядов, затруднить продвижение правительственных войск и расширить район восстания, Михаил Харитонов устанавливает тесный контакт с действовавшими в Шацком уезде местными атаманами, устраивает засеки на дорогах, по которым ожидалось продвижение правительственных войск. Для захвата отдельных оставшихся верными правительству пунктов посылаются специальные отряды повстанцев. Так, 17 октября Михаилом Харитоновым из села Конобеева был послан отряд в 100 человек для взятия Чернеева монастыря.

Оказывая упорное сопротивление подошедшим царским войскам, основные силы повстанцев организованно отошли из-под Конобеева в находящуюся близ Шацкого уезда деревню Зарубкино. Там Харитонов привёл в поря-

¹ Н. Костомаров, Указ. соч., стр. 167.

док повстанческие отряды, численность которых достигала 5 тыс. человек. В лесу были устроены большие засеки. На наиболее ответственных участках обороны установлены пушки. В близлежащих местностях расположились многочисленные пешие и конные дозоры, которые несли службу днём и ночью. Эти повстанческие отряды готовились к нанесению удара на Шацк и ожидали в Зарубкине прихода с Дона оправившегося от ранения Степана Разина.

Другой ареной ожесточённой классовой борьбы в Среднем Поволжье был Нижегородский район, точнее район, расположенный к северу от Алатырской сторожевой черты вплоть до Волги. Народное движение в этих местах изучено сравнительно лучше, чем в Тамбовско-Пензенском районе. Здесь, так же как вдоль Симбирской засечной черты и в Тамбовско-Пензенском районе, за долго до появления отряда Максима Осипова местные крестьяне активно боролись против своих угнетателей. Они овладели всеми подступами к Нижнему и готовились к его штурму. «Вот как Нижний возьмём,— говорили восставшие,— тогда вы, крестьяне, увидите царевича»¹. Помимо северной части Симбирского уезда, очаги восстаний образовались в Свияжском и Алатырском уездах. Так, южнее Арзамаса успешно действовал отряд Степана Белоуса. Арзамасская крестьянка Алёна, талантливая предводительница восставшего народа, возглавила отряд в семь тысяч человек, который овладел городом Темниковом. В конце сентября 1670 г. восстали крестьяне крупных приволжских торговых сёл Мурашкино и Лысково. Как доносил князь Долгорукий, посланный из Москвы на подавление восстания, «лысковцы... и мурашкинцы посадские и уездные люди забунтовали». В тесной связи с этим стоит восстание крестьян в сёлах Ворсме, Павлове, Богородицком и др. По донесению того же Долгорукого, «Нижегородскому уезду села Богородского и Ворсмы, и села Сосновского и Закудемского стану крестьяне соединились... с воровскими людьми и стоят в зборе за Кудмою в селе Афанасьеве».

Значительным центром крестьянского движения было также село Горбатово на Оке, вотчина Суздальского Спас-Ефимьева монастыря. Тут был создан пятитысячный

¹ Цит. по указ. соч. Н. Костомарова, стр. 164.

крестьянский отряд. Его предводителем являлся староста села Борис Артемьев с тремя помощниками. Так же как лысковцы и мурашкинцы, он переписывался с действовавшими в Нижегородском районе разинскими атаманами. По поручению одного разинского атамана Ивана Григорьева, по прозвищу Нечайко, отряд этот укреплял заставы на Оке.

Отряд Максима Осипова начал поход из-под Симбирска в том же направлении, что и отряд Михаила Харитонova. Однако после Корсуня отряд двинулся на север к Нижнему Новгороду. По пути к Осипову примкнуло многочисленное ополчение казаков, стрельцов и пушкарей Симбирско-Корсунской черты и крестьян окрестных сёл и деревень под предводительством симбирского казака Ивана Васильева. Повстанцы спешили к Алатырю, который был осаждён местным населением. Взяв по пути Промзино-Городище, Барыцкую слободу и ряд других населённых пунктов, повстанцы подошли к осаждённому городу.

«В 16 день,— доносил царю князь Долгорукий,— пришли ввечеру к Олаторю воровские казаки а с ними многие Сибирские черты русские люди и мордва и черемиса... и крестьяня, и учили к острогу приступать и острожную башню зажгли и в острог вошли... и воевода... Бутурлин острог покиня побежал в рубленый город...»¹. 4 октября город вместе с бежавшим туда воеводой и его приспешниками был сожжён.

Максим Осипов двигался в северном направлении и взял Алатырь в соответствии с поручением Степана Разина преградить наступление правительственных войск на северо-запад.

Однако со взятием Алатыря продвижение повстанцев под предводительством Осипова не прекратилось. Часть разросшегося до 15 тыс. повстанческого войска он оставил в районе этого города для преграждения наступления правительственных войск. Кроме того, один из помощников Осипова, Никитинский, призвал жителей Саранска идти к Алатырю на соединение с местным населением для организации отпора правительственным войскам Баятинского.

Между тем основное ядро повстанцев, возглавляемое

¹ «Материалы...», стр. 94.

Осиповым, продвинулось далее на север к городу Курмышу и торговым сёлам Лысково и Мурашкино, восставшие жители которых просили о помощи. Двигаясь на Курмыш, а затем на Мурашкино, Осипов счёл необходимым послать часть отряда в Темниковско-Арзамасский район, где действовал крестьянский отряд Белоуса. Особенно большие силы восставших скопились в селе Кременках. Как доносил в этой связи Долгорукий в отписке от 10 октября 1670 г., «пришли воровские люди от Темникова в Кадомский уезд в вотчину Ивана Залистина сына Леонтьева в село Кременки от Арзамаса до 30 верст и собирают изо многих уездов для воровства русских людей и мордву, и собравши, хотят приходить на Арзамас»¹. На Арзамас намеревались двинуться также восставшие крестьяне села Панова. Готовясь к походу, они привели в порядок 2 захваченных пушки и большое количество «мелкого ружья». На помощь выступившим к Арзамасу повстанцам села Панова пришёл казацкий отряд с пушками, которые были необходимы для осады города.

На Арзамас направлялся также другой отряд повстанцев из морозовской вотчины села Вад. Дорога в Нижний Новгород от Арзамаса была отрезана. Как указывал Долгорукий в одном из своих донесений, «от Арзамаса в тридцати верстах дорога к Нижнему засечена и стоят на засечах Терюшевские волости крестьяне и мордва».

По направлению к Арзамасу двигались также восставшие крестьяне сёл Мурашкино и Лысково. Они же принимали активное участие в установлении засек у речных переправ. Эти «крестьяне дороги к Нижнему и к Курмышу застали и учинили засеки большие, и никаких людей к нам... в полки не пропускают», — в тревоге сообщал в донесении от 23 октября 1670 г. сидевший в Арзамасе Долгорукий.

Повстанцы придавали большое значение взятию Арзамаса, и это не случайно. Арзамас был превращён в центр борьбы с народным движением. Там обосновался и оттуда посылал приказы и войска главный палач восставшего народа князь Долгорукий. Взятие Арзамаса

¹ Цит. по кн. М. И. Зевакина. «К вопросу об участии мордовского народа в крестьянской войне под руководством Разина», стр. 211.

открывало бы повстанцам дорогу для похода в центральные районы, к Москве.

Между тем основные силы Осипова вошли в Курмыш, который, как и Алатырь, был взят с помощью восставшего местного населения, в том числе стрельцов, казаков и монастырских крестьян. Курмышский воевода Иван Рожнов был убит. К этому времени ранее малочисленный отряд Осипова вырос до пятнадцатитысячной армии повстанцев, состоявшей в основном из крестьян.

После падения Курмыша небольшая часть повстанческой армии двинулась на Ядрин, Василь и Козьмодемьянск, где местное население также поднялось на борьбу с угнетателями. Первым из этих трёх городов в руки повстанцев перешёл Ядрин, затем Василь, откуда с позором бежал васильский воевода. При приближении повстанцев к Козьмодемьянску жители его восстали и впустили разинцев в город. После взятия Козьмодемьянска количество повстанцев достигло пятнадцати тысяч. Возглавляли этих повстанцев Иван Васильев, Серко Черкошенин, М. Ф. Мумарин, мариец из Козьмодемьянска, и казак Илья Иванов.

Вместо убитого козьмодемьянского воеводы Побединского и подьячего Богданова было создано новое народное управление. Оно состояло из выборных лиц от посада и из ответственных лиц, которых назначали уполномоченные Степана Разина. Сидевшие в тюрьмах заключённые («тюремные сидельцы») были освобождены и отправлены для ведения агитации среди крестьян Левобережья Волги.

Так же успешно действовали основные силы повстанцев, возглавляемые Осиповым, спешившие на помощь восставшим сёлам Лысково и Мурашкино, жители которых в это время успешно осаждали Макарьевский Желтоводский монастырь. Монастырь этот был крупным торговым центром на Волге и опасным конкурентом торговых сёл Мурашкино и Лысково и целого ряда тяготеющих к ним деревень в доходах, получаемых с находящейся близ него всероссийской ярмарки, где богатые крестьяне этих сёл и близлежащих деревень торговали различными продуктами и изделиями своего производства.

Следует указать, что из осаждавших монастырь пятнадцати тысяч повстанцев подавляющее число приходи-

лось на крестьян; казаков же, принимавших участие в осаде, было не более 100 человек.

Осада монастыря была хорошо подготовлена и проведена успешно. Она началась 1 октября обстрелом из пушек. Предварительно, чтобы избежать напрасного кровопролития, повстанцы трижды посылали к осаждённым парламентёров с предложением капитулировать. Однако всякий раз они получали отказ, так как осаждённые, помимо крепких стен, возлагали большие надежды на скорую помощь, которую они надеялись получить от воеводы Нижнего Новгорода Василия Голохвостова. С наступлением темноты 8 октября повстанцы, приближавшиеся к монастырю, его «осадою осадили от восточные страны из-за кузничных изб от южные страны из гостина двора из рядов, от западные страны с огорода из огородных келей, от всех же стран пушки нарядиша и на святую обитель стреляти начаша»¹.

При штурме повстанцы проявляли чудеса храбрости. В одном сказании о взятии Желтоводского монастыря повстанцами очевидец этих событий не мог не признать исключительную храбрость, проявленную повстанцами при штурме монастыря. «Паче же яко медведь уязвленный лаче свирепеет жесточае, или яко осы раздраженные люте нападают, тако акаяннии изменницы горким свирепством ко стенам приступаху непрестанно...»². Однако монастырь был взят несколько позднее, 17 октября, так как принимавший участие в его осаде Осипов с большим отрядом повстанцев по распоряжению Степана Разина ушёл из-под его стен на помощь главной армии повстанцев к Симбирску. Дальнейшей осадой монастыря руководили Михаил Чертоусенок и Иван Долгий.

Заняв монастырь, повстанцы конфисковали казну и имущество верхушки духовенства. Отобраны были также монастырские ульи, скот и рыбные ловли. В захваченном монастыре находилась большая часть зажиточной верхушки из сёл Лысково и Мурашкино. Они были враждебно настроены к восставшим и спрятались в монастырь, забрав с собой всё имущество. Оно так же было справедливо распределено между восставшими.

¹ «Материалы...», стр. 264—265.

² Там же, стр. 265.

Восстаниями было охвачено и Левобережье Волги. Здесь ещё до прихода разинских представителей волновались крестьяне ряда крупных вотчин Галичского уезда (вотчин Якова и Василия Одоевских, Михаила Черкасского). Волнение наблюдалось также среди посадского люда города Унжи. Северной усиливается классовая борьба среди удмуртов, учащаются нападения на монастыри, центры колонизации и угнетения. Совместно с русскими крестьянами удмурты ещё в 1666—1667 гг. овладели Котлозерским монастырём на реке Емце.

Очевидно, поступавшие сведения о растущей классовой борьбе на Левобережье Волги были главной причиной отправки в этот район небольшого отряда разинцев в количестве 30 человек. Его возглавили Пономарёв и Мумарин, которые, как указывалось выше, были в числе предводителей повстанческого войска, действовавшего в районе Курмыш-Козьмодемьянск. В составе отряда находились также 15 человек «мелких начальных людей»¹.

Поднявшись вверх по Волге, отряд Пономарёва и Мумарина в последних числах октября 1670 г. достиг села Николаевского (владение Хитрово) и помог восставшим крестьянам установить свою власть. Это село стало центром восставшего края. Оттуда посылались во все окрестные и в целый ряд отдалённых сёл «прелестные грамотки» с призывом подняться «всем миром» на угнетателей.

Из восставшего крестьянства крупнейших сёл Воскресенска, Баков, Дмитровска и других был сформирован отряд приблизительно в 400 человек. Отряд делился на сотни и на десятки. У каждой сотни было своё знамя. Во главе всего отряда стал Мумарин.

После того как восставшие расправились с помещиками и их приказчиками в сёлах и деревнях по Ветлуге и её притоку Лапшенге, они двинулись из села Никольского на Унжу. По пути отряд повстанцев увеличился почти вдвое. Из одного лишь села Никольского, расположенного на реке Лапшенге, пришло в отряд 50 человек. В нём насчитывалось уже 400 человек конных и более трёхсот пеших. Повстанцы шли к Унже в двух направлениях.

¹ Документы, опубликованные А. А. Голубевым в сборнике «К истории бунта Стеньки Разина в Заволжье», М., 1894, стр. 3.

Одна часть двигалась к городку со стороны реки Лапшенги, другая — от Макарьевского Унженского монастыря. Третьего декабря Унжа была взята. Расправившись с ненавистными представителями городской власти, повстанцы выпустили из тюрьмы «тюремных сидельцев», которые тут же присоединились к восставшим. Обнаруженная у городского головы государственная казна была конфискована. В городке был захвачен сотник Поливкин с пятью стрельцами, которые прибыли в Унжу для того, чтобы собирать подводы для идущих против повстанцев царских войск.

Многочисленные правительственные войска должны были в скором времени подойти к Унже. Поэтому в ночь на 4 декабря повстанческий отряд поторопился уйти с Унжи на север для «подзору и для разведыванья ратных людей и ружья».

Однако в верховьях реки Шанги повстанческий отряд был настигнут превосходящими силами врага и, несмотря на смелую контратаку восставших, изрядно потрепан. Сократившийся в своей численности отряд двинулся затем через Кологрив далее на север, где также была готова почва для массового восстания. Помимо готовых выступить с минуты на минуту удмуртов и коми, в этом районе скопилось большое число «гулящих, самых скудных и голых людишек», которые в поисках работы ходили мимо Соли Камской в Сибирь и обратно. Продвигающийся от Кологрива отряд повстанцев делится на три части. Одна часть отряда взяла курс на Соль Камскую, другая — на Вятку, третья же направилась на Тотьму. Повстанцы, находившиеся в этих группах, стремились, уйдя подальше от района действия правительственных войск, собрать в Соликамском, Вятском, Усольском и Устюжском уездах «охочих людей» для весеннего похода против угнетателей. Общий сбор новых ратных сил был назначен «на великий мясоед» в Вятке и в Соли Камской. О том, что такое намерение действительно существовало, говорит следующий факт. В мае 1671 г. в Вятском уезде было захвачено 63 повстанца, которые двигались к Соли Камской.

В дальнейшие планы пойманных повстанцев входило намерение, соединившись в Соли Камской с другими повстанцами, двинуться на Каму и на Волгу, чтобы вновь поднять там восстание.

Большой интерес представляет также движение русского и украинского населения в 1670 г., имевшее место на Слободской Украине.

На Слободской Украине восстаниями были охвачены города: Острогожск, Чугуев, Змеев, Царёв-Борисов, Колонтаев, Опoшня, Маяцкий острог и др.

Наиболее крупное волнение произошло в Острогожске. Из документов того времени мы узнаём, что осенью 1670 г. к Острогожску подошёл небольшой отряд разинцев¹. По распоряжению полковника Дзинковского он был впущен в город.

Связи Дзинковского с разинцами были установлены ещё до прихода их в Острогожск. Весной 1670 г., незадолго до похода повстанческих отрядов Разина на Волгу, он посылал под Коротояк продовольственные припасы, снаряжение и др.

Небольшой отряд разинцев, вошедший в Острогожск, был, по всей видимости, авангардом войска разинцев, который под предводительством Фёдора Шадры двигался с Дона в район Слободской Украины². В Острогожске с приходом разинцев началось волнение. Воевода Мезенцев был схвачен, а наиболее ненавистные острогожцам представители верхов убиты. Был созван круг, на котором решили воеводу казнить, а имущество его конфисковать. На созванном вскоре более многочисленном круге по распоряжению Дзинковского была зачитана грамота на имя сотника Якуба. В ней говорилось, что Степан Разин прислал острогожцам казаков, чтобы совместно «мирских кровопивцев вывадить». В грамоте содержался также призыв ко всем «кабальным и опальным» объединиться с разинцами. На него откликнулись более 50 человек острогожцев, преимущественно «гулящие люди». Инициатива острогожцев была горячо поддержана Дзинковским. Он дал добровольцам литавры, знамя и послал вместе с ними 400 украинцев во главе с 2 сотниками занимать город Ольшанск. В Острогожске остались лишь немногочисленные караулы восставших.

Действия восставших вызвали сильную тревогу воевод Коротояка и Воронежа—Ознобишина и Бухвостова, ко-

¹ Данные о численности отряда расходятся. В одних документах говорится, что в отряде было 25—30 человек, в других—100.

² К. Стецюк, Влияние повстанья Степана Разина на Украину, стр. 59—60.

торые особенно беспокоились по поводу того, что «грацкие де люди с теми воровскими казаками не бьются, а воевод выдают»¹. В надежде получить в скором времени помощь из Москвы воеводы посылают туда по несколько отписок в день, в которых указывают на грозящую им опасность.

Тревога коротоякского воеводы ещё более возросла, когда после взятия Ольшанска острогожцы вернулись в свой родной город и на кругу решили идти на Коротояк. Однако на следующий день в городе произошёл переворот. Дзинковский с женой были арестованы и позже казнены, а их дети сосланы в Сибирь.

Для расправы с арестованными острогожцами по просьбе совершивших переворот прибыл коротоякский воевода. В помощь ему воронежский воевода послал к Острогожску отряд из 400 человек, возглавляемый ротмистром Рикальским.

Не зная ещё, что восстание в Острогожске подавлено, царь Алексей Михайлович 15 и 17 сентября послал белгородскому воеводе Ромодановскому грамоты, в которых приказывал выступать как можно скорее к городу Острогожску и Воронежу и учинить жестокую расправу над восставшими. Ненавистью к восставшим преисполнены слова одной из этих грамот, в которой приказывалось захваченных в плен «пытать накрепко и огнём жечь, а которые в том воровстве по сыску объявятся душие заводчики и тех всех... велети казнити смертью»². В Острогожске после получения воеводами грамот началась жестокая расправа.

Однако никакие зверства царских палачей не могли остановить дальнейшее распространение восстания на территории Слободской Украины. Значительные силы разинцев продвигались в это время с Дона к Коротояку. Об этом в отписке от 26 сентября 1670 г. сообщал царю воевода Ознобишин. Отряд приближающихся разинцев насчитывал в своих рядах, по словам Ознобишина, до трёх тысяч человек. 27 сентября Коротояк был осаждён ими. Однако, несмотря на то, что жители сочувственно относились к разинцам, силы обороняющихся были зна-

¹ К. Стецюк, Вплив повстання Степана Разіна на Україну, стр. 61.

² Цит. по кн. К. Стецюк «Вплив повстання Степана Разіна на Україну», стр. 63.

чительны. Кроме гарнизона в Коротояке находились рейтары полковника Полтева и казаки сумского полковника Кондратьева. Во время штурма коротоаякских укреплений на помощь воеводе пришёл отряд, возглавляемый острогожским воеводой Ромодановским. В результате последовавшего вскоре сражения повстанцы были разбиты.

Иная картина наблюдалась при взятии повстанцами других городов Слободской Украины: Маяцкого острога и Царёва-Борисова. При активной поддержке жителей в этих городках была свергнута старая власть, «начальные люди» казнены, а их имущество конфисковано. Так, в Царёве-Борисове прибывшие сюда разинцы совместно с городскими жителями расправились с воеводой Масловым, сбросив его со стены. В Маяцком остроге после ликвидации старого управления было выбрано новое во главе с Субочевым.

Закрепившись в этих двух городках, разинцы двинулись на Балаклею, Змеёв и Чугуев. В этом походе активную роль играли примкнувшие к пришедшим с Дона преимущественно «голутвенным» казакам «работные люди» с царских солеварен на Терских озёрах. Они были наиболее эксплуатируемой группой населения на территории Слободской Украины и поэтому принимали активное участие в восстании.

Для борьбы с разгоравшимся восстанием в этот район Слободской Украины были двинуты крупные силы. В числе их находился рейтарский отряд, казаки, возглавляемые сумским полковником Кондратьевым, отряд, набранный преимущественно из «домовитых» донских казаков, под командой атамана Валкова и группа запорожцев, предводительствуемая генеральным есаулом Гринтивкой. Задача этих отрядов заключалась в том, чтобы объединиться с «ратными людьми» харьковского полковника Донца, чугуевского приказного Милкова, а также с «иными» воеводами и приказными «тамошних» городков, обрушиться на восставших и разгромить их.

Опорным пунктом намечавшейся борьбы стал город Чугуев, куда стекались перечисленные отряды. Однако в связи с волнением в Харькове прибывший сюда первым отряд Донца вынужден был оставить город и поспешить к месту восстания. Этим воспользовались жители Чугуева, которые также восстали. К этому времени волне-

ние охватило города Царёв-Борисов, Маяцкий острог, Змеёв, Балаклею, Мерефу, Колонтаев и др. В них, как сообщал белгородский воевода в отписке царю, «...всяких чинов жители своровали тебе, великому государю, изменили и приказных людей из тех городов выслали, а чюгуевского приказного Семена Милкова выдали воровским же казакам»¹.

На борьбу с восставшим Чугуевым и другими городами Слободской Украины бросаются новые силы: «копейщики и рейтары» — во главе со стольником Косаговым, казаки, возглавляемые братом гетмана Многогрешного, и, наконец, «ратные люди» во главе с самим белгородским воеводой. Число последних превышало пять тысяч.

Численность посланного на подавление восстания войска говорит за то, что классовая борьба на территории Слободской Украины приобрела широкий размах. С каждым днём она разгоралась всё сильнее. Так, за день до выступления войска Ромодановского вспыхнуло восстание в Богодухове. Сюда приехали четверо агитаторов-разинцев с призывом поднять знамя восстания. Представители местной городской знати арестовали их. Узнав об этом, жители Богодухова освободили арестованных и захватили власть в городе.

Большую роль в развёртывании восстания на территории Слободской Украины играл отряд донских «голутвенных» казаков и беглых крестьян во главе с Алексеем Хромым. Закрепившись в городе Змеёве, они стали готовиться к походу на Харьков и другие близлежащие города. Однако поход этот не был единственной целью. Главная задача заключалась, очевидно, в том, чтобы установить и закрепить связь между Доном и восставшими крестьянами Тамбовско-Пензенского и других районов. Перед походом с помощью агитаторов, имевших при себе «преlestные грамотки», среди населения указанных городов велась большая работа по подготовке к восстанию. Жители городов обычно активно откликались на призывы уничтожать бояр и приказных. Особенно дружно поднялись на борьбу жители Харькова. Это вынудило карателей, кроме ранее посланного, отправить к Харькову дополнительно ещё один многочисленный отряд.

¹ Цит. по кн. К. Стецюк «Вплив повстання Степана Разіна на Україну», стр. 67—68.

Всю осень 1670 г. на территории Слободской Украины бушевало пламя восстания. Лишь после решительного боя с многочисленными и хорошо обученными отрядами карателей в первых числах ноября 1670 г. главные силы повстанцев потерпели поражение, и восстание пошло на убыль.

Каратели приступили к расправе над восставшими. Многие сотни повстанцев и членов их семей были казнены. Особенно жестокая расправа постигла руководителей восстания и членов их семей (Б. Маслова, М. Говоруху, З. Воротова и многих других).

Восстание на территории Слободской Украины было сравнительно непродолжительным. Причину этого явления следует искать в том, что на территории Слободской Украины находилось очень мало крестьян — главного костяка антифеодального восстания. Кроме того, здесь существовала сравнительно многочисленная прослойка зажиточных казаков.

Вместе с тем необходимо отметить активное участие в этом восстании «работных людей» с Терских соляных озёр и батраков местных зажиточных казаков. Однако их было слишком мало для того, чтобы после разгрома основных повстанческих сил долгое время продолжать борьбу.

Антифеодальное движение в эти годы распространялось не только на перечисленные районы, но (правда в меньшей степени) почти на все заселённые земли Российского государства.

Неспокойно было даже в самой столице. Там неоднократно обнаруживали «прелестные письма» Степана Разина. Трудовой люд Москвы относился с большим сочувствием к действиям повстанцев и готовился подняться на открытую вооружённую борьбу. Степан Разин, очевидно, хорошо был информирован о благоприятном для восставших положении в Москве и прилежащих районах, так как в противном случае он бы колебался, идти ли ему сразу на Москву или нет.

Один иностранец, бывший в Москве в это время, указывал в этой связи: «Чтобы привлечь жителей на свою сторону, Разин обещал им свободу от тяжёлого ига бояр, которых он называл притеснителями населения. Ему удалось этим достигнуть того, что даже в Москве нашлись лица, которые с похвалою о нём говорили, как о челове-

ке, стремящемся к их свободе и благополучию. Дело дошло даже до того, что некий старик на вопрос, что следует делать, если Стенька подойдет к Москве, неосторожно ответил: его следует встретить с хлебом и солью». Тот же иностранец указывал, что вскоре после расправы со стариком был казнён ещё один человек, который «возбуждал» народ не повиноваться боярам. Его поймали, отрубили ноги, руки, а затем повесили.

Осенью 1668 г. в Москве начались большие пожары, участились случаи убийства и ограбления представителей городских верхов. Опасаясь подъёма народного движения, правительство организовало в Москве ночные караулы. Хождение по улицам позже 10 часов вечера запрещалось.

Нидерландский посланник в Российском государстве Н. Гейн в письме от 28 июля 1670 г. сообщал также о массовых казнях тех лиц «низкого звания», которые намеревались пробраться в район действия повстанческих отрядов под предводительством Степана Разина и стать под их знамёна. Под Москвой активно действовали партизанские отряды разинцев. Существует несколько указаний иностранцев, бывших в 1667—1671 гг. в Москве, что всего в 12 милях от столицы сторонники Разина подняли восстание¹.

В тревожные дни 1670 г., когда восставшие захватили власть примерно на половине центральных земель России, царь Алексей Михайлович, считая дальнейшее нахождение в Москве для себя небезопасным, перебрался в село Коломенское под защиту надёжных стрелецких полков.

Тревожным было положение и во всём Замосковном крае. Вся восточная и юго-восточная часть его была охвачена огнём восстания. Ближе всего от Москвы находились занятые восставшими местности со стороны «рязанских городов», близ которых в ряде сёл и деревень была установлена власть повстанцев.

Многие жители города Скопина участвовали в народном движении под предводительством Разина в начальный его период. Воевода города Касимова Караулов, опасаясь быть убитым действовавшими в окрестности

¹ См., например, «Посольство Кунраде фон Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу», СПб, 1900, стр. 453—454.

города повстанцами, бежал в Муромский уезд. Этот факт является яркой иллюстрацией настроения феодалов юго-восточной части Замосковского края.

В Оскольском, Яблонском, Землянском, Боронезском уездах восставшими крестьянами были созданы повстанческие отряды, истреблявшие помещиков и их приказчиков. В большинстве уездов, прилегавших к районам восстания, где была объявлена мобилизация, население отказывалось сражаться с повстанцами.

Неспокойно было и на севере Замосковского края. В Костроме у жителей нашли большое количество «прелестных грамот». Следует учитывать при этом, что Кострома находилась по соседству с Галичским уездом, крестьяне которого могли восстать со дня на день. В Муроме и Шуе происходили частые поджоги домов и хозяйственных построек представителей городских верхов.

Крайним северным пунктом распространения восстания был Соловецкий монастырь.¹

Таким образом, было охвачено огнём народной войны или находилось накануне восстания большинство уездов России.

Без сомнения, крестьянское движение 1667—1671 гг. в Российском государстве, охватившее значительную часть его территории, было самым крупным из всех предшествующих антифеодальных выступлений трудящихся масс. Широкое участие крепостных крестьян в восстании придавало ему особо отчетливую классовую направленность. Поражение повстанческой армии под Симбирском не повело к гибели восстания, наоборот, оно вспыхнуло с новой силой.

Характерной особенностью крестьянской войны под предводительством Степана Разина в отличие от восстания 1606—1607 гг., возглавляемого Болотниковым, является более активное участие в нём угнетённых нерусских народностей.

Даже исходя из официальных донесений царских воевод, можно составить вполне ясное представление о том, насколько действенное участие принимали нерусские народности в народной войне. Так, под Козьмодемьянском активно действовал трёхтысячный марийский от-

¹ См. стр. 160—162 настоящей работы.

ряд и трёхтысячный отряд татар. В Арзамасском районе один из наиболее крупных отрядов, состоявший из представителей угнетённых нерусских народностей, насчитывал в своих рядах 15 тыс., преимущественно мордвы. Под Симбирском против правительственных войск сражались 6 тыс. мордвы, марийцев, чувашей и тысячный отряд татар из района Царёва-Борисова.

подавляющее большинство представителей нерусских народностей Поволжья были крестьяне. Они испытывали двойной гнёт — классовый и национальный и поэтому активно участвовали в крестьянской войне 1667—1671 гг. Борьба, которая велась мордовским, марийским, чувашским и татарским крестьянством, по своим формам была аналогична классовой борьбе русского крестьянства. Вместе с русским крестьянством они громили помещиков, вотчинников и их приказчиков, участвовали в кровопролитных сражениях с царскими войсками, проявляя при этом большую стойкость и отвагу. Вместе с русским крестьянством они оказывали значительную материальную помощь повстанческой армии: снабжали её продуктами, деньгами, оружием, при осаде городов подвозили нужные материалы и т. д.

Большую роль играли повстанческие отряды нерусских народностей Поволжья и в осуществлении одной из главнейших задач: воспрепятствовать продвижению царских воевод к главным очагам восстания и облегчить тем самым его распространение вширь. Так, войско Ю. Барятинского не смогло подойти к Симбирску в намеченное время из-за сопротивления многочисленных отрядов мордвы, марийцев, чувашей, татар и других, которые стремились воспрепятствовать его продвижению. На оставшие сёла и деревни Корсунского района, где находились «многие воровские люди казаки и крестьяне татарова, и чуваша, и мордва тысяч с шесть»¹, Барятинский вынужден был отвлечь большую часть своих сил, вместо того чтобы преследовать потерпевших неудачу под Симбирском разинцев.

Повстанческие отряды нерусских народностей Поволжья принимали также активное участие в устройстве всевозможных засек и других заграждений, которые препятствовали быстрому продвижению правительствен-

¹ «Материалы...», стр. 67.

ных войск к главным очагам восстания. Например, на реке Ериксе, притоке Большой Кокшаги, было устроено множество засек, причём они возводились чувашами и марийцами. Мордовские крестьяне совместно с русскими создали вокруг Саранска мощные опорные пункты и заградительные линии, чтобы воспрепятствовать продвижению из Москвы по саранской дороге, ведущей к центру восстания, правительственных войск. Преграждена была ими также и дорога между Алатырем и Арзамасом.

Активное участие восставшее мордовское, марийское, чувашское, татарское крестьянство и некоторые народности Севера принимали также в партизанском движении, постоянно нападая на правительственные войска.

Наибольшую активность в крестьянской войне 1667—1671 гг. проявили мордовские, чувашские и марийские крестьяне. Первые и вторые действовали в районе Симбирской и Кюрсунской засечных линий. «А Синбирские де и Кюрсунские черты... мордва и чуваша великому государю изменили и приложились... к Стеньке Разину»¹. Марийцы — на обширной территории к югу от Козьмодемьянска.

Особенно активно участвовало в восстании мордовское крестьянство. По далеко неполным данным численность повстанцев, действовавших на территории, входящей ныне в Мордовскую АССР, превышало 40 тыс. человек². Мордовский народ в ходе героической борьбы со своими угнетателями выдвинул многие тысячи мужественных повстанцев и целый ряд талантливых руководителей, из которых особенно выделялся мордвин Мурзакайка из деревни Костяшево. Около двух месяцев быстро растущий, несмотря на ряд неудач в сражениях с превосходящими силами противника³, отряд Мурзакайки совместно с русскими крестьянами удерживал восточные земли Мордовии, дав тем самым возможность более успешно развиваться народному движению на её терри-

¹ Приложение 6 к кн. А. И. Соловьёва «Степан Разин и его сообщники в пределах нынешней Симбирской губернии».

² См. И. Воронин, Сподвижник Степана Разина, «Записки», №11 НИИ при Совете Министров Мордовской АССР, стр. 155.

³ Бой под Уренью 5 ноября и под г. Ардатовом в районе сёл Тургенево и Баево.

тории. Повстанцы в каждом новом сражении с правительственными войсками проявляли всё большее мужество, умение организовывать бой, переходить от обороны к наступлению и т. д. Лишь в двадцатых числах декабря сильно поредевший отряд Мурзакайки попал в окружение и был полностью уничтожен, а сам предводитель захвачен царскими войсками.

Действия мордовских повстанческих отрядов проходили в обстановке классовой борьбы, охватившей подавляющее большинство мордовских поселений. Раньше других восстали крестьяне села Жукова и окружающих деревень. Волна восстаний ширилась. Одно за другим вспыхнули восстания в таких крупных мордовских селениях как Селищи, Маресево, Низовка, Сырятино, Шугурово, Веденяпино, Баево, Адашево и др. Мордовское крестьянство принимало активное участие в действиях отрядов Харитонов, Осипова и других атаманов Степана Разина. Многие тысячи представителей мордовского народа сражались в кровопролитных боях под Симбирском, действовали в окрестностях Арзамаса.

Восставшее крестьянство менее многочисленных, чем мордовская и татарская народностей также исчислялось десятками тысяч. Из его среды вышли талантливые вожаки повстанческих отрядов и такие народные герои, как Алчип Атимов, чуваш, крестьянин деревни Кувашево Цивильского уезда; Семенейко Чеметеев, чуваш из Ядринского уезда; мариец Мирон Мумарин, житель Козьмодемьянска; Байдулка Искеев, мариец, предводитель марийских крестьян. Последний участвовал во многих сражениях с правительственными войсками, в частности против карателей, возглавляемых Ю. Барятинским, под Симбирском и против Д. Барятинского под Цивильском.

Особенно ожесточённо бились с врагами марийцы и чуваша Ядринского, Цивильского, Курмышского и Чебоксарского уездов. Ещё с первых дней осады отрядами Степана Разина Симбирской крепости марийские и чувашские крестьяне посылали им людское пополнение, снабжали продовольствием, снаряжением и необходимыми для ведения осады материалами. Они препятствовали продвижению царских воевод с севера к Симбирску и к Симбирской засечной линии. С начала действий в заселённых чувашским и марийским крестьянством землях отряда Осипова и особенно после посылки к Козьмодемьянску

отделившеися от отряда группы повстанцев, возглавляемой Васильевым, восстания чувашских и марийских крестьян участились.

Марийцы, чуваша и татары вместе с мордвой участвовали в осаде важных вражеских центров — городов Алатырь и Козьмодемьянск. Из марийских и чувашских поселений, крестьянство которых наиболее активно участвовало в борьбе за своё освобождение, можно назвать поселения по речке Ерыксе в Козьмодемьянском уезде, по обе стороны которой марийское и чувашское население делало засеки и держало крупные охранные отряды. Здесь 24 октября произошло ожесточённое сражение русских, марийских и чувашских восставших крестьян с отрядами карателей, возглавляемыми Бараковым. На помощь крестьянским отрядам спешил высланный из Козьмодемьянска отряд во главе со Шмониным. Это был преимущественно марийский отряд, так как марийцы составляли $\frac{4}{5}$ его численности. Разбив охранные отряды русских, марийских и чувашских крестьян, Бараков встретился 26 октября с отрядом Шмонина и, несмотря на героическое сопротивление повстанцев, разгромил его.

Пламенем восстания особенно сильно были объаты чувашские и марийские поселения, которые входили в вотчины Суздальского и Юрьевского архиепископа, а также Сарского, Крутицкого и Подонского митрополитов¹. Из отдельных чувашских и марийских поселений указанных уездов, жители которых особенно проявили себя в крестьянской войне 1667—1671 гг., можно назвать сёла Троицкое, Большая Юнга, Сундырь, деревни Кувашево, Большие Туваны и др. С приближением правительственных

¹ Так, в октябре 1670 г. крестьяне вотчины митрополита, села Сундыря, и прилегающих к нему деревень подняли восстание. К ним примкнуло большое число «русских и чувашу и черемису Кокшайского уезда, разных волостей и деревень» (цит. по ст. М. Каликаева «Участие народа мари в крестьянской войне под руководством Степана Разина в 1670—1671 гг.», «Труды Марийского НИИ соц. культуры. Вопросы истории, языка, литературы и фольклора мари», вып. II, Марийск. Гос. изд-во, 1940, стр. 17). Во главе восстания стали Семёнов и Данилов. Эти повстанцы отправились в Цивильск и, получив там значительную помощь, вернулись в село Сундырь, далее в город Кокшайск и осадили его. О дальнейшей судьбе этого повстанческого отряда ничего неизвестно.

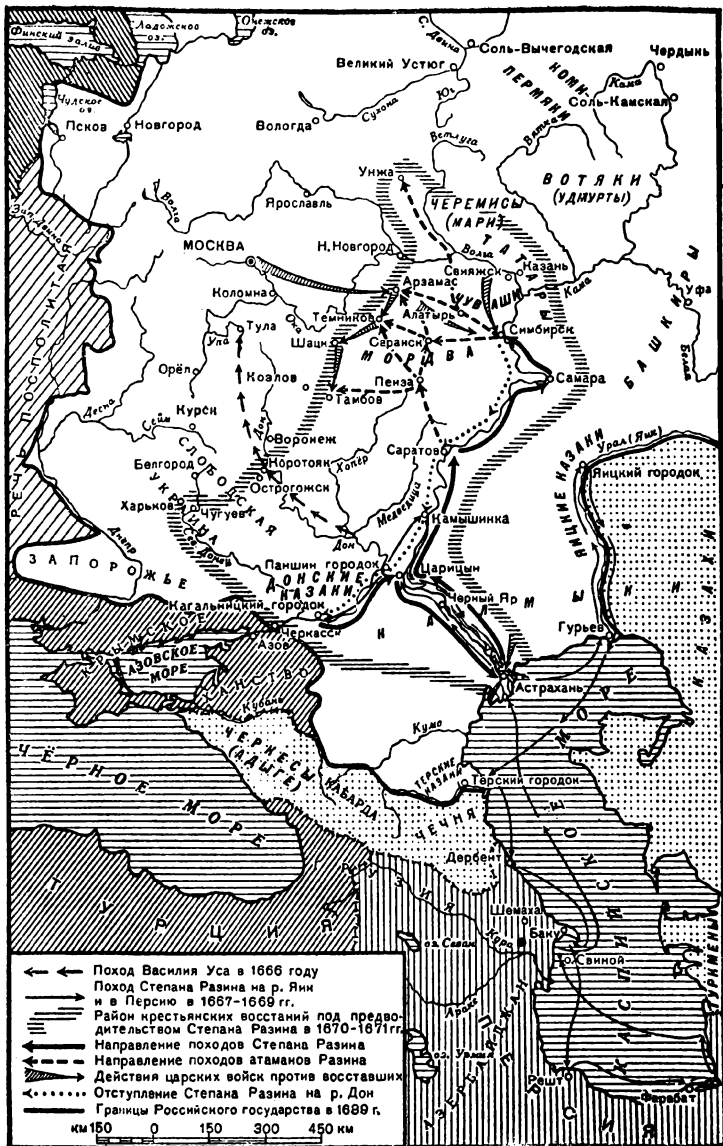
войск все жители марийских и чувашских поселений скрывались в лесах, создавая там вооружённые отряды, и продолжали борьбу. Путь царских воевод по чувашским и марийским землям проходил через заброшенные деревни. Так, один из отрядов карателей, возглавляемый Кравковым, войдя в конце декабря 1670 г. в село Богатыри, ни людей, ни лошадей, «ни животов и хлеба» не нашёл. Восставшие крестьяне, узнав о приближении правительственного отряда, ушли в леса.

Восстание чувашей и марийцев Ядринского, Цивильского, Курмышского и Чебоксарского уездов перекинулось на север и охватило марийских крестьян левобережной Волги.

Вскоре на помощь поднявшихся на борьбу крестьян Левобережья посылается группа повстанцев, возглавляемая Пономарёвым, ближайшим помощником которого был мариец Мумарин. Интересно отметить, что с усилением действия этого сложившегося за счёт местного марийского населения отряда, предводителем его становится Мумарин. Возглавляя группу марийских крестьян, он вместе с русскими повстанцами решил не прекращать борьбы, а пробиваться на север, чтобы весной 1671 г. вновь вернуться на Волгу. Однако осуществить этот план ему не удалось. В январе 1671 г. в районе Устюга Великого он был схвачен и отправлен тотемским воеводой Ртищевым вместе с его есаулом Фёдором Дураком и ещё одним повстанцем в Арзамас в качестве «главных к бунту заводчиков»¹.

Пожалуй, более упорной была борьба чувашских и марийских крестьян Правобережья. Здесь и особенно в Ядринском уезде даже в конце декабря восстание было ещё в разгаре, в то время как почти во всех других местах оно было подавлено. Восставшие проявляли исключительную стойкость. Даже после того как царским воеводам удалось в ноябре рассеять главные силы повстанцев, а оставшихся в живых жителей «привести к шерсти», т. е. взять обещание быть верными царю и не восставать, марийцы и чувашаи вновь поднимают знамя освободительной борьбы. Ядрин делается центром нового восстания. В начале второй половины ноября восстав-

¹ А. Голубев, К истории бунта Стеньки Разина в За-волжье, стр. 6.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина (1667—1671 гг.)

шие предпринимают наступление на взятый царскими воеводами Козьмодемьянск. Вплоть до начала февраля 1671 г. длилась эта новая вспышка восстания. 4 января повстанцы, возглавляемые Сергеем Васильевым и чувашом Семенейко Чеметеевым, в количестве 3 тыс. человек предпринимают последнюю отчаянную попытку нанести поражение действовавшим в Ядринском уезде царским войскам. Как сообщалось в одном из документов того времени, на обоз карателей во главе с Д. Барятинским совершили нападение «чуваша и черемиса Ядринского, и Курмышского, и Цивильского, и Чебоксарского уездов, атаманы русской человек Сережка Васильев да Ядринского уезду чувашенин Семейко Ченакеев, а с ними де было... с три тысячи человек...»¹. Это смелое нападение закончилось для повстанцев неудачей. Далее восстание быстро идёт на убыль.

Участие татарских народных масс Среднего Поволжья в народном движении 1667—1671 гг. было менее активным, чем мордвы, мари и чувашей. Во многом тут сказывалось влияние пользующегося значительным авторитетом среди отсталой части татарского населения мусульманского духовенства, татарского купечества, мурз и служилых людей, которые, как правило, не поддерживали народное движение 1667—1671 гг. и как правило выступали против него. Не случайно, что приблизительно через сто лет представители татар-помещиков (мурз) в Екатерининской законодательной комиссии, прося о предоставлении им дворянских прав, выдвигали в качестве доказательства преданности самодержавию факт участия своих предков в подавлении крестьянской войны под предводительством Степана Разина.

Тем не менее многие тысячи славных представителей татарского народа участвовали в восстании. Источники, касающиеся народного движения 1667—1671 гг., говорят об участии татар буквально во всех крупнейших битвах повстанцев с отрядами царских воевод. Многие из повстанцев-татар препятствовали продвижению войска Ю. Барятинского к Симбирску и отважно действовали в стычках с ним под селом Куланги, у реки Карла, под татарской деревней Крысадаки и деревней Поклоуш.

¹ Цит. по ст. М. Каликаева «Участие народа мари в крестьянской войне под предводительством Степана Разина», стр. 26.

Много повстанцев-татар действовали в районе Симбирской засечной черты. Под Арзамасом, где происходили крупные и жестокие сражения, в рядах 15 тыс. участвовавших в них представителей нерусских народов Поволжья насчитывалось несколько тысяч повстанцев-татар. Из действовавших в районе южной Козьмодемьянска такого же числа повстанческих сил нерусских народов примерно одну пятую составляли восставшие татары.

С большим сочувствием относились к повстанцам, действовавшим под предводительством Разина, и по мере сил помогали им трудовые массы башкир. Отдельные башкирские конные группы, влившись в отряды разинцев, активно боролись с феодалами и доходили даже до Пензы.

Говоря об участии подвергаемых классовому и национальному гнёту нерусских народов Поволжья в крестьянской войне 1667—1671 гг., надо всегда иметь в виду, что в ходе ожесточённой классовой борьбы эти народы никогда не достигли бы таких больших успехов, если бы сражались отдельно от русского народа. Угнетённые нерусские народы Поволжья прекрасно понимали, что если бы они боролись без поддержки русского народа, то поднятые ими восстания были бы задушены в самом начале. Поэтому повстанческие силы мордвы, марийцев, чувашей, татар и других действовали совместно с восставшим русским народом. В этой героической борьбе их объединяло единство целей, стремление навсегда уничтожить притеснения со стороны ненавистных царских чиновников и угнетение феодалов.

Глава V

ПОДАВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ. ЕЕ ОТЗВУКИ

Необычайно широкий размах восстания заставил на- смерть перепуганное правительство мобилизовать все силы на его подавление. Спешно проходят обучение иноземному строю отряды, сформированные из прибывших по мобилизации дворян и детей боярских. Царь лично произвёл смотр шестидесятитысячному ополчению дворян в Москве.

Помимо этого, после заключения мира с Польшей подтягиваются войска с западных границ государства.

В стране было объявлено осадное положение. Населению вменялось в обязанность строить различные оборонительные укрепления и готовить в крепостях запасы на случай нападения повстанцев.

Выступившим 1 сентября из Москвы многочисленным правительственным войскам не долго пришлось добираться до районов восстания. Действительно, ожесточённая классовая борьба к этому времени охватила большую часть европейской территории Российского государства.

По мере приближения правительственных войск повстанцы овладевают важными для обороны опорными пунктами на западе (г. Керенск и др.). Проводятся также оборонительные мероприятия по линии Тамбов—Козлов—Шацк — Темников — Арзамас, что давало возможность удерживать охваченные восстанием районы между Окой и Волгой.

На севере после взятия Козьмодемьянска повстанческие силы укрепляются по линии Галич—Унжа—Козьмодемьянск—Ядрин—Курмыш—Алатырь. В этом районе повстанцы стремятся удержать земли по реке Суре.

Правительственные войска между тем стремились как можно быстрее достичь главных центров восстания и приступить к подавлению разраставшегося народного движения. Поспешность эта вызывалась также желанием спасти оставшихся в живых царских воевод и дворян, бежавших из районов, охваченных движением, в наиболее надёжные крупные опорные пункты Поволжья — Казань, Нижний Новгород, Арзамас и др. В Арзамасе находился с небольшими силами князь Ю. Долгорукий. Позднее он был назначен командующим всеми царскими карательными войсками, сменив на этом посту менее инициативного и нерешительного казанского воеводу П. Урусова. Однако до прихода основных контингентов, присланных из Москвы и с западной границы правительственных войск, деятельность Долгорукого и воевод, находящихся в других городах, ограничивалась оборонительными мероприятиями, собиранием сведений о численном составе, районах сосредоточения повстанческих сил и др.

С подходом правительственных войск к Арзамасу, который с конца ноября становится штабом Долгорукого, действия против повстанцев приобретают планомерный наступательный характер.

Ожесточённейшие сражения произошли в Тамбовско-Пензенском районе и вдоль Симбирско-Корсунской засечной линии. Долгорукий посылает в эти районы подчинённых ему воевод с многотысячными отрядами.

Ю. Бярятинский, который после ухода Степана Разина из-под Симбирска, в течение целого месяца находился там, ожидая нового нападения повстанцев на город¹, лишь в конце октября по распоряжению Долгорукого покидает город и отправляется с карательной экспедицией по Симбирско-Корсунской черте.

Первая встреча войск Бярятинского с восьмьютысячной группой повстанцев во главе с мордовским народным героем Мурзакайкой имела место близ реки Урень. В результате сражения повстанцы вынуждены были отсту-

¹ Опасения Бярятинского были не лишены оснований. Южнее Симбирска, близ Надеинского Усолья, Ромашка, один из помощников Разина, объединил часть отступивших из-под Симбирска повстанцев в отряд в 700 человек и готовился вновь попытаться овладеть им. Против этого отряда посылается белоярский голова А. Козинский. 23 октября Козинский сообщил в Симбирск, что бо́льшая часть повстанцев «побита», остальные разогнаны.

пить. Барятинский захватил 170 пленных, 16 знамён и 4 пушки. Был захвачен также повстанческий обоз. Большая часть пленных была повешена. За эту жестокую расправу Барятинский получил благодарность от самого царя. Очевидно, после этого сражения войско Барятинского было изрядно потрёпано, так как далее направилось не на запад, а обратно вдоль Симбирско-Корсунской засечной черты и остановилось в Гагае. 5 ноября Барятинский получает известие, что повстанцы, возглавляемые «Ромашко да мурза Кайко с Саратовскими и с Симбирскими и с черты с Корсунскими и малого Корсунова и с Арзамаскими и с Сурскими и с Таоскими и с Саранскими и с Пензенскими и с Алатырскими и с Курмышскими и с уездными тех городов со всеми собралось их, с пятнадцать тысяч, и стояли у Барыша реки в Кондарате»¹.

Направившись туда 6 ноября, войско Барятинского выдержало ожесточённый бой с передовым отрядом повстанцев, возглавляемым Мурзакайкой, близ Усть-Уренской слободы. Результат боя был не в пользу повстанцев. Мурзакайка был ранен, а значительно поредевший отряд отступил, соединившись с главными силами. Подошедшие к реке Барыш, на западном берегу которой расположились многие тысячи повстанцев, отряды Барятинского не сразу вступили в бой. Зная отвагу и самоотверженность поднявшихся на борьбу со своими угнетателями народных масс, Барятинский лишь 12 ноября после тщательной предварительной подготовки перешёл в наступление. Каратели переправились на западный берег реки по трём построенным через реку Барыш мостам. Упорное сражение завязалось близ села Большая Кондарать, расположенного вдоль речки Кондаратки. Перевес сил был явно на стороне Барятинского, но восставшие всё же решили дать бой. Приближавшиеся каратели были встречены дружным залпом из 12 пушек. Бой был исключительно ожесточённым. «На поле и в обозе и в улицах по трупам нельзя было конному проехать, и пролилось крови столько, как от дождя большие ручьи протекли»². Однако результат его можно было заранее предугадать не только потому, что царские войска были многочисленными и хорошо вооружёнными, а также оттого, что получили отлич-

¹ «Материалы...», стр. 69.

² Там же, стр. 70.

ную выучку, искусно применяли различные манёвры на поле боя. Им удалось потеснить повстанцев, которые, понеся значительные потери, рассеялись по лесам. Однако вскоре они вновь объединились в многочисленный отряд, который, пополнившись за счёт восставших местных крестьян, представлял для карателей не менее значительную силу, чем раньше.

Через некоторое время отошедший после Кондаратского сражения к селу Парахзино на реке Суре Барятинский получает сведение, что в Мордовском национальном районе сконцентрировались большие силы повстанцев в количестве более 20 тыс. человек. Ядром этого объединения, в которое входили отряды известных предводителей восставших Мурашко, Мурзакайки, А. Савельева, Я. Никитинского, И. Леонтьева, был отряд, возглавляемый мордвином Павлом Елашевым.

Повстанцы, зная о превосходстве правительственных войск при ведении боя на открытой местности, двинулись к городу Алатырю с намерением овладеть им и лишь тогда, опираясь на этот отлично укреплённый пункт, встретиться с карателями. Однако замысел повстанцев был раскрыт. Находившийся в Алатыре полк воеводы Панина вышел навстречу повстанцам. Близ села Тургенево он соединился с пятью конными сотнями, которых послал Ю. Барятинский. 7 декабря у мордовской деревни Баево повстанцы вступили в ожесточённую схватку с этим войском. Лишь темнота и подход основных сил Барятинского спасли его от разгрома. Войско восставших всё же вынуждено было отойти к селу Тургенево и подготовиться к новой схватке. При этом повстанцы умело использовали военно-стратегические приёмы, выработанные в ходе предшествовавших сражений с правительственными войсками. Для отражения лобового удара карателей на самом ответственном участке было сконцентрировано большое количество пехоты и конницы. На обоих флангах были сооружены завалы из связанных между собой повозок и т. д. За ними укрылись группы повстанцев, в задачу которых входило в нужный момент неожиданно напасть на противника. Туда же было подвезено значительное число пушек. Для вылазки были оставлены специальные проходы. Чтобы противник не смог воспользоваться ими, проходы были временно перегорожены рогатками. Однако более опытным в ратных делах воеводам удалось избежать

этой ловушки. В начавшемся 8 декабря сражении царские войска предприняли наступление тремя колоннами, стремясь зажать повстанцев в клещи. Завалы и охраняющие их группы были захвачены. Сражение закончилось не в пользу повстанцев. Царские войска захватили обоз, 12 пушек и 68 знамён. Многие из участвовавших в этом сражении позднее присоединились к действовавшим в соседних местностях многочисленным отрядам восставшего народа.

Дальнейший путь войск лежал на Саранск, в который они вступили 16 декабря 1670 г.

Упорное сопротивление восставших крестьян и резкое сокращение в результате кровопролитных сражений и многочисленных мелких стычек численности правительственных войск настоятельно требовало большего объединения усилий царских воевод. По распоряжению правительства Долгорукий должен был двинуться из Арзамаса в Симбирск на соединение с Ю. Бярятинским. Однако оставить Арзамас Долгорукому было нельзя, так как со второй половины ноября на территории Арзамасского уезда вновь вспыхнуло восстание.

Особенно большое беспокойство Долгорукому доставляли повстанцы, активно действовавшие южнее Арзамаса, близ Темникова. Узнав подробнее через бежавших из этого охваченного восстанием района помещиков о численности и местоположении повстанцев, многие из которых прибыли из района Саранска, Долгорукий посылает туда двух воевод: Щербатова и кадомского воеводу Лихарева. В дальнейшие планы Долгорукого входило выполнение правительственного распоряжения — соединение в районе Саранска после усмирения восстания в Темниковском уезде с войском Ю. Бярятинского и В. Панина. Карателям при выполнении этой задачи пришлось встретиться с большими трудностями, преодолевать с огромными потерями целую систему различных засек и других заграждений. Например, едва только войско, возглавляемое Лихарёвым, вышло из Кадома, как в большом Кадомском лесу близ Чёрной речки наткнулось на засеку протяжённостью в три версты и в глубину на одну версту. В ней укрепились повстанцы, возглавляемые крестьянином С. Белоусом. 20 ноября у засеки завязалась ожесточённая схватка, окончившаяся поражением повстанцев. Однако восставшие крестьяне Кадомского уезда ещё долгое время

сопротивлялись карателям. Как повествуют официальные источники, в конце ноября повстанцы устраивали засеку от Кадома по направлению к Темникову на реке Уженке. Удержанию позиций в этих засеках повстанцы придавали большое значение, так как они тормозили продвижение правительственных войск вглубь восставших районов. С большим упорством повстанцы защищали Темников. Здесь они сконцентрировали значительные силы. Помимо 4 тыс. засевших в городе, в засеках, построенных в лесу близ Темникова и по дороге, ведущей к Арзамасу, расположились ещё 8 тыс. повстанцев. Там же находились 300 примкнувших к ним жителей Троицкого острога с несколькими пушками.

После взятия в первых числах декабря объединёнными силами нескольких воевод Темникова сопротивление повстанцев не ослабло, а, наоборот, усилилось. Отряды их энергично препятствовали продвижению правительственных войск, идущих от Темникова на выручку осаждённой восставшими Красной Слободе. 9 декабря Долгорукий подошёл к осаждённому городу. Под напором превосходящих сил противника повстанцы вынуждены были отойти к Троицкому острогу. Войдя в Красную Слободу, Долгорукий жестоко расправился со всеми, кто сочувствовал повстанцам. Далее им была выделена карательная экспедиция, возглавляемая Щербатовым, которая повела наступление на Троицкий острог. На помощь засевшим в остроге восставшие жители Керенска послали крупный отряд во главе с В. Фёдоровым. Однако добраться до Троицкого острога ему не удалось. В 8 верстах от него в мордовской деревне Панцеве Фёдоров встретился с отрядом, которым командовал один из помощников Щербатова. Завязался ожесточённый бой. В нём приняла участие и подоспевшая часть повстанцев из Троицкого острога. С обеих сторон была применена артиллерия. Однако повстанцы всё же не выдержали напора и вынуждены были отступить к Наровчату.

Крупные бои развернулись также под сёлами Зарубкино и Ачадово, где сконцентрировались отряды Михаила Харитонова. Потерпев неудачу при попытке задержать натиск превосходящих сил противника в Зарубкине, Харитонов отступил к селу Ачадову. Здесь произошло решающее сражение. Бой длился с трёх часов дня до четырёх часов ночи. Видя, что дальнейшее сопротивление бес-

полезно, оставшиеся в живых повстанцы, пользуясь покровом темноты, рассосредоточились по окрестным лесам.

Дальнейший путь правительственных войск лежал к Тамбовско-Пензенскому району.

Здесь до прихода основных правительственных сил действовали воеводы Я. Хитрово, И. Бутурлин, С. Хрущёв. Однако все они были бессильны подавить в этом районе крестьянское движение. Даже после того как были разбиты у села Конобеево повстанцы, возглавляемые Михаилом Харитоновым, размах движения не ослаб. Вслед за дворцовым селом Сасовым на борьбу со своими угнетателями поднялись крестьяне деревни Печинище вместе со стоявшими там тамбовскими казаками. К ним присоединились жители Рыбной пустоши Тамбовского уезда. Против восставших выступил отряд карателей, возглавляемый Я. Хитрово. В селе Алгасово разгорелось кровопролитное сражение, окончившееся поражением восставших.

Один из предводителей повстанцев, Тимофей Мещеряков, был взят в плен. Я. Хитрово, жестоко расправившись с большинством пленных, в виде исключения оставил в живых отважного атамана. Мещеряков и несколько его помощников были отпущены в Тамбов для того, чтобы они по дороге по сёлам и деревням «сказывали», что их помиловали. По замыслу Я. Хитрово, распространение подобных слухов подорвало бы разраставшееся народное движение. Однако царский воевода просчитался. Получив свободу, Мещеряков посылает в Тамбов своего ближайшего помощника Гаврилу Карнауха, поручив ему подготовить новое восстание в Тамбове. Задание это было выполнено, и когда 28 октября 1670 г. Тамбов был осаждён повстанцами, многие жители города перешли на их сторону. В расположенном к северу от Тамбова Лысогорске городским низам удалось полностью овладеть этим городком. К ним присоединились восставшие крестьяне окрестных сёл и деревень. Число повстанцев в этом районе по подсчётам одного из воевод достигало 10 тыс. человек. 17 ноября под Челнавским острогом восставшие встретились с царскими войсками. Несмотря на все усилия неприятеля окружить и разгромить повстанцев в результате боя, длившегося с «полудня до ночи», ни одна из сторон не добилась победы.

Чувствуя своё бессилие, царские каратели стремились невиданными жестокостями запугать народ. Особенно от-

личался находившийся в подчинении Хитрово полк бельской, смоленской и рославльской шляхты под командованием Д. Швыйковского. Значительная часть полка состояла из авантюристических элементов, готовых совершить любые злодеяния. Хитрово поощрял «жестокие напуски» Швыйковского, ставя его в пример остальным.

Основные правительственные войска появились близ Тамбова в момент, когда он со дня на день должен был перейти в руки повстанцев. 11 ноября большие силы восставших, состоявших, помимо крестьян, из донских и хоперских казаков, представителей городских низов Пензы, Верхнего и Нижнего Ломова и самого Тамбова, приступили к решительному штурму города. С этого дня вплоть до 3 декабря штурм длился «денно и ночью». Повстанцам удалось захватить острог и башню. Упорство, которое проявили повстанцы при штурме города, не случайно. Со взятием Тамбова в их руки переходила первоклассная для того времени крепость, где они могли бы выдержать на протяжении многих дней осаду и возможно продержаться до весны. Кроме того, Тамбов открывал дорогу с Украины и Дона в охваченные восстаниями районы Среднего Поволжья. Крестьяне-повстанцы Тамбовско-Пензенского района с нетерпением ждали прихода оправившегося от ран Степана Разина с новым войском с Дона и поэтому решили упорно осаждать этот город. Лишь 3 декабря 1670 г. с подходом к Тамбову значительно превосходящих сил противника повстанцы были вынуждены снять осаду. Отступив от Тамбова, они на следующий день дали бой карателям при селе Бойкино. Благодаря подавляющему преимуществу в артиллерии это сражение было выиграно царскими войсками.

Вскоре последовало падение крупного центра восставших в западной части Тамбовско-Пензенского района — Лысогорского острога.

Значительно дольше продолжалось восстание в восточной части Тамбовско-Пензенского района. Правительственные войска смогли продвигаться туда лишь после поражения повстанцев при деревне Ачадове (13 декабря 1670 г.), в результате которого открывалась дорога к городу Керенску. 15 декабря город этот был взят, что в свою очередь открывало путь на Пензу и Шацк. Через несколько дней каратели, возглавляемые Щербатовым, овладели Нижним и Верхним Ломовом. Под Нижним Ломовом был

взят в плен видный предводитель восставшего народа Василий Фёдоров. А в конце декабря 1670 г., несмотря на упорное сопротивление повстанцев, войско Щербатова захватило Пензу.

Упорнейшие сражения между правительственными войсками и повстанцами развернулись осенью 1671 г. в Симбирско-Нижегородском районе. Здесь царские воеводы вынуждены были действовать энергичнее, так как восставшие угрожали не только Арзамасу, но и Нижнему Новгороду. С большим трудом Долгорукому удалось рассеять повстанцев под Арзамасом. Однако торжество карателей было омрачено известием об опасности, грозящей Нижнему Новгороду. Многие тысячи крестьян с Богородицкого, Сосновского, Закудемского станов, из сёл Ворсмы, Мурашкино, Лысково и других двинулись к Нижнему Новгороду. Тем самым создавалась также угроза Арзамасу с севера. В селе Афанасьеве разрозненные силы повстанцев объединились. Временные их неудачи не смогли ослабить восстание в Нижегородском уезде. Оно пошло на убыль лишь после того, как карателям с огромным трудом удалось окончательно подавить неоднократно возникшее после «усмирения» восстание крестьян Мурашкино, Лысково и ряда соседних сёл и деревень. Действовавшие в этой части Симбирско-Новгородского района отряды Щербатова и Леонтьева расправлялись с восставшим народом с невиданной жестокостью. Помимо массового применения виселиц и четвертования, эти палачи сажали повстанцев на кол, прибивали гвоздями к доскам, подвешивали за рёбра на крючья.

20 ноября 1670 г. Ю. Долгорукий смог уже доносить царю, что Щербатов и Леонтьев «Нижний Новгород от воров очистили и воровских людей во многих местах побили»¹.

Одновременно осенью в восточной части Симбирско-Нижегородского района развернули ожесточённую борьбу с повстанцами каратели, возглавляемые Д. Барятинским, А. Норматским, М. Кравковым, казанским воеводой А. Голицыным.

Военные действия против повстанцев Д. Барятинский развивал совместно с казанскими войсками. Каждый шаг карателей вглубь восставших районов был сопряжён с

¹ «Материалы...», стр. 102.

огромными трудностями. 19 октября 1670 г. Д. Барятинский вступил в бой с пятитысячным отрядом повстанцев на речке Бѣлая Воложка в Свияжском уезде, в 20 верстах от города Свияжска. На следующий день поредевшее войско карателей подошло к Цывильску, где в 7 верстах от города на реке Тобаху ему снова пришлось вступить в бой с трёхтысячным отрядом повстанцев. Через день в Свияжском уезде под деревней Шетней объединѣнная армия вновь встретила с двухтысячным отрядом повстанцев, состоявшим преимущественно из русских, мариинских и чувашских крестьян. 23 октября около десяти тысяч повстанцев совершили нападение у верховья реки Тобаху в Котяковском лесу на обоз карателей и чуть было не отбили его. Однако для обороны самого Цывильска повстанцы сумели собрать не более пяти тысяч человек. Сказывалась стихийность и локальность восстания.

Поэтому уже 24 октября Цывильск был взят. Впрочем, и после падения этого города повстанцы продолжали упорно сражаться. Все земли к западу от Цывильска были в их руках.

После взятия Цывильска каратели двинулись на Козьмодемьянск. По пути им пришлось выдержать ещё ряд кровопролитных сражений с повстанцами: 28 октября — на реке Юнге, 31 октября — на реке Сундыре, 3 ноября — на подступах к самому Козьмодемьянску.

В отличие от карателей Д. Барятинского, деятельность отряда, возглавляемого полковником М. Кравковым, развернулась в районе, почти полностью заселѣнном нерусскими народами Поволжья. Карательная экспедиция выступила по распоряжению Ю. Долгорукова из Казани 3 декабря. В задачу Кравкова входило дойти до Козьмодемьянска, усмиряя по пути восставшее население, и там соединиться с отрядами, возглавляемыми Д. Барятинским. Однако трудности, которые претерпевал последний, продвигаясь в охваченных восстанием землях, повлекли за собой изменение первоначального распоряжения Ю. Долгорукова Кравкову. Дойдя до Чебоксар, он получает новый приказ — двигаться к Цывильску на помощь Д. Барятинскому и встретиться с ним в деревне Харакусах. Со взятием Цывильска отпала необходимость идти на соединение с Д. Барятинским. М. Кравков получает тогда распоряжение двигаться в охваченную восстанием Богатырёвскую волость Цывильского уезда, заселѣнную почти

сплошь мари́йцами, чува́шами и мордво́й. Восставшие организовывались в отряды и непрерывными смелыми набегами изматывали силы карателей.

Достигнув 28 октября центра Богатырёвской волости, деревни Богатырей, карательная экспедиция, возглавляемая Кравковым, поворачивает в Убиевскую волость и овладевает деревней Досакас. Далее продвижение карателей из-за упорного сопротивления повстанцев замедляется. Лишь 2 января 1671 г. они овладевают деревней Каркасы, а в течение первой половины января смогли усмирить восставшее крестьянство Яндубинской волости. После этого ослабленный отряд Кравкова поворачивает на север на соединение с Д. Бярятинским, войско которого после взятия Козьмодемьянска расположилось лагерем в деревне Большие Туваны.

Каратели, возглавляемые воеводой А. Нормаким, в отличие от отряда Кравкова, действовали в более тесном взаимодействии с Д. Бярятинским и преимущественно в пределах сравнительно небольшого района между Чебоксарами и Козьмодемьянском.

Несмотря на видимые успехи правительственных войск, подавление восстания здесь затянулось вплоть до весны 1671 г. Дольше всех держались повстанцы Ядринского и Цивильского уездов.

Если к началу зимы численность правительственных войск в Тамбовско-Пензенском и Симбирско-Нижегородском районах была примерно равна численности организованных в крупные отряды повстанцев, то этого нельзя сказать про Левобережье Волги. Против повстанцев числом не более 2—3 тыс., действовавших на Левобережье, из Москвы были посланы 2 отряда под командованием И. Вельяминова и В. Нарбекова. Кроме того, воеводы северных городов, в особенности в Галичском уезде, объявили поголовную мобилизацию населения для борьбы с повстанцами. Каратели, возглавляемые Вельяминовым, двинулись к району восстания из Москвы через Ярославль, куда они пришли лишь 6 декабря 1670 г. По замыслу правительства, из Ярославля они должны были двинуться в Галичский уезд на соединение с отрядом Нарбекова. Последний привёл свой отряд к району восстания несколько раньше. 18 ноября он уже вступил в Юрьевец Поволжский, расположенный недалеко от восставших районов. Юрьевец Поволжский становится базой военных

действий в Галичском уезде. 22 ноября каратели, предводительствуемые Нарбековым, вышли из Юрьевца Поволжского и направились в Галичский уезд, а также в Унженскую, Ветлужскую волости и к реке Лапшенге на подавление восстания в этих районах. Карательная экспедиция двигалась вверх по реке Унже по направлению на город Кологрив, минуя Макарьев Унженский монастырь. Узнав, что повстанцы, возглавляемые Мумариным и Пономарёвым, при известии о подходящей к Унже огромной карательной экспедиции покинули её и отступили в восточном направлении, Нарбеков быстро поворачивает с намеченного пути и, преследуя повстанческий отряд, продвигается вглубь Ветлужской волости вдоль реки Ветлуги на Лапшенгу. Выйдя на Меринскую дорогу в верховьях реки Лапшенги близ Богородского стана к вечеру 13 декабря, карательная экспедиция настигла отряд повстанцев. Каратели, завязав бой, «побили и посекали» более двухсот повстанцев. Кроме того, каратели «переимали и перевешали человек с полтора ста...»¹. Многим повстанцам удалось скрыться в лесах и, организовав небольшие отряды, двинуться к Соли Камской. Руководителям отряда Мумарину и Пономарёву также удалось избежать плена.

После того как была одержана победа над главным отрядом повстанцев, Нарбеков осмеливается расчлнить свой отряд на несколько. Все эти мелкие отряды посылаются по разным дорогам для уничтожения отдельных очагов восстания. Один из таких отрядов столкнулся близ села Рождествина с небольшой группой повстанцев, которые отважно вступили в неравный бой с карателями.

Нарбеков, считая, что восстание в западной части Левобережья подавлено, разослал по воеводствам «отписки», в которых хвастливо заявлял, что возглавляемая им карательная экспедиция достигла больших успехов в разгроме восстания и что он повстанцев «побил, посекал и перевешал с пятьсот в разных местах»².

Карателям, продвигавшимся вглубь восставших районов Левобережья с юго-западной стороны, оказывал помощь посланный 10 декабря 1670 г. Д. Барятинским из Козьмодемьянска отряд, возглавляемый полуголовой мо-

¹ А. Голубев, К истории бунта Стеньки Разина в Заволжье, стр. 19.

² Цит. по кн. А. Голубева «К истории бунта Стеньки Разина в Заволжье», стр. 5.

сковских стрельцов А. Карандеевым. Отряд продвигался вдоль реки Ветлуги через сёла Баки (Никольское), Богородицкое до села Лапшенга. «Усмирив» восставших крестьян этих сёл, отряд в конце декабря вернулся в Козьмодемьянск.

На территории Слободской Украины, как уже упоминалось раньше, восстание было подавлено преимущественно силами местных воевод. Особенно «отличились» при расправе с повстанцами белгородский воевода Ромодановский, коротоякский воевода Ознобишин и воронежский воевода Бухвостов. Активно участвовали при подавлении восстания на территории Слободской Украины также запорожские и донские отряды из числа зажиточных казаков.

Жестоко расправляясь с восставшим народом, царские палачи изощрялись в применении различных мучительнейших казней. Некоторые иностранцы, находившиеся в России в период крестьянской войны 1667—1671 гг., определяли количество погибших разинцев в сто тысяч человек. Примерно такое же число было казнено и подвергнуто различным репрессиям. По утверждению англичанина Койэта, лишь в течение трёх месяцев было казнено не менее 11 тыс. восставших. Кроме того, многие, десятки тысяч повстанцев были нещадно биты кнутом, сосланы на вечное поселение в Холмогоры, Верхотурье и Сибирь.

Центром расправы был город Арзамас—штаб Ю. Долгорукого. «Страшно было смотреть,— пишет один из современников, — на Арзамас: его предместья казались совершенно адом; стояли виселицы, и на каждой висело по сорок и по пятидесяти трупов; валялись разбросанные головы и дымились свежеею кровью; торчали колья, на которых мучались преступники и часто были живы по три дня, испытывая неопишуемые страдания»¹.

В Нижнем Новгороде было казнено 29 крестьян, 57 человек бито кнутом. Более шестисот повстанцев, попавших в плен под Симбирском, были умерщвлены самым жестоким образом: «одних четвертовали, других расстреливали, но большею частью вешали; весь окрестный берег Волги был установлен рядом виселиц...»². При расправе над лысковцами и мурашкинцами «одни были повешены, другие

¹ Цит. по указ. соч. Н. Костомарова, стр. 165—166.

² Н. Костомаров, Указ. соч., стр. 151.

посажены на кол, иные прибиты гвоздями к доскам, некоторые изодраны крючьями или засечены до смерти»¹. При расправе над козьмодемьянцами, принимавшими участие в восстании, «шестьдесят человек казнено смертью, сотне мятежникам отрубили по пальцу на правой руке; у других отсекали совсем руки, а четыреста человек биты нещадно кнутом»². Большое число повстанцев было казнено на Украине. В Маяцком остроге — 18 человек, в Балаклее — 12 человек, в Чугуеве — 3 человека и т. д. Кроме того, при устье речки Бахмута в разных местах над Донцом и по дорогам было повешено 52 человека. Подобные сообщения посылались царю сотнями. Таким образом, если обобщить все подобные цифровые данные, перед нами предстанет страшная картина расправы. Правящий класс жестоко мстил восставшему народу. Зачастую лишь неосторожное слово, давшее повод заподозрить в сочувствии повстанцам, было причиной если не смертной казни, то жесточайшего наказания. Что же касается взятых в плен повстанцев, то большинство их, как правило, истреблялось — их вешали, топили, а «пущих заводчиков» четвертовали и сажали на кол, сжигали живьем, не щадили при этом и раненых. Каратели действовали так усердно, что в местностях, где жители наиболее активно участвовали в восстании, многие деревни и сёла пустели, а пашни покрывались кустарником. Так, в Нижегородском уезде убыль крестьянских дворов исчислялась в 10 тыс. В Мордовском районе было истреблено примерно 10% всего мордовского населения. Особенно много мордвы в связи с событиями 1670—1671 гг. было уничтожено в Алатырском уезде. В ряде случаев царские воеводы обращали пойманных повстанцев в своих холопов.

После ликвидации главных очагов крестьянского восстания в Среднем Поволжье царское правительство пышно отпраздновало победу. В Москве состоялись торжества.

Однако до полной победы над повстанцами было далеко. Степан Разин ещё находился на Дону и готовился к новому походу. Всё Нижнее Поволжье находилось в руках восставших. На значительной части остальной территории, где действовали каратели, заглушённое зимой крестьянское движение ближе к весне стало вновь понемногу оживать.

¹ Н. Костомаров, Указ. соч., стр. 163.

² Там же, стр. 157.

В первую очередь царское правительство решает как можно быстрее окончательно расправиться со Степаном Разиным. Для того чтобы в какой-то степени изолировать славного вождя от народных масс, царское правительство решило повлиять на религиозные чувства наиболее забитой и отсталой части крестьянства. По распоряжению царя Алексея Михайловича патриарх Иосиф 12 марта 1671 г. предал анафеме (проклятию) Степана Разина и всех его соратников. Однако эта мера не принесла должного результата.

И хотя каждый год по церквам на Руси
Человека того проклиняют,
Но приволжский народ о нём песни поёт
И с почётом его вспоминает...¹.

Гораздо эффективней были мероприятия, предпринятые царским правительством по оказанию поддержки зажиточной части донского казачества в борьбе со Степаном Разиным и его сторонниками. Без сомнения, Разин совершил стратегическую ошибку, решительно не расправившись перед весенним походом 1670 г. с «домовитым» донским казачеством во главе с Корнеем Яковлевым. Значительно были ослаблены позиции повстанцев на Дону, когда часть их, возглавляемая братом Разина Фролом, двинулась на помощь восставшим крестьянам Слободской Украины.

За время отсутствия Разина и большей части его сторонников позиции «домовитого» казачества на Дону с помощью царского правительства упрочились. Используя экономическую зависимость Дона от Российского государства, царское правительство, воспользовавшись начавшейся весной 1671 г. нехваткой хлеба на Дону, совсем запретило ввоз туда хлеба. Этот запрет должен был, по распоряжению царского правительства, действовать до тех пор, пока казаки «не отстанут от воровства».

Кроме того, ещё с 1669 г. царское правительство, решив разоружить сторонников Разина, с помощью «домовитого» казачества приступило к вывозу с Дона оружия. Так, весной 1669 г. в Москву было вывезено около пяти тысяч лишь одних мушкетов. Многие делает царское пра-

¹ А. А. Навроцкий, Утёс Стеньки Разина. Цит. по сб. Е. Ф. Грекулова, «Стенька Разин, материалы для лекции, песни, инсценировки», М., 1924, стр. 90.

вительство также для того, чтобы на Дону было меньше сторонников Степана Разина. Ещё 26 февраля 1669 г., получив известие, что на Дон стали в большом количестве стекаться беглые крестьяне, чтобы участвовать в подготавливаемом Степаном Разиным новым походе, правительство даёт распоряжение воеводам пограничных с Доном городов задерживать беглых и возвращать обратно. Выполняя приказ, воеводы Валук, Воронеж, Тулы, Серпухова, Тамбова, Оскола и других городов, начиная с весны 1669 г., предпринимают энергичные меры по поимке беглых.

Вместе с тем правительство оказывает значительную материальную поддержку «домовитому» казачеству. С 1671 г. в Черкасск, который становится главной базой зажиточного казачества в его борьбе с повстанцами, царское правительство направило из Москвы, Тулы, Верхнего Ломова, Тамбова, Симбирска, Саранска, Астрахани и Шацка большое число пушек. Прислано было также несколько тысяч четвертей хлеба.

Для поддержки противников Разина на Дон посылается правительственный отряд, состоящий из двух тысяч драгун, который прибыл туда в марте.

Придя в Кагальник, Степан Разин решает до организации нового похода исправить допущенную им ранее ошибку — разгромить враждебные силы «домовитого» казачества, «атаманов и лутших людей». Кроме того, разгромив их и овладев Черкасском, повстанцы получили бы большое количество оружия и продовольствия, что было крайне необходимо при организации нового похода на Москву. Однако на этот раз соотношение сил изменилось. В этом повстанцы убедились после того, как предпринятая ими попытка весной 1671 г. захватить Черкасск окончилась неудачей.

Отбив нападение повстанцев и получив помощь людьми и оружием от царского правительства, «домовитое» казачество осмелело. Организовав многотысячный отряд, оно к 14 апрелю 1671 г. подступило к деревянным стенам Кагальника, где находился Разин и незначительное число повстанцев. «Домовитые», набросав дрова и сухой камыш к стенам городка, подожгли его с нескольких сторон и, ворвавшись в него, произвели кровавую расправу. С большим трудом удалось им взять отчаянно защищавшегося Степана Разина.

В Черкасске отважного вождя восставшего народа заковали в цепи и содержали под усиленной охраной. Вскоре «домовитые» схватили и привезли в Черкасск и Фрола Разина.

В сопровождении многочисленной охраны (около 200 человек) Степан Разин и его брат через Курск и Серпухов были отправлены в Москву¹.

Царское правительство высоко оценило услугу, которую оказало ему зажиточное казачество в поимке Степана Разина и его соратников. Низовые казаки получили большое «государево жалованье»: 3 тыс. рублей, 4 тыс. четвертей хлеба, 200 вёдер вина, 150 пудов пороху и свинца.

Доставленные в Москву, Степан Разин и его брат были сданы в Земский приказ, где были подвергнуты допросу. Во время допроса царские палачи применяли самые изощрённые пытки. Вначале Степана Разина подняли на дыбу (связали ему руки за спиной, подтянули за них вверх, а ноги начали тянуть вниз с такой силой, что кости выворачивались из суставов). Одновременно с этим его стали избивать кнутом. Разин не издал ни звука. Так же мужественно он держался, когда по его телу стали водить раскалённым железом, лить холодную воду по капле на одно и то же место предварительно обритой головы. Видавшие виды палачи были поражены необычайной стойкостью и мужеством подвергаемого страшным пыткам народного вождя.

6 июня 1671 г. Степан Разин с братом были выведены на Лобное место, где был прочитан длинный приговор, согласно которому они были приговорены к смертной казни путём четвертования.

На прощание со своим вождём к Лобному месту пришли многие тысячи людей. Правительство, опасаясь народных выступлений, приняло ряд предосторожностей. По свидетельству современника, «площадь... была, по приказанию царя, окружена тройным рядом преданнейших солдат, и только иностранцы допускались в средину огороженного места, а на перекрёстках по всему городу стояли отряды войск»².

¹ Помимо Разиных, «домовитые» направили в Москву «наипущих воров и заводчиков» — Лазаря Тимофеева и некоего Ларка, причём последнему удалось бежать.

² Рейтенфельс, Сказание о Московии, М., 1905, стр. 119.

Спокойно выслушав приговор, Степан Разин обвёл взором собравшийся на площади народ и, как бы прося у него прощения за то, что не смог довести восстание до победного конца, сказал: «Простите». Степан Разин был четвертован, причём при казни вёл себя так же героически, как и во время пыток. Лобное место обагрилось кровью славного борца за освобождение трудящихся.

На это указывал В. И. Ленин в своей речи при открытии памятника Степану Разину 1 мая 1919 г.: «...Лобное место напоминает нам, сколько столетий мучились и тяжело страдали трудящиеся массы под игом притеснителей... Этот памятник представляет одного из представителей мятежного крестьянства. На этом месте сложил он голову в борьбе за свободу»¹.

Имя Степана Тимофеевича Разина прочно вошло в русский фольклор, стало одним из наиболее популярных исторических имён, любимых и почитаемых эксплуатируемыми народами царской России. Фольклор о Степане Разине — один из наиболее богатых циклов об историческом герое.

Множество урочищ, холмов, курганов, утёсов, оврагов в Поволжье связано с именем Разина и его ближайших сподвижников. Песни о славном вожде, например, написанная А. А. Навроцким песня «Утёс Стеньки Разина», получили широкую популярность среди русского и многих других народов, стали народными песнями.

* * *

Степан Тимофеевич Разин был казнён, однако восстания продолжались. Всё Нижнее Поволжье находилось ещё в руках повстанцев. Весной 1671 г., вскоре после ареста Разина, они предпринимают поход вверх по Волге. Значительная часть пятитысячного отряда состояла из городской бедноты Астрахани, Царицына, беглых крестьян и работных людей. Вождями этой наиболее обездоленной части трудового народа были Иван Красулин, Иван Константинов, Дементьев и Самара. В отряде, возглавляемом Фёдором Шелудяком, они были в числе первых его помощников. В июне 1671 г. повстанцы подошли на 370 стругах к стенам Симбирска. Кроме того,

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 304.

Константинов возглавил входившую в отряд тысячу конных и пеших повстанцев, которые продвигались к Симбирску по берегу.

Воеводой в Симбирске в это время был П. Шереметев. Располагая большими силами, он тем не менее решил призвать на помощь полковника Н. Колобова, стоявшего со своим отрядом близ местечка Тетюши.

Осадив город со всех сторон и построив возведённые ранее ещё по указанию Степана Разина вокруг его стен земляные укрепления, повстанцы предприняли два отчаянных приступа. Однако оба они были отбиты.

Продвижение вверх по Волге и осаду Симбирска повстанцы организовывали в соответствии с решением круга «идтить им вверх, к Москве, и побивать, и выводить изменников бояр»¹. Это решение было принято 13 мая 1671 г. в Астрахани. Повторяя поход, совершённый во главе с Разиным, повстанцы, по всей видимости, надеялись, что, так же как прежде, с приходом их в районы Среднего Поволжья отряд станет ядром многотысячной армии восставшего местного крестьянства. Однако положение летом 1671 г. было совершенно иное. В районе Среднего Поволжья, в особенности близ Симбирска, на протяжении всей зимы свирепствовали каратели. К этому надо добавить, что 1670 год выдался неурожайным. Люди умирали с голоду. Силы поднявшегося осенью 1670 г. на борьбу народа к лету 1671 г. были значительно подорваны. Поэтому отряд, возглавляемый Шелудяком, не нашёл необходимой поддержки для успешного продолжения начатой борьбы.

Во время подготовки третьего приступа к осаждённому городу подошёл отряд Колобова и предпринял атаку на повстанцев с тыла. 23 июня 1671 г. осаждённые также совершают вылазку. Повстанцы, теснимые с двух сторон, вынуждены были снять осаду. Три тысячи повстанцев, погрузившись на струги, повернули к Астрахани. Другая часть отряда численностью в две тысячи направилась от Симбирска к Астрахани вдоль берега.

13 июля 1671 г. у стен Симбирска вновь появился небольшой отряд из трёхсот человек, возглавляемый прославленным атаманом Максимом Осиповым. Для того, чтобы пробиться к Астрахани, они совершили нападение

¹ А. Попов, Указ. соч., стр. 127—128.

на город. В результате этого смелого манёвра отряд обеспечил себе проход вниз по Волге. Однако до Астрахани он так и не смог добраться, так как под Царицыном был разбит царскими войсками, а возглавлявший его атаман Осипов, несмотря на отчаянное сопротивление, был схвачен и посажен в тюрьму.

Царское правительство тщательно готовилось к взятию последнего оплота восставших — Астрахани.

Возвратившемуся после казни Степана Разина из Москвы на Дон Корнею Яковлеву и некоторым другим представителям казацкой старшины царь поручает послать делегации в Астрахань, Чёрный Яр, Саратов и Царицын для того, чтобы уговорить находившуюся там колеблющуюся часть казаков схватить Фёдора Шелудяка и Василия Уса и помочь расправиться с их сторонниками.

На состоявшемся 29 марта круге господствовавшие в Черкасске «домовитые» казаки приняли решение идти, выполняя царское распоряжение, против находившихся в Астрахани повстанцев.

Однако сборы затягивались. Большинство казаков, за исключением «домовитых», выражало сочувствие повстанцам и ненавидело господствовавшую на Дону зажиточную казацкую верхушку. Последняя, замечая растущее недовольство рядового казачества, запретила принимать на Дону выходцев с Волги. Несмотря на запрет, «они прибегали непрерывно и производили смуты»¹. Особенно было «шатко» в верховых городках на Дону. Поход против восставшей Астрахани фактически сорвался.

Царское правительство надеялось теперь лишь на вышедшие ещё весной 1671 г. из Москвы войска, возглавляемые Милославским. Однако войска эти двигались крайне медленно и могли подойти к Астрахани не ранее первых чисел сентября 1671 г.

Между тем астраханцы тщательно готовились к обороне. Они твёрдо решили защищать город, несмотря на обещания царского правительства в случае добровольной сдачи сохранить всем им жизнь.

Такое единодушие и решимость астраханцев до конца отстаивать завоёванную свободу во многом было обусловлено внутренними изменениями, происшедшими в

¹ А. Попов, Указ. соч., стр. 129.

Астрахани с весны 1670 г., когда войско повстанцев, возглавляемое Разиным, отправившись в поход на Москву, покинуло город.

В Астрахани всё большее влияние приобретают носители наиболее в то время революционной идеологии — городская беднота, «рабочие люди», в особенности бурлаки, беглые холопы и стрельцы. Они стояли за решительную расправу с оставшимися в живых угнетателями, за немедленный поход на Москву и т. д. Характерно, что ещё весной 1670 г. к находившемуся в Астрахани Разину приходили представители городской бедноты и, указав ему, что многие приказные и дворяне скрываются в городе, просили у него разрешения поймать их и казнить. Разин удовлетворил их просьбу, но велел приступить к розыску скрывающихся представителей господствующего класса лишь после того, как возглавляемая им армия повстанцев уйдёт из Астрахани.

Большое недовольство среди городской бедноты и «рабочих людей» Астрахани вызывала деятельность астраханского митрополита Иосифа, вокруг которого группировались враждебно настроенные к повстанцам элементы. Убедившись, что оставленный Разиным в Астрахани атаман Шелудяк не предпринимает решительных мер против этой антинародной группировки, городские низы, помимо его воли, в начале августа 1670 г. устанавливают надзор за митрополитом и его приспешниками.

Весной 1671 г. в связи с подготовкой нового похода на Москву повстанцы ради этой общей для всех цели урегулировали свои разногласия, тем более что находившийся на пути к Симбирску Шелудяк узнал о том, что митрополит вёл тайную переписку с донскими «домовитыми» казаками и терским князем Каспулатом Муцаловичем Черкасским и готовил переворот. Возможно, после этого он разубедился в «святости» старца, в которую, вероятно, ранее верил. Вполне допустим и такой вариант, что, выполняя важное дело, начатое Разиным, Шелудяк решил с целью консолидации сил повстанцев изменить тактику. Какими бы мотивами Шелудяк ни руководствовался, для нас совершенно достоверным остаётся факт отправки им в Астрахань отряда в 500 человек и одного из своих помощников (Каченовского), которому было поручено заявить астраханцам, что Шелудяк поручает им казнить

митрополита и находящегося под арестом воеводу—князя Львова.

С приходом от Шелудяка отряда с Каченовским в Астрахань Василий Ус созывает 11 мая круг. На нём Каченовский сообщает о поручении Шелудяка. Собравшиеся весьма одобрительно отнеслись к сказанному Каченовским и решили, не откладывая больше, расправиться с антинародной группировкой. Митрополит был приведён в круг и спросил Василия Уса, зачем его призвали. «Что же ты стоишь, говори, зачем прислан от войскового?»¹ — сказал Василий Ус, обращаясь к Каченовскому. На что последний ответил: «Я прислан с речами. Зачем ты переписываешься с Терекком и Доном, по твоим письмам они от нас отложились»². Митрополит отрицал какую-либо переписку и советовал собравшимся «обратиться на путь истинный и раскаяться в преступлениях»³. Вызывающее поведение митрополита ускорило его казнь. Кроме митрополита Иосифа, были казнены бывший астраханский воевода Львов, долгое время находившийся под арестом, астраханский голова И. Протопопов, подьячий И. Воряков, некоторые зажиточные посадские люди.

Через два дня состоялся новый круг, на котором, помимо принятия решения идти на Москву, были окончательно согласованы имеющиеся между отдельными группами разногласия. Об этом говорит текст зачтённой на нём и подписанной всеми собравшимися грамоты, которую затем отдали на сохранение в Троицкий монастырь. «...Атаманы и все казаки Донские, и Терские, и Гребенские, и пушкари, и затинщики, и посадские люди и с гостина двора торговые люди, написали меж собою письмо, что жить здесь в Астрахани в любви и в совете, и никого в Астрахани не побивать, и стоять друг за друга единодушно»⁴.

Вернувшись в Астрахань, Шелудяк, вскоре после смерти Василия Уса, стал главным предводителем повстанцев. Под его руководством Астрахань тщательно готовилась к обороне.

Намереваясь разбить приближавшиеся царские войска во главе с Милославским вне пределов Астрахани, по-

¹ А. Попов, Указ, соч., стр. 125.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 127.

встанцы, сев на струги, встретили их севернее города и вступили в схватку. Однако будучи не в силах одолеть значительно превосходившие вражеские силы, повстанцы вынуждены были отступить в Астрахань.

Подойдя 1 сентября к стенам города, войско Милославского возвело на луговой стороне Волги и устья реки Балды городок, обнеся его кругом земляными укреплениями.

Вскоре Милославский убедился, что взять Астрахань приступом крайне трудно, поэтому он неоднократно посылает к повстанцам парламентёров. Последние требовали, чтобы восставшие «вины свои принесли и во всем дойти челом. Они же..., — как писал летописец «Сказания о граде Астрахани», — нимало тому не внимаху»¹. Понимая, что осада Астрахани затянется, царские войска возводят напротив своего стана на Соляной речке другой земляной городок. Он был построен в ещё более близком соседстве с Астраханью. Повстанцы пытались овладеть им, но безуспешно.

Между тем наступала зима, а конца осады не было видно. Лишь с подходом к Астрахани терского князя Каспулата Муцаловича Черкасского со своим конным отрядом положение изменилось. Князю удалось заманить предводителя повстанцев Шелудяка якобы для переговоров в свой лагерь и задержать его там.

Долгое отсутствие в Астрахани предводителя сказалось отрицательно. Начались разногласия между последовательно революционной и умеренной частью осаждённых. Городские низы, беглые крестьяне и холопы требовали применения решительных мер в отношении оставшихся в живых дворян, детей боярских и подьячих, конфискации их имущества и имущества казнённых. Умеренная часть жителей города склонялась к сдаче.

В городе началось волнение. 26 ноября 1671 г. победила умеренная часть осаждённых, которая и сдала город. 27 ноября царские войска, построив на стругах мост через реку Кутуму к городским воротам, вступили в город. Впереди ехал Милославский, «слёзы точа» от радости, что всё так обошлось для него благополучно. Так как со взятием Астрахани ликвидировался последний очаг восстания в Поволжье, то не было особой необходимости устрашать

¹ «Материалы...», стр. 257.

народ массовыми казнями. Кроме того, Милославский и его подчинённые старались использовать труд повстанцев в своих личных интересах. Так, на следствии, произведённом комиссией Одоевского, выяснилось, что у Милославского во дворе работали многие активные участники восстания. Некоторых из них Милославский начал было отсылать понемногу в свои московские вотчины. Поэтому вначале повстанцев не трогали и оставляли на свободе.

Лишь примерно через полгода прибывшая из Москвы особая комиссия во главе с князем Я. Одоевским произвела следствие в Астрахани и приступила к жестоким репрессиям.

Предводители восстания — Фёдор Шелудяк, Алексей Грузинский, Колокольников, Красулин — были повешены. Одного повстанца Семёнова, у которого были найдены «заговорные грамоты», сожгли как еретика. Много других повстанцев были высланы из Астрахани на жительство в отдалённые города.

Со взятием правительственными войсками Астрахани крестьянская война была подавлена. Однако отголоски её на протяжении многих лет грозным эхом звучали в стране, постоянно вызывая тревогу у победителей. Как вынужден был признать Н. И. Костомаров, даже в это время «повсеместно на Руси... сказывались следы волнения; и если б несчастье Стеньки Разина не дало делу другого оборота, вероятно, эти следы не остались бы слабыми»¹.

На следующий год после падения Астрахани на Дону развернул активные действия отряд казацкой «голытьбы», возглавляемый одним из соратников Степана Разина — Иваном Миюской. Через год организуется и ведёт борьбу с «домовитым» казачеством новый партизанский отряд «голытьбы», который возглавлял также один из помощников Разина — Семён Буянка. Он действовал преимущественно в Козловском, Ряжском и частично в других примыкавших к ним уездах. Через 10 лет один из предводителей «голытьбы» М. Скалозуб собрал около трёх тысяч казаков, преимущественно с Пяти Изб и Паншина, а также большое число бурлаков и разных «гулящих» людей. Они намеревались организовать поход, подобный разинскому, но потерпели неудачу.

¹ Н. Костомаров, Указ. соч., стр. 178.

Разраставшаяся классовая борьба беднейшего казачества на Дону была достойным ответом на усилившийся гнёт и жесточайшую реакцию, с которой обрушивалось на него после поражения крестьянской войны 1667—1671 гг. «домовитое» казачество.

Проводники интересов последнего, донские атаманы, вскоре после расправы со Степаном Разиным заявили царскому правительству, что будут беспощадно казнить всякого, кто вновь задумает поднять на Дону восстание. И как бы в подтверждение этих слов вскоре был убит один из казаков Иван Карамышев, который заявил, что «лутшие люди» ни на грош не считаются с интересами «голутвенного» казачества. Незадолго до того как стало известно о действиях отряда, возглавляемого Иваном Миюской, «домовитое» казачество Нижнего Дона предложило казакам верховых городков «беглых стрельцов к себе в войско не принимать». Оно приказало им ловить беглецов, из которых более тысячи укрылось в верховых городках.

Главным районом действий отрядов Ивана Миюски и Степана Буянки со временем становятся земли по реке Медведице. На одном из её островов повстанцами был возведён городок, обнесённый в 1674 г. на случай нападения дубовым острогом и земляной насыпью. Население городка быстро увеличивалось преимущественно за счёт беглых из городов Украины, а также Ломова, Тамбова и др. Беглым оказывалась большая помощь со стороны жителей городка и повстанцев из отряда Степана Буянки. Однако за помощь беглым последний был арестован и доставлен в Москву. По вопросу о выдаче Буянки разгорелась ожесточённая борьба между зажиточными и бедными казаками, трижды созывался специальный круг. Он стал местом ожесточённой борьбы «голутвенных» казаков за то, чтобы «с реки Дону никаких людей не выдавали». Большинство собравшихся на кругу казаков потребовали, чтобы атаман Яковлев изложил в Москве решение круга о выводе «ратных людей», занимавшихся поимкой беглых, с Дона. Усиленная борьба рядового казачества против поимки и выдачи бежавших на Дон принесла определённые успехи. Вскоре после круга в ответ на требование царского правительства выдать бежавшего на Дон стрельца Алёшку Турченина Яковлев должен был заявить, что без решения круга отослать в Москву беглеца не может. Между

тем царское правительство всё настоятельней требует усиления борьбы с «бунтовщическими» настроениями среди «голутвенного» казачества, преимущественно верхового. Будучи не в силах предпринять что-либо действенное в этом направлении, Яковлев вынужден был снять с себя звание атамана.

По всем признакам было видно, что на Дону назревало новое массовое восстание. Имеющиеся в нашем распоряжении источники пестрят указаниями на то, что после подавления крестьянской войны 1667—1671 гг. усилился приток беглых на Дон, готовых выступить против своих угнетателей и оказывающих революционизирующее воздействие на казацкие массы.

Большой интерес представляет для нас попытка вновь организовать на Дону в 1682 г. движение, подобно бывшему в 1667—1671 гг. К этому времени в верховых городах Дона и особенно на Хопре и Медведице скопилось большое число беглых. Многие из них, «пробыв некоторое время на свободе... возвращались к родным и подговаривали их идти с ними на вольное житье»¹.

Особенно сильный наплыв беглых в упомянутые места имел место в 1681 г. В этом году состоялся церковный собор, на котором были приняты решительные меры по борьбе с раскольниками, что влекло за собой массовое их бегство из центральных районов в отдалённые места Российского государства, главным образом на Дон.

На Дону вскоре был организован многочисленный отряд, во главе которого встал Илья Иванов. После неудачной попытки прорваться к турецким землям отряд решил отправиться на Волгу и вновь раздуть там пламя крестьянского восстания. Однако «домовитые» казаки сумели быстро организовать и нанести отряду повстанцев серьёзное поражение.

После расправы с отдельными, разрозненными группами повстанцев царское правительство усиленно приступает к подавлению оставшихся очагов народного возмущения в верховьях Дона.

Дольше всех (13 лет) продержался городок на реке Медведице. В 1688 г. он был осаждён пятитысячной правительственной армией. Жители городка упорно обороня-

¹ М. В. Дружинин, Раскол на Дону в конце XVII в., СПб, 1889, стр. 93.

лись и лишь в апреле 1689 г., когда в городке из-за нехватки продовольствия начался сильный голод, правительственные войска овладели им. Оставшиеся в живых осаждённые были истреблены. Многие из них, не желая попасть в руки царским палачам, «сами потопились».

Раскольниковое движение, распространявшееся среди восставшего народа, было своеобразной формой протеста против феодально-крепостнического гнёта. Движение было направлено против официальной церкви, являвшейся главным идеологическим орудием феодалов в их борьбе с антифеодальным движением трудящихся.

Восставшие, выступая с раскольническими лозунгами, «печатные книги, церковную службу и иконное письмо хулят, образам Божиим не поклоняются». Некоторые из проповедников раскола, например Кузьма Косой, шли дальше, призывая к вооружённому восстанию против царского правительства.

Раскол получил также широкое распространение среди восставших расположенного далеко на севере Соловецкого монастыря, которые в течение целого ряда лет после подавления народного движения 1667—1671 гг. упорно продолжали бороться со своими угнетателями. Восстание среди обитателей Соловецкого монастыря, не захотевших принять проводника официальной церкви архимандрита Иосифа, вспыхнуло в 1668 г. и длилось на протяжении семи лет. Выступая под раскольническими лозунгами, восставшие отказывались служить по «новым книгам», которые были присланы Никоном.

В монастыре среди восставших находилось значительное число представителей трудового крестьянства, что не могло не придать движению антифеодальный характер. Кроме того, монастырские «чёрные старцы», в руки которых со временем переходит руководство восстанием, по происхождению были «все крестьянскими детьми». В своих действиях они получали долгое время поддержку от служилых людей, монастырских «трудников» и посадских людей. Антикрепостническая направленность восстания значительно усилилась после того, как часть повстанцев-разинцев во главе с Кожевниковым и Сарафановым примкнула к восставшим Соловецкого монастыря. Архимандрит Иосиф, не принятый восставшим монастырём, вынужден был жить в Сумском остроге.

Посланный по распоряжению царя к Соловецкому монастырю стряпчий Волохов с отрядом стрельцов для «увещевания» восставших в январе 1669 г. направил в монастырь парламентёра.

Возвратившийся посланец принёс от восставших ответ, в котором говорилось, что «у нас одно положено, что по новым книгам петь и служить не хотим; на том мы в монастыре и сели, что помереть, и если Волохов вперед к нам пришлет, то мы его посланца в тюрьму посадим»¹.

В дальнейшем Волохов, имея в своём распоряжении лишь небольшой отряд стрельцов, не предпринимал активных действий против монастыря, а затеял споры с Иосифом. Впоследствии он счёл более целесообразным арестовать архимандрита за то, что тот якобы «заводит бунт».

Однако подавить движение Волохову не удалось. На смену ему из Москвы в июне 1672 г. в далёкий Соловецкий монастырь был послан стрелецкий голова Иевлев с большим отрядом, состоявшим из 725 стрельцов. Он высадился близ монастыря на Соловецких островах и отправил повстанцам письмо с требованием прекратить «бунт» и сдаться. Получив решительный отказ, Иевлев отдал распоряжение стрельцам сжечь монастырские строения, находившиеся по внешнюю сторону его стен, а также предать огню лодки, сено, дрова и истребить принадлежащих монастырю лошадей. Будучи не в силах взять сам монастырь, отряд стрельцов отошёл в находившийся по соседству Сумский острог.

В 1673 г. стрелецкий голова был отозван и вместо него к Соловецкому монастырю послан воевода И. Мещеряков с 700 стрельцами и со стенобитными орудиями. Следуя примеру своего предшественника, он укрепился на тех же островах. Осада монастыря отрядом Мещерякова, несмотря на применение стенобитных орудий, затянулась. С наступлением холодов воевода вынужден был отступить, отведя отряд на зимовку в Сумский острог.

Повстанцы, возглавляемые Кожевниковым, Сарафановым, архимандритом Никанором, старцем Геронтием, сотниками Воропиным, Самко Васильевым и др., мужественно и стойко отражали ожесточённые натиски правительственных отрядов. Помимо чисто оборонительных меро-

¹ Цит. по указ. соч. Г. М. Соловьёва, стр. 331.

приятый, восставшие предпринимают частые вылазки. Однако более успешному развёртыванию восстания препятствуют начавшиеся разногласия среди осаждённых. В конце мая 1675 г. воевода Мещеряков предпринимает очередную осаду Соловецкого монастыря. На острове к монастырским стенам были стянуты все имевшиеся в распоряжении воеводы ратные люди. Кроме того, на помощь ему было прислано 800 двинских и холмогорских стрельцов. Однако и на этот раз осада монастыря затянулась больше чем на полгода и в конечном результате потерпела неудачу.

В этот период наблюдается дальнейший раскол между основной частью восставших — крестьянами и значительной частью монахов и священников. Из числа последних нашёлся один монах, который решился предать осаждённых. Лишь благодаря этому предательству правительственное войско смогло овладеть героически оборонявшимся монастырём. Монах указал потайной ход, ведущий внутрь крепости-монастыря. В ночь на 22 января 1676 г. стрельцы, разобрав камни, которыми был завален потайной ход, ворвались через него внутрь Соловецкого монастыря. Многие повстанцы погибли в ожесточённом ночном бою. Захваченные в плен предводители повстанцев Никанор и С. Васильев были утоплены. Других оставшихся в живых отправили на поселение в Кольский и Пустозерский остроги.

Так окончилось восстание на делёком севере незадолго до смерти «тишайшего» царя Алексея. Соловецкое восстание было последним отзвуком мощной антифеодальной войны, в течение многих лет потрясавшей крепостнические устои дворянского Российского государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Крестьянская война 1667—1671 гг. под предводительством Степана Разина — яркая страница героической борьбы угнетённого трудового народа, преимущественно крепостного крестьянства, против своих эксплуататоров.

По своему характеру и значению она занимает видное место среди антифеодальных крестьянских движений, имевших место как в России, так и на Западе. Имея много общего с подобными движениями, восстание 1667—1671 гг. отличается некоторыми характерными особенностями, обусловленными как тем, что восстание произошло на определённой ступени развития производительных сил и производственных отношений, так и спецификой исторического процесса развития, присущей каждой стране, в том числе и Российскому государству.

Крестьянская война 1525 г. в Германии, например, отличалась от восстания 1667—1671 гг. целым рядом особенностей. Такая специфическая особенность исторического развития Германии, как её раздробленность, влекла за собой бóльшую разрозненность и стихийность крестьянских выступлений даже по сравнению с восстанием 1667—1671 гг. Наличие же в Германии большого числа хотя и угнетённого, но всё же не закрепощённого крестьянства ослабляло решительность и последовательность действий немецких крестьян. Отсюда наблюдаемые во время крестьянской войны в Германии поиски компромиссов с отдельными представителями господствовавших классов. Даже форма, в которую облекалась идеология тех и других восставших, была различной. Для идеологии немецких крестьян характерна её религиозная окраска, для идеологии восставшего крестьянства Российского государства — «царистская» направленность.

Крестьянская война 1667—1671 гг. имеет ряд специфических особенностей и по сравнению с предшествующим народным движением на территории нашей страны — восстанием 1606—1607 гг. под предводительством И. Болотникова.

Для сопоставления необходимо хотя бы в весьма общих чертах представить разницу в социально-экономической обстановке, на фоне которой развёртывались эти народные движения.

Антифеодальное крестьянское движение 1667—1671 гг. развернулось на более высоком этапе развития производительных сил и производственных отношений страны, что привело к целому ряду важных перемен. Для выявленная характерных особенностей восстания под предводительством Степана Разина, особое значение имеют следующие изменения. Во-первых, экономические связи между отдельными районами страны возросли и укрепились, происходит слияние «небольших местных рынков в один всероссийский рынок». В соответствии с этим растут и крепнут и другие формы связей. Во-вторых, консолидация сил господствующего и угнетённого класса становится ещё более отчётливой. С одной стороны, формируется единый класс угнетателей — дворянство, с другой — крепостное крестьянство. Холопство в связи с развитием товарно-денежных отношений в феодальных хозяйствах и заинтересованности феодала в максимальном использовании попавших в зависимость от него людей в производстве хлеба для продажи отживает свой век. В-третьих, расправа с восстанием 1606—1607 гг. под предводительством И. Болотникова облегчила закрепощение дворянством подавляющей массы крестьян.

Господствующий класс феодалов распространял свою власть и оформлял её с помощью крепостного права как вширь, путём колонизации районов центрально-чернозёмной полосы, Среднего Поволжья и Северной Украины, так и вглубь, путём расширения барской запашки за счёт крестьянских наделов и усиления внеэкономического принуждения.

В-четвертых, роль надстройки в оказании содействия феодалам в эксплуатации закрепощённого и закрепощаемого крестьянства сказывалась с гораздо большей силой, чем в период, предшествовавший восстанию 1606—1607 гг. Крепостное право закрепляется целым

рядом законодательных государственных актов, из которых центральное место занимает Уложение 1649 г. Оно юридически оформляло крепостное право и знаменовало собой ещё большее усиление феодально-крепостнической эксплуатации и укрепление основы феодализма — помещичье-вотчинного землевладения (наследование поместий, пожалование в вотчину, фактическое слияние поместья с вотчиной, общее увеличение размеров феодального землевладения и др.).

Распространение власти господствующего класса феодалов вширь вовлекло в сферу их колонизационной деятельности нерусские поволжские и другие народности, что превращало последних в союзников русского крестьянства в его многовековой борьбе против крепостничества.

И, наконец, следует учитывать, что примерно в течение двух десятилетий, предшествовавших крестьянской войне под предводительством Степана Разина, наблюдается резкое ухудшение положения трудящихся в результате ряда обстоятельств как внутреннего, так и внешнеполитического порядка.

В зависимости от указанных изменений крестьянское движение под предводительством Степана Разина отличалось от восстания, возглавляемого И. Болотниковым, большей остротой классовой борьбы, социальным составом восставших, районом распространения восстаний, степенью участия в нём угнетённых народностей и т. д.

Восстание под предводительством Степана Разина в гораздо большей степени, чем антифеодальное движение 1606—1607 гг., можно назвать истребительной войной крестьянства против своих угнетателей. Об остроте классовых противоречий можно судить хотя бы по тому, что у восставших под предводительством Степана Разина было гораздо меньше попутчиков из среды господствовавших социальных слоёв, чем в период восстания 1606—1607 гг. На отсутствие в восстании 1667—1671 гг. заметной группы попутчиков из какой-либо феодальной прослойки в своё время правильно указывал Б. Д. Греков. Он писал, что «...из принимавших участие в движении нет ни одного человека более или менее привилегированного положения»¹. Острота классовых противоречий спо-

¹ «Летопись занятий Археологической комиссии», вып. 1/34, стр. 203.

способствовала тому, что «прелестные грамотки» с призывом «мирских кровопивцев выводить» получили гораздо большее распространение, чем в период восстания 1606—1607 гг.

Об остроте классовой борьбы говорят ожесточённость сражений повстанцев с правительственными войсками, их отчаянное сопротивление превосходящим силам противника даже после поражения основного ядра повстанческого войска под Симбирском, исключительная «живучесть» повстанческих отрядов, сравнительно большая продолжительность восстания под предводительством Разина по сравнению с восстанием, возглавляемым Болотниковым. А разве массовая расправа над разинцами, когда царское правительство, не надеясь на то, что захваченные в плен повстанцы, будучи отпущены на волю, откажутся от уничтожения феодалов, истребляло их в размерах, исчисляемых многими десятками тысяч, не доказательство исключительно ожесточённой борьбы? Подобной картины массового уничтожения восставших не наблюдалось при подавлении восстания 1606—1607 гг., а также других антифеодальных народных движений.

В восстании 1667—1671 гг., в отличие от восстания под предводительством И. Болотникова, где холопство играло ведущую роль, основной движущей силой было крепостное крестьянство. Однако в отличие от других, более поздних восстаний 1707—1708 гг. и 1773—1775 гг., в нём почти не принимали участие «работные люди» мануфактур, верфей («работные люди» с воронежских верфей во время восстания 1707—1708 гг.), уральских и других заводов, так как во время восстания 1667—1671 гг. их численность была ещё крайне мала.

Распространение феодального землевладения далеко на юг, рост в связи с дальнейшим развитием товарного производства значения Поволжья — всё это были одними из основных причин, почему восстание 1667—1671 гг., в отличие от восстания 1606—1607 гг., возникло не в Курско-Орловском крае, а на Дону и в Поволжье. Освоение новой территории феодалами в этих областях России способствовало усилению эксплуатации, закреплению жившего здесь коренного населения. Большие земельные захваты в этих районах производят крупные земельные собственники — князь Черкасский, боярин Морозов и др.

Классовые противоречия на территории, охваченной восстанием, сказывались с особой силой также потому, что здесь значительную часть закрепощаемого крестьянства составляли нерусские народности Поволжья. На них ложился растущий гнёт русских и местных феодалов. В Поволжье, больше чем в других районах, получила распространение такая тяжёлая форма феодальной эксплуатации, как барщина, так как здесь на волжском торговом пути ощущался большой недостаток рабочих рук.

Этот район становится местом возникновения последующих антифеодальных выступлений 1707—1708 и 1773—1775 гг.

Вместе с тем восстания 1606—1607, 1667—1671, 1707—1708, 1773—1775 гг., будучи проявлением высшей формы классовой борьбы основных производителей материальных благ — крепостного крестьянства и других слоёв трудового народа против растущей феодальной эксплуатации — имели гораздо более существенного сходства, чем различия. Сходство это можно проследить по пунктам, которые являются как бы ключевыми при характеристике каждого восстания (движущие силы, попутчики, программа и тактика восставших, причины поражения и, наконец, его историческое значение).

Движущие силы восстания 1667—1671 гг. под предводительством Степана Разина. Основной движущей силой крестьянской войны под предводительством Степана Разина, как и в подавляющем большинстве антифеодальных восстаний XVII—XVIII вв., было крепостное крестьянство. Активное участие крестьян в восстании, возглавляемом Степаном Разиным, определяло его антифеодальную и антикрепостническую направленность, размах и формы борьбы. Начатое под предводительством Разина движение превратилось в действительно массовую антифеодальную войну угнетённого народа лишь с вовлечением в него крепостного крестьянства центральных приволжских районов. Действительно, если во время персидского похода главной силой отряда было «голутвенное» казачество, а затем уже беглое крестьянство то с перенесением в 1670—1671 гг. очага восстания в крестьянские районы Среднего Поволжья казаки составляли ничтожное меньшинство в многотысячной массе крестьян-повстанцев.

Активное участие крестьянских масс в движении 1667—1671 гг. подтверждается многочисленными документами. Однако надо учитывать, что почти все они исходили из среды господствовавшего класса феодалов, и поэтому классовая оценка этого народного движения существенно ими игнорировалась. Восставшие крестьяне-повстанцы презрительно именовались «ворами», т. е. совершившими преступление против государства. «А достальные воровские казаки семь человек,— читаем мы в одном из таких документов,— в распросе сказались Темниковского уезду разных помещиков крестьяне»¹. «А хотели быть к ним в казаки из того села 200 человек»².

Из вышеприведённых отрывков из документов видно также, что «воровскими казаками» чаще всего были действовавшие против феодалов-крепостников крестьяне. В интересах представителей правящей верхушки было выгодно называть их «воровскими казаками» для того, чтобы представить восстание как «бунт» незначительного числа казаков, представить его в отрыве от массовой крестьянской базы и тем самым в значительной степени умалить его значение.

Следует учитывать также, что во многих случаях крестьяне-повстанцы «для прелести называются атаманьями донскими казаками»³.

В антифеодальной войне 1667—1671 гг. активное участие принимали крестьяне всех категорий, в особенности крепостные крестьяне помещиков и вотчинников.

Как указывал В. И. Ленин, рассматривая классовую борьбу угнетённого крестьянства в период феодализма, «Когда было крепостное право,—*вся* (курсив наш.—В. Л.) масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство»⁴, что при крепостном порядке врагом этого порядка «является *все* крестьянство как целое»⁵.

¹ Цит. по 7-й стр. введения к сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. 1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 384.

⁵ Там же, стр. 97.

Поэтому среди крестьян-повстанцев наряду с крепостными встречаются черносошные крестьяне Слободской Украины и Поволжья, холопы и др.

Казацкую голытьбу, игравшую видную роль особенно на первом этапе восстания 1667—1669 гг., также можно рассматривать, как одну из разновидностей крестьянства, поставленную в иные условия жизни. Они отличались от крепостного крестьянства лишь немногим больше, чем например, черносошные крестьяне. При этом, бóльшая часть «голутвенного» казачества, участвовавшая в восстании, порвала связь с земледелием сравнительно недавно. Так, в 70-х годах XVII в. число казаков исчислялось примерно в 20 — 30 тыс., а после «азовского сиденья» 1637—1642 гг. их оставалось лишь 7—8 тыс.¹ Таким образом, было бы ошибочным при рассмотрении движущих сил восстания рассматривать казацкую голытьбу изолированно от крестьянства, необходимо её рассматривать лишь в целом, как составную часть крестьянства. Всё же «голутвенное» казачество, будучи более организованным, чем крепостное и черносошное крестьянство, сыграло видную роль в восстании. Являясь организующим ядром, «голутвенные» казаки в своих действиях выражали интересы крестьянства.

Активное участие в восстании под предводительством Степана Разина, как и во всех антифеодальных движениях XVII—XVIII вв., принимали городские низы. К повстанцам присоединилось всё малоимущее и тем более неимущее население города. Лишь незначительная верхушка в лице администрации, высшего духовенства и зажиточных торговцев и посадских людей составляла лагерь врагов восстания в городах. Сравнительно лёгкий захват повстанцами приволжских городов, без сомнения, во многом оказался возможным благодаря активной помощи им низов городского населения. Открытое сочувствие повстанцам выражали, как указывалось выше, представители городских низов в Москве и ряде других городов, находившихся даже в большом отдалении от главных районов восстания. Из числа социальных слоёв городского населения, принимавшего участие в восстании,

¹ См. В. Г. Дружинин, Попытка московского правительства увеличить число казаков на Дону в середине XVII в., СПб, 1911, стр. 3, 8.

можно назвать служилых людей «по прибору», упомянутых выше незажиточных и малозажиточных посадских людей. Этот слой городских жителей, состоявший из стрельцов, служилых казаков и других, формировался обычно из тяглого неимущего люда и даже из числа беглых. Во время восстания число восставших в городах обычно пополнялось за счёт выпускаемых из тюрем «сидельцев».

Об активном участии городских низов в восстании свидетельствуют документы того времени. «А в тех де городах, которые по черте, государевы люди везде им, вора́м, сдавались и с ними не бились, а иные де многие к ним, вора́м, приставали собою и с ними воровали»¹. Жители многих городов, как говорится в сообщениях царских воевод, с повстанцами «не билися», впускали их в город, частью истребляли «лучших людей» и т. д. Кроме того, жители ряда городов, например Воронежа, оказывали большую материальную помощь восставшим, сообщали важные сведения о намечаемых против повстанцев действиях правительственных войск и т. д.

Низшие категории духовенства, которые по своему экономическому положению мало отличались от прихожан и зачастую подвергались эксплуатации верхушкой духовенства, в значительной степени также участвовали в восстании. Убедительным примером этому служит активное участие монахов в восстании, поднятом в Соловецком монастыре. Монахи Троицкого монастыря числом до двух тысяч оказывали помощь повстанцам.

Что касается монастырской и церковной верхушки, то они заняли по отношению к восстанию непримиримо враждебную позицию.

В антифеодальном народном движении 1667—1671 гг. впервые приняли весьма активное участие трудовые массы нерусских народностей Поволжья и ряда других районов.

Вместе с русским крестьянством мордва, мари́йцы, чувашы, татары и другие, являвшиеся в своей массе крестьянским населением, боролись как против колонизаторской политики царизма, так и против своих собственных феодалов-угнетателей. Последние вместе с русскими феодалами так же жестоко угнетали нерусское крестьян-

¹ Цит. по 8-й стр. введения к сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. 1.

ство. Таким образом, «единого потока» в восстании среди участвовавших в нём нерусских народностей не было и быть не могло. Это ошибочное утверждение о «едином потоке» имело место в трудах ряда буржуазных историков.

В крестьянской войне 1667—1671 гг. принимало участие некоторое количество попутчиков, хотя острота классовых противоречий исключала возможность присоединения к повстанцам какой-либо значительной группы из среды господствовавшего класса. Попутчики обычно наблюдались среди служилых мурз и тайш, т. е. представителей нерусских феодалов, часть которых терпела притеснения от царского правительства. Так из среды служилых татар к восстанию примкнула группа, предводительствуемая Акаем Карачуриным. В Цивильском уезде (октябрь 1670 г.) восставшие отряды возглавлял татарский мурза Кулдибяков.

Из русских служилых людей отдельные попутчики наблюдаются преимущественно среди городского дворянства и детей боярских.

Программа восстания. Программа восставших по своей целенаправленности во многом была определена участием крестьянства в качестве главной силы в восстании. Центральным её пунктом, главным лозунгом, под которым проходило это движение, как и все антифеодальные крестьянские войны, являлось уничтожение крепостнических отношений, ликвидация гнёта помещиков, вотчинников и других представителей правящей феодальной верхушки.

Ясно, что о программе восставших можно говорить лишь с оговорками. Среди имеющихся в архивах документов нет таких, в которых бы была точно сформулирована программа нового политического устройства, что является доказательством политической незрелости, ограниченности этого крестьянского движения. То же самое в большей или меньшей степени можно отнести ко всем антифеодальным крестьянским движениям.

Из дошедших до нас документов, связанных с народным движением под предводительством Степана Разина, большой интерес для изучения программы восставших представляют рассылаемые ими «прелестные грамотки» или «прелестные письма». Количество этих писем было значительно, но до настоящего времени сохранилось

лишь несколько. Основная задача, которая ставилась перед восставшими в этих «грамотках», сводилась к уничтожению носителей и проводников крепостного гнёта — бояр, помещиков, вотчинников и их приказчиков.

Они обычно фигурировали в указанных письмах, как «изменники», «мирские кровопивцы». Так, в «прелестной памяти» Разина, составленной в октябре 1670 г., говорилось: «и я выслал казаков, и вам бы заодно изменников выводить и мирских кровопивцев выводить». В ней содержался далее призыв, чтобы «кобальные и опальные» присоединялись к повстанцам. Один из сподвижников Степана Разина в «прелестной памяти», обращённой к городским низам Харькова, призывал их сплотить свои силы в борьбе против классовых врагов, чтобы «от них, изменников бояр, в конец не погибнуть». Подобные же призывы содержатся в речи Степана Разина, приводимой Я. Стрейсом¹. Особый упор в «прелестных письмах» делался на борьбе против «московских цариков — безбожных бояр»². Следует при этом вспомнить, что главными земельными собственниками, эксплуатирующими крестьян на огромных земельных массивах Среднего Поволжья, были также бояре.

Далее по порядку следовала местная администрация, вотчинники и помещики. В одном из хронографов того времени в числе лиц, которых намеревались истребить повстанцы, помимо бояр, говорилось о необходимости уничтожить «думных, и ближних, и приказных людей, и дворян, и детей боярских, и всякого чину служилых людей и торговых, и людей боярских, будто за измену».

Восстание 1667—1671 гг. явилось антикрепостническим, поэтому оно было направлено в большей степени против непосредственных угнетателей крепостного крестьянства — помещиков и вотчинников. В тех же районах, где они успевали скрыться, гнев крестьянства обрушивался против оставшихся приказчиков.

К вражескому лагерю повстанцы относили также таких представителей «торговых людей», как купечество («гости») и верхи посадов. Ещё во время «разбойного» похода отряда, возглавляемого Разиным, многие «торговые люди» серьёзно пострадали от него. Выше уже не раз обраша-

¹ См. стр. 96 настоящей работы.

² «Акты Археографической экспедиции», т. IV, № 186, СПб, 1836.

лось внимание на многочисленные случаи расправы с ненавистными представителями «лучших» посадских.

Рост товарного производства и обращения в деревне способствовал выделению из среды крестьянства богатой прослойки — «людей добрых», а также скупщиков и ростовщиков. Имеется целый ряд сведений о расправе повстанцев с ними, особенно в северном районе, охваченном восстанием. В свою очередь «люди добрые» (например, из села Спасского, владения князя Черкасского) активно участвовали в умирении восстания.

Антифеодальная и антикрепостническая направленность программы и действий повстанцев сочеталась с лозунгами, содержащимися в тех же «прелестных письмах», и носившими «царистский» характер. Народ призывался, например, в одном из таких писем бороться «за дом пресвятые богородицы и за ево, великого государя, и за всю чернь». К повстанцам обращались с лозунгом «государю послужить, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичу Разину». Борьба против «мирских кровопивцев», якобы изменивших царю, отгораживающих его от народа, — подобное объяснение одной из причин, побудивших поднять знамя восстания, в какой-то степени делало его «законным» в глазах трудящихся, способствовало вовлечению в ряды повстанцев многих тысяч людей, которые ещё не отреклись от наивной веры в «царя-батюшку». Слухи об измене среди бояр царю упорно ходили в народе, и поэтому ими так умело воспользовались повстанцы. Предлогом для подозрения в «боярской измене» были, например, следовавшие одна за другой смерти в царском роду. Действительно, в марте 1669 г. скончалась царица Мария, в январе 1670 г. умер её сын Алексей, а вскоре — царевич Симеон.

Впрочем, сам Степан Разин не чувствовал особого благоговения к царю и даже обещал у него «передрать все дела» с приходом в Москву.

В более поздних «прелестных письмах» царское имя было заменено именем его наследника царевича Алексея, который бежал якобы от бояр к Степану Разину.

О распространении «царистской» идеологии среди восставших можно судить также по наличию в повстанческом лагере самозванцев. Мы уже указывали на факт нахождения в отряде, возглавляемом Степаном Разиным, двух стругов, принадлежащих якобы «спасённому» царю.

вичу Алексею, идущему вместе со Степаном Разиным расправляться с изменниками среди бояр, и Никону. Наличие «царистских» лозунгов в программе восставших — свидетельство слабого развития классового сознания крестьянства, смутного понимания ими своих классовых задач, свидетельство стихийности восстания.

В отношении повстанцев к церкви наблюдается подмеченное ещё в своё время Г. В. Плехановым отсутствие особого интереса к спорным тогда религиозным вопросам. Программа восставших не облекалась в религиозную оболочку. К этим спорным вопросам руководители народного движения обращались постольку, поскольку было выгодно использовать в интересах классовой борьбы, с одной стороны, опалу Никона, а с другой — принявшее уже значительные размеры раскольническое движение. Повстанцы стремились завязать связи с опальным патриархом и в то же время распространяли слухи о пребывании Никона в их лагере.

Дальше этого интерес к религиозным спорам не шёл. Поведение Степана Разина — хорошее доказательство подобной индифферентности. Несмотря на то, что в повстанческой войске были свои «попы со кресты» преимущественно из числа «бесместного» духовенства, Степан Разин и большая часть повстанцев особенно не придерживались религиозных обычаев. Так, при допросе в Разрядном приказе в августе 1670 г. попа Иванова (Колесникова) последний указал, что Степан Разин и «товарыщи его, казаки, в пост и в пятницу и среду мяса едят»¹.

Среди повстанцев вошло в практику свадьбы «играть» вокруг «вербы», как когда-то делали их далёкие предки, а не совершать обычный церковный обряд венчанья.

По мере усиления восстания, когда господствующий класс в борьбе с ним всё шире начинает использовать обслуживающую его надстройку — церковь, во многом безразличное отношение к религии и её носителям сменяется растущей ненавистью к верхушке духовенства. Степан Разин сурово расправлялся с выступавшими против него священниками. «А которые де священники ево, вора Стеньку, обличали, и тех он одного посадил в воду,

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 237.

а другому велел отсечь руку да ногу»¹. В Тамбовском уезде крестьяне наряду с помещичьими домами предавали огню некоторые церкви и наиболее богатые поповские дома.

Неизмеримая ненависть к эксплуататорам, годами вынашиваемая в сердцах угнетённого народа, горячее желание скорее погибнуть, чем вновь попасть к крепостную зависимость,— всё это делало повстанцев последовательными в борьбе с врагами, стойкими в сражениях, порождало факты массового героизма.

История восстания под предводительством Степана Разина полна примерами блестящих действий повстанцев и их вождей. Разве нельзя назвать героическим поход отряда под предводительством Степана Разина к берегам Персии и полный разгром численно превосходившего персидского флота, возглавляемого Менеды-ханом? А разве можно забыть триумфальное шествие повстанцев от Астрахани вверх по Волге в июле—сентябре 1670 г., остановленное ценой громадных усилий лишь под Симбирском? Нельзя также в этой связи не упомянуть о фактах массового героизма повстанцев в сражениях, об исключительной «живучести» повстанческих отрядов и др.

Однако военные успехи повстанцев нельзя объяснить только самоотверженностью и мужеством восставших, определённой талантливостью Степана Разина и его сподвижников.

Военная тактика повстанцев. В борьбе с правительственными войсками повстанцы, широко используя существовавшее у казаков военное искусство, выработали в огне сражений свою тактику и стратегию. Их отряды делились на сотни и десятки, возглавлялись атаманами из числа крестьян, казаков, городских низов и др. Повстанческие отряды владели простейшими элементами военной выучки. В бой они выступали строем, вели огонь поочерёдно, проходили через интервалы и т. д. Незадолго до начала боя обычно проходила интенсивная к нему подготовка.

Большое внимание обращалось на техническую оснащённость повстанческих отрядов, особенно на артиллерию. В каждом более или менее крупном повстанческом отряде она обычно всегда имелась. Об этом можно судить хотя бы по донесениям царских воевод, посланных для

¹ Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 252.

разгрома восстания. В Астрахани в распоряжении повстанцев, по сведению одного из источников, находилось до 180 пушек. Видную роль в восстании, особенно на начальном его этапе, играла казацкая конница, а также конные отряды башкир, татар и др. При комбинированных действиях пехоты и конницы повстанцы применяли при встречах с врагом определённый тактический приём. Первой в бой вступала конница, стремительно бросавшаяся на врага «казацким обычаем», т. е. беспорядочной лавиной. Пехота и артиллерия в это время держались наготове за расположенными в ряд обозами. В том случае, если натиск конницы отражался, она укрывалась за вступавшую в бой пехоту и артиллерию.

При взятии городов повстанцы умело применяли распространённые в то время способы осады. Особенно широко применялись различные способы осады повстанцами под Симбирском (сооружение земляного вала параллельно со стенами крепости, где засели враги; метание сосудов с горючей жидкостью в стан обороняющихся; засыпка находящегося перед стеной рва и т. д.). Кроме того, повстанцы умели возводить зачастую сложные оборонительные сооружения. Так, важные центры восстания Астрахань и Царицын были укреплены не только за счёт починки старых крепостных сооружений, но также путём возведения новых острогов. Широкое распространение получили устраиваемые восставшими засеки, которые иногда тянулись на несколько вёрст в длину и имели несколько рядов в глубину. С помощью засек повстанцы стремились преградить путь правительственным войскам. Засеки возводились обычно у мест переправ (например, близ Чёрной речки в Кадомском уезде) и поперёк дорог, по которым должны были двигаться крупные подразделения правительственных войск (например, вдоль и поперёк всей большой курмышской дороги повстанцы устроили засеки, перекопали дорогу и провели глубокий ров). Умело возводил засеки и отлично их использовал ушедший от преследования превосходивших правительственных войск отряд, возглавляемый М. Харитоновым.

Расположившееся под Симбирском повстанческое войско не только сделало многое для того, чтобы расширить район восстания, но также постоянно поддерживало связь с возникавшими и активно действовавшими в многочисленных уездах крестьянскими отрядами.

Сравнительно не плохо у повстанцев была организована и разведка. Редко правительственным войскам удавалось застигнуть какой-либо повстанческий отряд врасплох. Это происходило не только благодаря получению нужных сведений о противнике от отдельных лиц. Крупные повстанческие соединения, например, выставляли на дорогах, ведущих к месту их расположения, заградительные отряды и заставы, которые должны были не только своевременно сообщать о появлении правительственных войск, но также, если в этом будет необходимость, вступать с ними в схватки. Большое значение имела многочисленная застава повстанцев близ Пяти Изб. Она должна была воспрепятствовать установлению связи правительственных и враждебных восстанию гарнизонов ряда пограничных городов с «домовитыми» казаками Дона.

У повстанцев существовала также элементарная стратегия, что говорит за то, что в области военной у них наблюдались большие успехи, чем в области политической. Стратегические вопросы ставились обычно на рассмотрение круга. Можно, например, напомнить о круге, который состоялся весной 1670 г. перед походом повстанцев во главе со Степаном Разиным на Волгу. На рассмотрение собравшихся были выдвинуты два варианта намечаемого похода. Первый вариант сводился к походу непосредственно на Москву, второй — к захвату в первую очередь ряда городов по Волге, а затем уж к организации подобного похода. На кругу большинством голосов был одобрен второй вариант. Можно напомнить также о «многих кругах», которые созывались Степаном Разиным в августе 1670 г. На них подвергались рассмотрению три предполагаемых маршрута похода на Москву, причём одобрен был волжский путь к столице. После неудачи, постигшей повстанцев, возглавляемых Степаном Разиным, под Симбирском и ликвидации в связи с этим центрального ядра повстанческих войск, наблюдается известная планомерность в продолжавших активно действовать повстанческих отрядах.

Причины поражения. Однако ни мужество участников народного движения под предводительством Степана Разина, ни умелое применение во многих случаях военного искусства, ни наличие у повстанцев выработанных в боях с врагами определённых тактических приёмов и даже элементов стратегии — ничто не могло устранить слабых сто-

рон восстания, неразрывно связанных с общими условиями развития классовой борьбы крестьянства в период феодализма.

Основные причины поражения восстания во многом были обусловлены наличием этих слабых сторон, а именно: 1) стихийностью, 2) отсутствием чёткой политической программы, 3) неорганизованностью, 4) локальностью и др. На все эти особенности антифеодальных восстаний, являющихся главными причинами их поражения, неоднократно указывали классики марксизма-ленинизма.

Восстание под предводительством Степана Разина было выражением «стихийного возмущения угнетённых классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта»¹. Раздробленность и разобщённость крестьянства, коренящиеся в особенностях феодального способа производства, вели к тому, что восстание возникало и проходило стихийно. Стихийно выступая против эксплуататоров в лице помещиков, вотчинников, крупных землевладельцев-бояр, городской и церковной верхушки, уничтожая ненавистные порядки в деревне и в городе, повстанцы тем самым успешно выполняли одну сторону своей политической программы—разрушить всё то, что их угнетало. Что же касается созидательной части программы, то здесь повстанцы проявляли беспомощность. Дальше устройства сравнительно демократического управления на местах, наподобие казацкого круга, и мечтаний о «мужицком» царе их представление о новой власти не шло. Повстанцы совершенно не представляли себе, каким должен быть новый общественный строй.

В восстании 1667—1671 гг., как и во всех других подобного рода движениях, не было и не могло быть поэтому чёткой политической программы, ясно осознанной конечной цели, что, конечно, способствовало их поражению.

Той же экономической причиной можно объяснить и неорганизованность восстания под предводительством Степана Разина.

И. В. Сталин в беседе с Эмилем Людвигом в 1931 г. в этой связи указывал, что восстанию Степана Разина особенно присуща неорганизованность². Крестьяне, составлявшие основную движущую силу восстания, обычно вы-

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 112.

² Там же.

ступали разрозненно, неорганизованно. Существовавшая связь между отдельными повстанческими отрядами носила случайный характер. Поэтому о согласованности действий между этими отрядами особенно говорить не приходится.

Объединённые в малые и большие отряды, повстанцы действовали большей частью на свой страх и риск. Взаимной выручки почти не наблюдалось. Попытки нанесения концентрированных ударов по врагу хотя и имели место (поход нескольких крупных повстанческих отрядов на главный штаб карателей — Арзамас), но отсутствие достаточной согласованности действий заранее обрекало совместные операции на неудачу. Правительственные войска при столкновениях с повстанческими отрядами широко использовали их неорганизованность. Как правило, пользуясь тем, что повстанческие отряды не могли сконцентрировать свои силы и наладить взаимодействие, правительственные войска разбивали их поодиночке. Поражение ядра повстанческого войска под Симбирском осенью 1670 г. во многом обуславливалось тем, что участники восстания рассредоточили в это время свои силы, причём нужная взаимосвязь и поддержка между отдельными группами повстанцев не была налажена.

Неорганизованность повстанцев усугублялась не совсем однородным их составом. В повстанческих отрядах находились представители различных общественных социальных прослоек, разных национальностей, которые, помимо общих для всех участников народного движения задач, имели специфические, нередко сталкивающиеся между собой интересы. Подобная разнородность сил усложняла задачу преодоления разобщённости и ограниченности, затрудняла сплочённость сил участников народного движения 1667—1671 гг.

Если в период успехов, одерживаемых восставшими, отрицательные последствия подобной разнородности особенно не сказывались, то в период неудач наблюдалась другая картина. Попутчики спешили отойти от восстания, а некоторые из них даже помогали правительственным войскам расправляться с его участниками.

Наконец, восставшие не могли одержать победу из-за местной ограниченности, которая была исторически обусловлена в первую очередь натуральным характером феодального хозяйства. «Раздробленная, единичная, мелкая эксплуатация, — указывал В. И. Ленин, — привязывает

трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности уразуметь своей классово-солидарности, не даёт возможности объединиться, поняв, что причина угнетения — не та или другая личность, — а вся хозяйственная система»¹. Действительно, участвовавшие в восстании крестьяне, освободив от помещиков, вотчинников и их приказчиков свой район, как правило, считали, что их задача тем самым выполнена. Действия многочисленных крестьянских повстанческих отрядов ограничивались преимущественно тем районом, откуда были родом его участники.

Действия угнетённых нерусских народностей в период крестьянской войны 1667—1671 гг. также обычно не выходили за пределы своих национальных районов.

Во многих случаях трудовое население того или иного района восставало по мере приближения повстанческого войска, возглавляемого Степаном Разиным, или крупных отрядов его соратников. Часть восставших присоединялась к ним и некоторое время следовала вместе, другая же часть организовывала местные повстанческие отряды. После же ухода основных сил повстанцев из этого района и с уничтожением местных помещиков, вотчинников, их приказчиков, представителей царской администрации здесь наблюдается спад классовой борьбы, хотя, возможно, в соседних местностях, в которых находились крупные отряды повстанцев, наблюдался в то же время её рост.

Таким образом, местная ограниченность была одной из главных причин, обусловивших поражение восстания. Поскольку эту причину можно обнаружить при рассмотрении истории любого из антифеодальных народных движений, то следующий вывод Энгельса, относящийся к крестьянской войне в Германии 1525 г., вполне применим к восстанию 1667—1671 гг.

«...Местное и провинциальное раздробление и вытекающее из него неумение возвыситься над местными и провинциальными интересами привели все движение к гибели»².

Преодолеть неорганизованность, разобщённость, чётко представить стоящие перед ними задачи и благодаря этому победить своих угнетателей крестьянство и городские низы одни не могли. Им необходим был союзник, который

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. I, стр. 281—282.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 196.

помог бы свергнуть гнёт эксплуататоров и который явился бы идейным руководителем и организатором. Лишь при подобном союзе классовая борьба трудящихся не знала бы непреодолимых препятствий на своём пути. Таким союзником мог быть только пролетариат. А он в условиях феодально-крепостнической России не мог ещё возникнуть.

Историческое значение восстания. Большое значение для интересующихся восстанием 1667—1671 гг. имеет вопрос о его международном и историческом значении. К сожалению, он почти не исследован. Однако имеющиеся в нашем распоряжении отдельные факты весьма показательны.

Превосходя восстание 1606—1607 гг. и другие антифеодальные крестьянские войны XVII—XVIII вв. в России по интенсивности классовой борьбы и по своей продолжительности, народное движение 1667—1671 гг. вызвало тревогу среди господствовавших классов не только в России, но и во многих европейских и азиатских странах.

Из числа соседних крупных азиатских государств восстание 1667—1671 гг. затронуло больше всего Персию. Персидский шах был серьёзно встревожен смелыми операциями отряда под предводительством Степана Разина в своих владениях, симпатиями, которые питали к нему тысячи находившихся в Персии невольников.

Действия разинцев вызвали также серьёзную тревогу господствующих классов среднеазиатских ханств. Не случайно во время восстания под предводительством Разина распространились слухи о переселении части местной правящей верхушки подальше от района действия восставших.

Тревожное состояние, переживаемое господствовавшими классами ряда европейских государств, хорошо передал один из западноевропейских современников событий Шурцфлейш. Он признался, что не только «Московия», но и вся Европа находились в состоянии неизвестности, ожидая исхода борьбы. В газете «Голландский Меркурий», в некоторых рижских газетах регулярно печатались корреспонденции о движении, возглавляемом Степаном Разиным. Находившиеся во время восстания в Москве некоторые иностранные посланники постоянно информировали свои правительства о действиях повстанцев.

Крестьянская война 1667—1671 гг. имела большое историческое значение.

Будучи не в силах уничтожить крепостническую эксплуатацию и облегчить тем самым положение трудящихся, народное движение под предводительством Степана Разина расшатывало феодально-крепостнические устои и тем самым ускоряло переход нашей страны к новому, более прогрессивному буржуазному строю.

Вопрос о том, в чём выразилось это «расшатывание», является предметом специального исследования, однако ряд предварительных соображений необходимо привести.

Необходимо отметить усиленную народную колонизацию окраин после подавления восстания 1667—1671 гг., особенно восточных, что не могло не способствовать быстрейшему развитию там производительных сил, товарного производства и обращения.

После подавления крестьянской войны наблюдается дальнейший быстрый рост товарного производства и обмена, что было, возможно, следствием некоторого ослабления феодальной замкнутости в результате восстания.

Наконец, благодаря участию широких слоёв трудящихся в народном движении 1667—1671 гг. их революционные традиции были значительно обогащены. Показателен в этом отношении факт участия некоторых сподвижников Степана Разина в народном движении 1707—1708 гг. Так, в октябре 1707 г. острогожский полковник И. Тевяшев сообщил: «А при нем атамане Булавине были один называецца полковником, прозвище Лоскут, сходец с Валуйки, про которого «сказывают, что он был при Стеньке Разине лет с 7»¹. Лоскут не скрывал, а, наоборот, подчёркивал факт своего активного участия в движении 1667—1671 гг.

Опыт антифеодального движения 1667—1671 гг. изучали многие люди из числа передовых дворянских интеллигентов. Подобные восстания «заставляли задумываться наиболее просвещённые умы дворянского класса, побуждали их к критической оценке положения крестьянства и произвола помещиков»². Уроки крестьянской войны 1667—1671 гг. изучали также революционеры-демократы.

¹ «Булавинское восстание», «Труды Историко-археографического ин-та АН СССР», т. XII, М., 1935, стр. 130.

² М. И. Калинин, О литературе, Лениздат, 1949, стр. 130.

Большое внимание на восстание под предводительством Степана Разина и другие антифеодальные движения обращали классики марксизма-ленинизма. Они рассматривали эти движения в первую очередь с точки зрения использования извлечённых из них уроков, для классовой борьбы пролетариата и крестьянства. Поэтому не случайно в высказываниях классиков марксизма-ленинизма по антифеодальным крестьянским движениям большое место занимают вопросы о необходимости союза крестьянства с рабочим классом в борьбе против эксплуататоров.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
<i>Глава I.</i> Социально-экономические предпосылки крестьянской войны 1667—1671 гг.	22
<i>Глава II.</i> Начальный период крестьянской войны. Поход к берегам Каспийского моря	43
<i>Глава III.</i> Весенний поход повстанческого войска на Волгу. Взятие Астрахани	68
<i>Глава IV.</i> Крестьянская война в Поволжье, Слободской Украине и других районах России	93
<i>Глава V.</i> Подавление крестьянской войны. Её отзвуки	134
Заключение	163

Владимир Иванович Лебедев.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина
(1667—1671 гг.).

Редактор *Ю. С. Аксенов*

Художник *Г. С. Смелова.*

Технический редактор *М. Д. Петрова.*

Слано в набор 15/III 1955 г. Подписано к печати 4/VII 1955 г.
84×108 ^{1/32}. Печ. л. 11,5 (9,43)+0,125 (0,10) вклейка. Уч.-изд. л.
9,59+0,02 вклейка. Тираж 50 тыс. экз. А 03824.
Заказ № 4312.

Учпедгиз. Москва, Чистые пруды, 6.

11-я типография Росполиграфпрома, г. Горький, ул Фигнер, 32.

Цена без переплёта 2 р. 60 к

Переплёт коленкорový 1 р. 50 к., бумажный 50 к.

